

Людмила
ПЕТРАНОВСКАЯ

Как научить учиться?

**6 класс
пришёл
приёмный
ребёнок**

**ПРИЁМНЫЙ
РЕБЁНОК
В СЕМЬЕ**

Annotation

«У нас проблемы в школе!» – едва ли не самая распространенная жалоба приемных родителей. Как это ни грустно, но нередко именно из-за этих трудностей и неуспеваемости и появляются отказники. Придя в новую школу, приемному ребенку трудно адаптироваться, а детям и учителям побороть возникающие, как следствие, недовольство и смятение.

Книга «В класс пришел приемный ребенок» адресована школьным учителям, педагогам специального образования и тем, кто решился на очень важный и трудный шаг – усыновить ребенка. Она поможет найти подход к агрессивно настроенному школьнику и разобраться в истинных причинах недопонимания, ведь агрессия зачастую является результатом скрытых душевных ран. В издании также содержится много советов простым родителям, сталкивающимся с трудностями в общении с детьми.

- [Людмила Петрановская](#)
 -
 - [Предисловие к серии](#)
 - [Вступление](#)
 - [Неизвестные дети](#)
 - [Осторожно: мифы!](#)
 - [Первые встречи – последние встречи](#)
 - [Почему он такой?](#)
 -
 - [Один и не дома: эмоциональная депривация](#)
 - [Как трава при дороге: пренебрежение](#)
 - [Кошмар наяву: жестокое обращение](#)
 - [Рухнувший мир: потеря родителей](#)
 - [Казенный дом: институциональное воспитание](#)
 - [Нормальные дети с ненормальной судьбой](#)
 - [Как это бывает](#)
 -
 - [Брось, а то уронишь!](#)
 - [Гадкий утенок](#)
 - [Сама виновата...](#)
 - [Шут гороховый](#)
 - [У меня никогда ничего не получится](#)

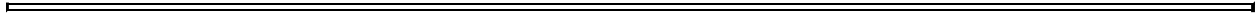
- Переходим к делу
 - Поведение «плохое» или «трудное»?
 - В чем причина?
 - «Плохое» – или не по возрасту?
 - Не помогать «плохому»
 - «Накачать» позитивом
 - Три кита и один верблюд
 - Способности – хорошие и... разные
 - Дойти до сути
 - Чтобы было не фиолетово
 - Учиться, учиться и учиться... А жить когда?
 - Приемные родители: не бороться, а сотрудничать
 - Специалисты службы семейного устройства – ваши помощники
 - Не забывать о себе
- И напоследок...
- Приложения
 - Приложение 1. 15 мифов о детях из детского дома
 -
 - 1. «Это не имеет ко мне отношения»
 - 2. «Главное – сироту хорошо обеспечить»
 - 3. «Воспитание в коллективе – то, что нужно детям»
 - 4. «Дети-сироты – это объекты»
 - 5. «Желающих взять детей из детского дома очень мало»
 - 6. «Все детдомовцы больные и ненормальные»
 - 7. «Главная опасность – гены»
 - 8. «Детей из детдома берут только те, у кого своих нет»
 - 9. «Никто не должен знать!»
 - 10. «Никаких кровных родственников, лучший вариант – круглая сирота»
 - 11. «Лучше взять очень маленького, тогда будет как свой»
 - 12. «Полюбить, как родного»
 - 13. «Ребенок будет нам благодарен»
 - 14. «Взять ребенка – значит усыновить»
 - 15. «Главное – полюбить ребенка, и тогда все получится»
 - Приложение 2. Формы устройства детей в семью
 -
 - Усыновление

- [Опека и попечительство](#)
- [Формы профессиональной семейной заботы: семейная воспитательная группа, патронатное воспитание](#)
- [Приемная семья](#)
- [Приложение 3. Развивающие игры](#)
 -
 - [Игры, улучшающие Общее развитие \(запас слов, понятийный аппарат, кругозор, речь\)](#)
 -
 - [Десяточка](#)
 - [Словесный конструктор](#)
 - [Вопросы по тексту](#)
 - [Рассказ по очереди](#)
 - [Не повторяться!](#)
 - [Это похоже на...](#)
 - [Игры, Развивающие внимание и память](#)
 -
 - [Кто увидит больше](#)
 - [Шерлок Холмс](#)
 - [Снежный ком](#)
 - [Игры, развивающие аналитические способности и познавательную активность](#)
 -
 - [Угадай число](#)
 - [Угадай слово](#)
 - [Смысловые пропорции](#)
 - [Продолжить ряд\[14\]](#)
 - [Четвертый лишний\[15\]](#)
 - [Что общего?](#)
 - [Классификация](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)

Людмила Петрановская

В класс пришел приемный ребенок

© Л. Петрановская

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Предисловие к серии

Дорогие друзья!

Я очень рада представить вам серию книг, посвященных приемным детям и приемным родителям.

Недавно исполнилось 15 лет с тех пор, как я начала работать в этой теме. За эти годы профессиональная жизнь свела меня, наверное, с тысячами семей и детей, которые поражали меня своим мужеством, готовностью любить и принимать, своей волей к жизни. Я очень рада, что узнала всех этих людей, слушала их истории, разделяла из чувства, радовалась их достижениям. Так здорово, что удалось кому-то из них помочь, поддержать на их нелегком пути.

Так приятно иногда встретить старых знакомых в реале или в сети, или услышать по телефону: «Хочу вам похвастаться: у моей дочери завтра выпускной. Она такая умница», «У сына скоро свадьба. Можете себе представить?», «Ой, а мы ждем внука. Уже скоро!». И я вспоминаю девочку, которая в 11 лет читала по слогам и отчаянно рыдала над каждым примером, повторяя, что она тупая. Мальчика, который говорил, что не собирается никого никогда больше любить вообще совсем. Их родителей, порой настолько уставших и отчаявшихся, что хотелось их не консультировать, а чаем отпаивать.

Все книги в этой серии – результат наших встреч. За всеми примерами и историями стоят реальные дети и семьи. Какие-то из книг давно известны среди приемных родителей и специалистов. Какие-то будут сильно изменены или написаны заново. Мне хотелось, чтобы они помогли всем, кто растит или просто сталкивается в жизни с детьми, потерявшими семью, лучше их понимать и лучше им помогать. А заодно лучше понимать и всех остальных детей, и самих себя.

Я благодарна своим коллегам из знаменитого 19 детского дома, которые 15 лет назад пригласили меня работать с приемными родителями, ввели меня в тему и дали пример настоящей помогающей позиции – уважительной, бережной, профессиональной.

Я благодарна всем коллегам, которые работали все эти годы и работают сегодня со мной рядом, давая поддержку, без которой невозможно было бы выдержать соприкосновение с очень грустными сторонами жизни.

Я благодарна рано ушедшей из жизни Ольге Суворовой, вдохновителю

и организатору первых изданий многих из этих книг.

Я благодарна издательству АСТ, которое взяло на себя издание этой серии, понимая, что это скорее социальный, чем коммерческий проект.

Я благодарна своей маме и всем своим взрослым, благодаря которым я всегда хорошо понимала и чувствовала, чего лишается ребенок, теряя семью.

Я благодарна своей семье, которая с таким пониманием и терпением всегда относилась к моей работе, в которую я вкладывалась, иногда чем-то обделяя близких. Все эти годы они не уставали поддерживать и восстанавливать меня в особенно сложные дни.

И, конечно, прежде всего я благодарна приемным родителям – за то, что доверяли, за их честность, смелость, теплоту.

Спасибо!

Людмила Петрановская

Вступление

Дорогие коллеги!

Могу обратиться к вам так, потому что десять лет назад я сама была школьным учителем. Так же, как и вы, приходила в класс и встречала там разных ребят: симпатичных и не очень, способных и трудных, радующих и мешающих. Потом получила второе образование и начала работать семейным психологом. Эта новая профессиональная тропа привела меня в интересную и сложную сферу семейного устройства детей из детского дома. Почти семь лет я проработала в московском детском доме № 19. Это необычный детский дом. Его главная задача – устраивать детей в семьи, чтобы у них был свой дом, родители и нормальное детство. Мы вместе с коллегами искали будущих патронатных воспитателей, готовили их, а потом помогали и поддерживали в деле воспитания ребенка.

Когда приемным родителям было трудно, они приходили на консультацию к психологу. Едва ли не самая частая жалоба звучала так: «У нас проблемы в школе!». Реже – с ребятами, чаще – с учителями. Вот лишь несколько таких родительских рассказов.

Мама мальчика 8 лет, в семье два с половиной года:

У нас все было так хорошо, пока не началась школа. Я просто не знаю, что делать. Он пошел в школу на год позже, и мы готовились, но все равно ему очень тяжело. Даже не объяснишь, что именно тяжело – любой пустяк. Стихотворение выучить. Задание записать. Ответить внятно. Он никакой к вечеру, несчастный, раздраженный. А ведь мы радовались, как он расцвел в семье, окреп, не болел совсем! Теперь любой вирус – наш. Пропускает школу, потом еще труднее... А ведь это только первый класс. Господи, что же дальше будет?

Мама девочки 13 лет, в семье несколько месяцев:

Представляете, она мне говорит: «Отдайте меня обратно! Вы хорошие, я вас люблю, но я очень устала, просто не могу больше, слишком много всего». И ведь оценки неплохие, вроде и подружка появилась, с нашими детьми отношения хорошие... Но на ней лица нет. Нервничает из-за уроков, боится что-то сделать не так. Иногда просто сядет и плачет тихо: устала, говорит, хочу в детский дом, там все просто было.

Родители мальчика 9 лет, в семье шесть лет:

Его выжидают из школы... Просто выталкивают, как занозу из пальца... Мы понимаем, он шептун и невнимательный, но он же не плохой ребенок, он добрый, ласковый! Зачем же с такой ненавистью о нем говорить? Все в школе сплотилось против нас, разговаривают как с врагами. Мы уже боимся ходить на родительские собрания, впору жребий тянуть...

Папа девочки 11 лет, в семье два года:

Понимаете, она выглядит со стороны как нахалка: шуточки идиотские, уроки срывает, ее ругают – она улыбается. Учителя прямо в ярость впадают. Не знают, чего ждать от нее. Я-то знаю, что это у нее от неуверенности жуткой. Она убеждена, что хуже всех, и пока мы с этим ничего не смогли поделать. Вот и клоунствует... Дали ей недавно грамоту за конкурс рисунков – заплакала и убежала, искали по всей школе.

Мама мальчика 7 лет, в семье полтора года:

Просто не понимаю, что я-то могу сделать? Дома он обычно слушается. А если не слушается, я как-то с этим справляюсь. Я ведь не звоню учительнице: сделайте что-нибудь. А она пишет: примите меры, чтобы он не вставал с места на уроке. Какие я приму меры? К стулу его приклею? Или с работы уйду, чтобы с ним за партой сидеть? Никакой помощи, одни претензии...

Подобных рассказов в моей практике было множество. На бумаге не передашь главного – чувств, с которыми все это говорилось... Слез, нервно сжатых рук, звенящего голоса, взгляда отчаянного, почти затравленного... А ведь это очень хорошие родители. Они стараются приемных детей понять, они **за них**. Есть ведь и другие, которые в подобной ситуации скажут: «Зачем мне ребенок, который даже учиться нормально не может? Чтобы я каждый день за него краснел? Если не понимает по-человечески, пусть идет, откуда пришел!». К сожалению, в детских домах немало детей, которые потеряли семью второй раз именно из-за проблем со школой. Не хотели делать уроки, прогуливали, «плохо влияли на других», «были неуправляемы», «не желали ничего понимать». Только подумайте: раньше дети теряли семью из-за войны, из-за эпидемий или катастроф. А теперь – из-за школы...

Поскольку не так давно я сама работала в школе, за жалобами родителей легко угадываю другие монологи, наверное, не менее

эмоциональные. «С тех пор, как он появился в классе, я просто не могу работать. Не понимаю, что ему надо. Он как будто не слышит меня. Много лет работаю, всякое видала, но тут чувствую себя бессильной... Ребята в классе его невзлюбили. Родительский комитет возмущается, что он мешает детям нормально учиться. И их можно понять, ведь они за своих детей болеют. А родители приемные носятся с ним, как с писаной торбой, и всему находят оправдания: «Он устает, он не привык». А у меня их, между прочим, тридцать четыре, и что – я должна остальных бросить и только с ним нянчиться?»

Приемный ребенок – он и вправду непростой, особенно если в семье недавно. Он может не знать элементарных вещей, не умеет себя вести, у него настроение скачет: то бесится, то плачет, или все это сразу. А в классе действительно много детей, и у педагога – учебный план, а главное – не поймешь, с какой стороны к этому особому ребенку подступиться, как найти с ним общий язык. Этому в педвузах не учили, об этом непонятно, у кого спросить, где почитать. Потому что долгое время детей, оставшихся без родителей, держали в казенных домах за высоким забором. И мы просто не знаем, как себя вести с ними.

К счастью, в последние годы общество вспомнило, что эти дети есть, что их детство проходит в казенном доме – проходит мимо, потому что без родителей – что за детство? Постепенно все больше людей понимают: ребенок должен жить в семье. Появляется больше желающих взять ребенка из детского дома. Но в какой мир он придет? Как его встретят? Не придется ли ему пожалеть о том, что выбрался из-за забора? Это зависит от всех нас, и особенно от тех, с кем ребенок проводит значительную часть жизни – от школьных учителей.

Вот поэтому я и написала эту книгу. Потому что хорошо представляю себе, каково вам, учителям, и каково приемным детям и их родителям. Я хочу, чтобы вы больше узнали о приемных семьях и приемных детях. Хочу, чтобы вам было легче с ними, а им – с вами. Чтобы вы могли не враждовать и обижаться, а сотрудничать. Чтобы приемный ребенок был действительно принят – не только новой семьей, но и миром.

Людмила Петрановская

Неизвестные дети

Осторожно: мифы!

Как вы узнали о том, что новенький в классе – приемный, бывший детдомовец, сирота? Возможно, вас предупредил директор или классный руководитель. Может быть, вы сами поняли это по документам, или вам сказала приемная мама, может быть, сотрудник службы семейного устройства. Что вы почувствовали: тревогу? жалость? любопытство? неприязнь? Какие ассоциации промелькнули в голове: «ужасные гены»? «бедная сиротка»? «инкубаторский»? Или все сразу? Смятение – вот, наверное, самое точное слово. Смятение мы чувствуем, когда сталкиваемся с тем, о чем мало знаем, к чему не готовы, но от чего не можем просто отмахнуться.

Так сложилось, что тема детей из детского дома в нашем обществе долго была под запретом. В обществе развитого социализма несчастных детей, детей-сирот не должно быть по определению (так же, как их пьющих родителей). Поскольку они все же были, их содержали в резервациях – детских домах и интернатах, где были свои школы, врачи, детские площадки. Поэтому среднестатистический человек мог за всю жизнь ни разу не увидеть детдомовского ребенка.

Представление большинства людей о таких детях сводится к набору мифов, слухов и сентиментальных сюжетов из фильмов, а их на эту тему много. Ведь ничто так не трогает сердца людей, как образ одинокого, потерянного ребенка, после долгих мытарств вновь обретшего семейный уют и любовь родителей. Одних романов на этот сюжет тысячи, а уж сколько «чернушных» или, наоборот, слезных газетных статей и рассказов «одной знакомой» – не сосчитать. Очень трудно бывает пробраться сквозь весь этот бурелом к сути дела. Вот только два образа сироты, сложившихся в массовом сознании.

«Оливер Твист». Согласно канону сентиментальной литературы, ребенок-сирота – сам по себе очень хороший (разве что немного чумазый). Добрый, тонкий, честный, готовый всем сердцем полюбить того взрослого, который позаботится о нем. Хранимый благословением матери (вариант: благородным происхождением), он чудесным образом выносит из опыта сплошных обид и притеснений высокие помыслы и твердые моральные устои. Все, что нужно этому ребенку – чтобы на его пути встретился наконец добрый человек, умыл, научил манерам и отдал в

школу. А уж сирота будет благодарен и оправдает доверие. В конце окажется, что эти добрые люди и есть его настоящие родственники и ребенка просто потеряли (украли) в детстве. Так что он даже и не приемный, а «законный».

Очень трогательно. Жаль, на самом деле так не бывает – чтобы ребенок ничего хорошего не получил от жизни, а стал хорошим. Если он хороший, – значит, его прошлое не столь безрадостно, либо в настоящем (в новой семье) он уже получил достаточно любви и помощи.

«Франкенштейн». Прямо противоположный образ: ребенок, взятый в семью, – пригретая на груди змея. Этот «неправильным образом полученный» ребенок в некотором смысле оборотень. Что ни делай, как хорошо к нему ни относишься – толку не будет: «Сколько волка ни корми, он в лес смотрит». Он будет всех ненавидеть и всегда мстить за свою несчастную судьбу: «Когда ласкали вы детей своих, я есть просил, я замерзал...», далее по тексту. Такой ребенок станет пользоваться добротой и лаской приемных родителей – святых людей, пожалевших сироту, а потом вырастет и коварно обманет их, начнет вымогать деньги, наведет банду на их квартиру, а то и их самих «закажет» киллеру ради наследства. И уж точно не подаст стакан воды (разве что с ядом).

Очень страшно. Самое печальное: так в жизни иногда бывает, хотя совсем по другим причинам, о которых мы поговорим в следующей главе.

Конечно, я намеренно привела эти полярные стереотипы в таком утрированном виде. Но можно ли поручиться, что от них свободно сознание даже самого образованного, широко мыслящего человека? Мифы только тогда бывают устойчивыми, когда отвечают внутреннему запросу людей^[1].

На досознательном, животном уровне всем нам присуще чувство страха перед чужим, не принадлежащим к семье (прайду, стае). Кто знает, что от чужого ожидать... Скорее всего, ничего хорошего. Возможно, он конкурент – претендует на еду, территорию. Может быть, это хищник, который нападет неожиданно. Или просто опасен – ядовит, например. Лучше его прогнать поскорее или самим убежать. Очень многое в нашем отношении к «чужим» детям, детям «из-за забора», из другой, неблагополучной жизни определяется именно этой глубинной программой. (Неприятие чужого можно увидеть даже в сентиментальном мифе про «бедную сиротку». Сама по себе жалость есть отношение к существу

низшему, ущербному, неравному. Не случайно в романах и сериалах сиротка обычно в конце концов оказывается родным ребенком, когда-то потерянным. Так это противоречие благополучно разрешается, и всем становится спокойнее.)

Дело осложняется тем, что на сознательном уровне у нас тоже есть основания для неприятия чужого. В наше время дети оказываются одинокими не по воле злого рока, а по причине алкоголизма, жестокости, безответственности их пап и мам. То есть эти дети – еще и представители иного социального слоя, где другие нормы поведения, другие ценности, другие отношения. Как говорится, «два мира, два образа жизни». Люди «не нашей среды» воспринимаются не просто как «другие», а как «неправильные», «неприятные», «неразвитые», «аморальные». Если называть вещи своими именами, как существа низшего сорта. Человек воспитанный, конечно, старается эти чувства не проявлять, но глубоко внутри они есть почти у каждого.

Все это заложено на уровне генетической и социальной программ, и винить здесь себя совершенно не за что. Вопрос в том, что с этими программами делать. Потому что они, к сожалению, далеко не безобидны. Именно они заставляют нас, общаясь с ребенком из детского дома, внутренне отвергать его, не принимать, а то и бояться. Ничего хуже для ребенка придумать нельзя, а уж для ребенка-сироты – тем более. Ему нужны от взрослых любовь и уверенность, подобно тому, как растению нужны солнечные лучи и хорошая почва.

Любые отношения – это сцепление чувств людей, их действий, слов, жестов, которые подогнаны друг к другу, как детали в пазле. «Каков привет, таков и ответ». Транслируя ребенку свою, пусть подсознательную, неприязнь, в ответ получим ненависть. Транслируя страх, получим неуправляемость. Транслируя недоверие, получим изворотливую ложь. Транслируя сентиментальную жалость, получим наглость и манипуляции. Мы можем контролировать себя и никогда не произносить вслух «ничего такого», но если наши глаза, тон голоса, движения выражают одну мысль: «Ты не такой, как надо!», ребенок прекрасно ее считывает. Вот почему очень важно встретиться со своими предрассудками «лицом к лицу», осознать, а не отмахиваться от них. Только тогда они перестанут определять наше поведение, и мы сможем вести себя так, как считаем нужным, а не так, как требует программа.

Поэтому для начала хорошо бы признать: меня пугает и озадачивает приемный ребенок. Во мне борются жалость, желание помочь, любопытство и неуверенность в своих силах (может быть что-то одно, или

все сразу, или совсем другие чувства, но тоже наверняка сильные). Вы в смятении – и это совершенно нормально. Как раз у самоуверенных и не испытывающих тревоги учителей часто не получается контакта с детьми – уж очень они твердо «знают, как надо». А тот, кто переживает, но делает, пробует что-то новое, рано или поздно справляется с любыми трудностями. И вы справитесь.

Первые встречи – последние встречи

Итак, вы встретились. Вы – за учительским столом, приемный ребенок – за партой в классе. День идет за днем, и обстановка постепенно накаляется.

Вот Антон встал и пошел по классу прямо на уроке, ваше замечание пропустил мимо ушей. Вы взяли его за руку, чтобы посадить на место, а он вырвался и громко засмеялся.

У Дениса сосед по парте взял ластик без спроса – он в ответ со всей силы ударил его кулаком в лицо. Без крика, без угроз – молча. Весь белый, губы сжаты. В ответ на упреки молчит и смотрит в пол.

Класс уже третье предложение пишет, а новенькая тупо смотрит в тетрадь. «Даша, ты что?» – молчит. «Почему не пишешь?» – «Я пишу». «Ты не поняла задание?» Тем же безжизненным тоном, не поднимая головы: «Я пишу». В тетради – ни строчки.

Сережа снова пришел в школу с невыполненным заданием. «Почему ты не сделал?» – «Я не знал, что задано». «Как не знал, вот же у тебя в дневнике написано» – «Нет, не написано». И ладошкой запись закрывает. Даже в детском саду не врут так глупо.

Говоришь, объясняешь, родителей вызываешь... Все то же самое. Даже хуже становится. Уже весь класс хихикает, когда его вызываешь – ребята ждут, какую глупость он скажет. Уже никто сидеть с ним не хочет. Нехорошо, конечно, но дети ведь чувствуют, что он не такой. И жаль его, и злость берет, и невольно думаешь: как было хорошо, когда его в классе не было... Есть же школы специальные... За что мне все это?

Конечно, так бывает не всегда. Возможно, ребенок уже давно живет в семье и вполне восстановился после тяжелого периода своей жизни. Возможно, у него в активе – несколько лет благополучного детства в родной семье, и это служит ему поддержкой до сих пор. Бывают дети, способные от природы, или умеющие приспособливаться к новым людям и обстоятельствам. Но сейчас – разговор о тех самых «невозможных», «странных» и «сложных». Короче, «детдомовских» в самом худшем смысле

этого слова.

Наступает момент, когда перед учителем встает выбор: приложить все усилия, чтобы «пробиться» к ребенку, наладить с ним контакт, преодолеть трудности – или приложить все усилия к тому, чтобы от сложного ребенка избавиться. Последнее, кстати, совсем не трудно. Дети из детского дома и впрямь многого не знают, быстро устают, не горят желанием учиться. Доказать администрации и родителям, что такой ребенок «не тянет» программу, элементарно. А дальше – направление на комиссию. Перед специалистами дети обычно теряются и отвечают хуже, чем в школе. И его направляют в коррекционную школу, а вы можете вздохнуть свободно: у вас в классе – опять только «нормальные» дети.

В самом деле, среди бывших детдомовцев есть дети, для которых программа общеобразовательной школы непосильна. Слишком мешает полученная от судьбы травма, или слишком слабое здоровье. И лучше ребенку быть успешным в коррекционной школе, чем «хуже всех» в обычной. Но если говорить честно, по-настоящему хороших коррекционных школ, таких, чтобы действительно учили в соответствии с индивидуальными особенностями ребенка, а не просто служили «детохранилищем», очень мало. Отношение и к ним, и к ученикам таких школ соответственное («школа для дураков»). Для ребенка и его приемных родителей перевод в такую школу может стать новой травмой, знаком того, что никакими усилиями не исправить «кривую колену» его жизни. Им и так непросто: не всегда поддерживают родные, друзья, собственные родители. А тут такой козырь в руки недоброжелателей: «Мы же говорили, что он у вас дефективный».

Еще хуже, если ребенок, почувствовав разочарование новых родителей, придет к выводу, что «такой глупый» им не нужен. По опыту знаю, что дети в подобном состоянии, во-первых, теряют даже ту способность к обучению, которая у них была, во-вторых, становятся неуправляемыми и агрессивными, действуя по принципу: чем все время бояться, что меня отдадут, лучше уж поскорее их сам доведу.

Поэтому, прежде чем затевать разговор о переводе в коррекционную школу, ответьте максимально честно на вопрос: так будет лучше для ребенка или вы хотите облегчить жизнь себе?

Есть такой злой анекдот: человек бежит со всех ног к автобусу, стоящему на остановке. А водитель смотрит на него и гадает: «Успеет или не успеет? Успеет или не успеет?». Потом закрывает дверь перед самым его носом и констатирует: «Не успел, придурок!». Это именно то, что делает наше общество с детьми (и не только с детьми), которым не повезло в жизни. Сначала он жил с пьющими родителями, или скитался по улицам, или подвергался насилию, и до этого никому не было дела. Потом его поместили в казенный дом, где он был одним из многих, и до него опять никому не было дела. Потом, даже если ему повезло обрести новую семью, он же оказывается виноватым в том, что не развит, не знает, не умеет. В общем, «не успел, придурок». Это грустно и несправедливо, но, к сожалению, сегодня это так. И потребуется много лет и много усилий,

чтобы изменить правила этой жестокой игры. Вопрос в том, какую роль в ней будете играть вы: створки захлопывающейся перед носом ребенка двери, или руки, протянутой навстречу?

Хотелось бы предостеречь вас от другой крайности. Вы искренне хотите помочь ребенку. Вы готовы сделать для него все, что от вас зависит. Может быть, вы думаете о нем больше, чем о любом другом ученике, менее строги к нему, потакаете, не решаетесь проявлять твердость. Вы то и дело пытаетесь поговорить с ним по душам или подолгу чуть ли не каждый день разговариваете по телефону с его родителями, обсуждая его школьные дела. Вы нередко ловите себя на мыслях о том, что ему довелось пережить, и как же, наверное, трудно приходится сейчас... На самом деле очень рискованно строить свою работу со сложным ребенком на жалости и на готовности «все для него сделать». Жалость не придаст сил ни вам, ни ему. «Все сделать» не получится, потому что вы не сможете открутить время назад и заменить его сложную судьбу на другую. Зато заработать нервное истощение можно очень быстро (о том, как учителю этого избежать, пойдет речь ближе к концу книги). А чем сможет помочь ребенку педагог в таком состоянии?

Гораздо правильнее отнестись к ситуации по-деловому, как к новому профессиональному вызову. Вы никогда не сталкивались с такими детьми – что же, пришла пора научиться с ними работать! Представляете, как было бы скучно, если бы все дети были такими, как нам хочется... Зато теперь профессиональная деградация вам точно не грозит. Кстати, полученные знания и навыки окажутся очень полезными при работе с другими сложными учениками. А таких в наших школах предостаточно – детей скандально разводящихся родителей, детей, «подброшенных» бабушкам, детей из неблагополучных семей, детей мигрантов, потерявших свой дом, привычное окружение, возможность говорить и учиться на родном языке. Вы узнаете многие их черты, когда будете читать вторую главу книги.

Итак, начинаем с правильного настроения. Сравните мысленно две картинки.

Первая. Вы – уставший, измученный учитель. Напротив вас – ваша Проблема – неудобный, трудный ребенок. Между вами – баррикада. Вам предстоит борьба, неравная и несправедливая. Как самочувствие?

Вторая. Вы (уставший, конечно). Рядом – ребенок (неудобный, разумеется). Перед вами – баррикада, а за ней – Проблема, то есть все связанные с ребенком трудности. И вы вместе (на самом деле не только вы, а еще и родители, и коллеги, и, может быть, другие ребята) вступаете в борьбу не с ребенком, а с Проблемой. Может быть, ребенок не сразу станет

активным вашим союзником, но ведь вы с ним по одну сторону баррикады, а это уже немало. Кажется, так уже повеселей?..

Постарайтесь удерживать именно эту «диспозицию» и все время помнить, кто и против чего (а не кого!) сражается. Это самое главное. Если удастся это, остальное получится обязательно – не сейчас, так позже.

Ваш путь начинается. И первый вопрос, который у вас наверняка возник: «Ну почему он такой»?

Почему он такой?

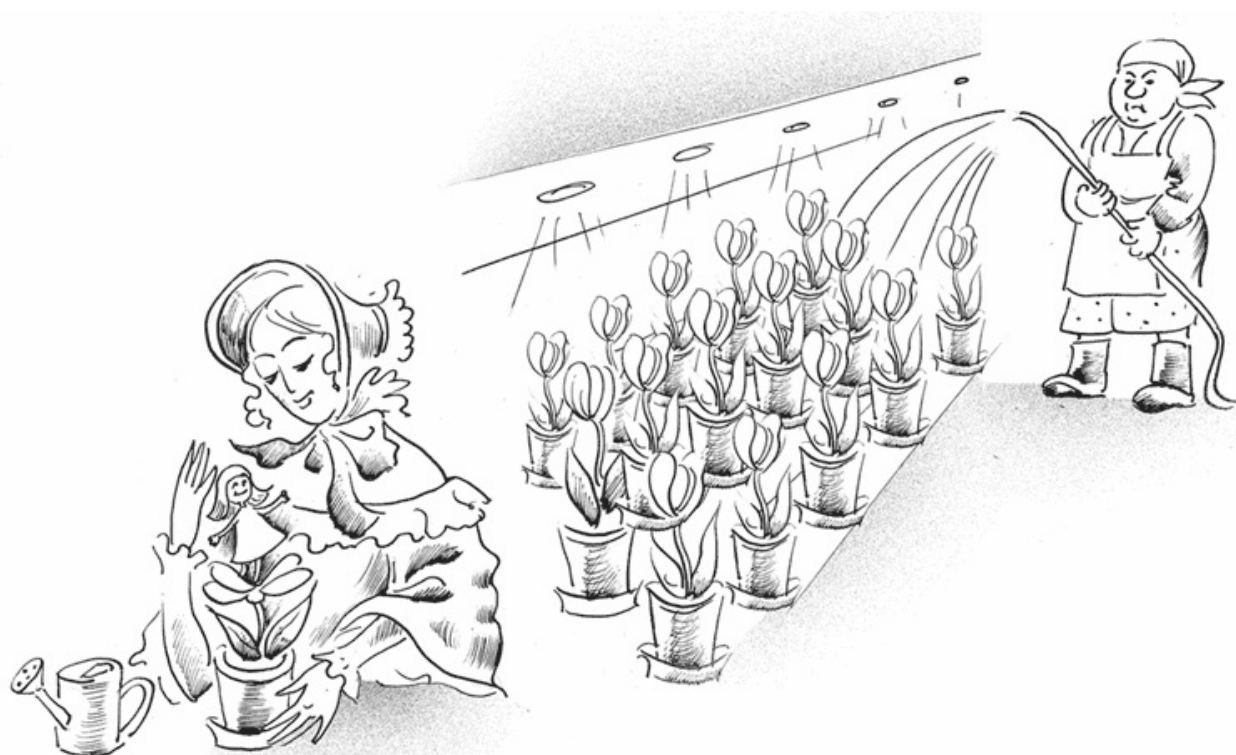
Человек появился на свет. Он очень маленький и совсем беспомощный. У него нет ни единого шанса выжить, если ему не будет помогать взрослый^[2]. Это чувствует любой, даже самый маленький ребенок. Эта информация заложена в него природой вместе с внутренней программой: «Если рядом есть взрослый, который заботится о тебе, смело расти и развивайся. Если он недостаточно внимателен, привлеки его внимание любыми способами. Если это не получается – замри, не расти, жди лучших времен. Если не дождался – умирай». В конечном итоге все особенности детей, по тем или иным причинам оставшихся без родителей, все странности их поведения восходят к этой глубинной программе.

Один и не дома: эмоциональная депривация

Первыми к мысли о том, что физическое и психическое здоровье ребенка, его развитие, отношение к миру и к своему месту в нем определяются его взаимоотношениями с родителями в раннем детстве, пришли психоаналитики. Их опыт работы со взрослыми пациентами показывал: изменения к лучшему в психологическом состоянии человека происходили после того, как всплывали тяжелые детские воспоминания – о чувстве отверженности матерью или отцом, о том, что родители были вечно недовольны, что их не было рядом в трудные минуты.

Ребенок не в состоянии отделить объективные обстоятельства жизни от родительских желаний, ему кажется, что уж мама-то с папой всегда делают то, что хотят. Отец много работает и почти не видится с ребенком не потому, что должен содержать семью, а потому, что «он меня не любит». Мать после появления второго ребенка начинает уделять меньше внимания первенцу не потому, что малыш требует больше заботы – просто «я ей больше не нужен». И даже если мать умирает, ребенок злится на нее, потому что «она меня бросила». Такие выводы об отношениях с родителями – часто вовсе не соответствующие действительности, по-детски упрощенные – закладывают фундамент личности ребенка, на котором он в дальнейшем строит свои отношения с окружающими. Например, от каждого нового человека ожидает, что тот его скоро предаст или бросит, «шестым чувством» выбирая для завязывания отношений как раз тех, кто на самом деле способен бросить.

Исследования психоаналитиков продолжил немецкий психолог Рене Спитц, который наблюдал за младенцами из «образцовых» приютов, где у них было хорошее питание и лечение, но практически отсутствовало общение со взрослыми. Во избежание инфекций детей размещали в стерильных палатах, специально обученный персонал заходил к ним только по необходимости – перепеленать, покормить, и всегда в марлевых повязках. В других случаях на руки детей брать не разрешалось. В результате дети в этих «передовых» приютах развивались гораздо хуже, чем дети из приюта при тюрьме, которые жили в очень плохих условиях, но часто виделись со своими мамами (и смертность среди первых была в несколько раз выше). Среди белых стен, в окружении белых масок вместо лиц, лишённые тепла рук, младенцы в буквальном смысле слова умирали от тоски. Это явление Спитц назвал «госпитализмом».

Госпитализм – это комплекс симптомов, который проявляется у ребенка, оставшегося без матери. Ребенок становится тихим, замкнутым, вялым, плохо ест и спит, теряет способность сопротивляться инфекциям и может умереть даже от нетяжелой болезни. Дети, которые растут без родительской заботы, отличаются от семейных заметным отставанием в физическом и интеллектуальном развитии, не проявляют любознательности, не любят осваивать новые навыки, легко впадают в истерику, в панику, в отчаяние.

Почему так происходит? Превращение новорожденного, практически неспособного выжить без посторонней помощи, в малыша, который бегает, ест кашу и болтает, – не менее сложный процесс, чем развитие ребенка из яйцеклетки. Чтобы он был возможен, природой создана сложнейшая система «мать-дитя», где все взаимосвязано. Известно: если ребенок сосет много и активно, то молока в груди у матери становится больше. И наоборот: не давайте ребенку грудь в первые несколько суток (как это было принято в наших роддомах еще недавно), и вы получите «безмолчную» маму. Если **не для кого** производить молоко, организм женщины и не станет этого делать.

Точно так же с ребенком. Он растет, развивается, учится новому,

выздоровливает после болезней, только если **есть для кого**. Если кто-то этому рад, ждет, помогает, если в ответ на каждое свое усилие, каждое достижение ребенок получает позитивную реакцию. Прежде чем младенец в первый раз улыбнется, он видит тысячи улыбок своих родителей и близких. Прежде чем он в первый раз самостоятельно повернется, его сотни раз перевернут мамы (папы, бабушкины) руки, показывая, как это делается, поддерживая, укрепляя мышцы и уверенность в себе. Закон сохранения заботы звучит так: чтобы человек умел заботиться о себе и о других, сначала кто-то другой должен вложить в него много-много заботы.

Из актов общения, которыми мать ежесекундно обменивается с ребенком в первые месяцы и годы его жизни – из взглядов, прикосновений, ласковых слов – постепенно формируется его личность. Ребенок приходит в мир, готовый к этой большой работе, настроенный на нее – сразу после рождения он способен отличить свою мать от других женщин по голосу, по запаху, по вкусу. Если роды прошли без осложнений и младенец проводит первые часы жизни с мамой, он может долго и сосредоточенно смотреть ей в глаза, словно знакомится, изучает, стремится установить с ней связь.

Но бывает и иначе. Мать оставляет ребенка. Он зовет – ее нет. Он ищет глазами ее взгляд, губами ее грудь. Нет. Его пеленают, кормят, моют разные люди, каждый раз **не те**. Ему страшно. Масштаб этого страха мы, благополучные взрослые люди, даже не можем себе представить. Потому что чего бы мы ни боялись – операции, переезда, потери близких, мы не можем потерять сразу все, даже при значительной потере в нашей жизни останется все остальное. А у ребенка этого «остального» просто нет – ни других опор, ни интересов, ни целей, ни опыта борьбы с неудачами. Для него отсутствие матери означает не крушение того, что было, а невозможность возникновения чего бы то ни было.

Даже если о ребенке хорошо заботятся нянечки или другой персонал сиротского учреждения, его тревогу это не снимет. Во-первых, потому, что для него изучить реакции и поведение другого человека – очень сложная задача. Когда люди все время меняются и у каждого своя мимика, свои интонации, свои приемы, задача становится просто непосильной. Во-вторых, даже самая добросовестная нянечка вынуждена заниматься группой детей и не может, как мать, подходить по первому зову одного, часами лепетать вместе с малышом, держать его на руках, кормить и менять пеленки тогда, когда это нужно ребенку (а не по санитарным нормам). К тому же нянечки бывают разные, и руки их не всегда берут детей ласково, и голоса у них не всегда добрые...

К счастью, дети обладают огромными способностями к адаптации и

огромным желанием жить. Поэтому они стараются удержаться на первых двух пунктах своей внутренней программы: «добивайся внимания взрослого, не добившись, замри и жди, не дождался – умирай». Именно этим объясняется большинство особенностей детей, в раннем возрасте оставшихся без родителей – «отказников», «подкидышей» и прочих обитателей домов ребенка.

Например, многие детдомовские дети, даже давно вышедшие из младенческого возраста, страдают энурезом (недержанием мочи). В чем причина? С одной стороны, состояние постоянной тревоги (психологи называют ее **базовой**) в отсутствие матери расшатывает нервную систему, в том числе и ту ее часть, что управляет мочеиспусканием. С другой – ребенку нужно внимание взрослых. Не мамы, так хоть нянечки. Не любви, так хотя бы формальной заботы. Не ласки, так хоть какого-то физического контакта. Описайся лишний раз, и ты это получишь. Даже если рассердятся, прикрикнут или шлепнут, все равно это лучше, чем ничего. Это та соломинка, за которую можно ухватиться утопающему. Внимание взрослого для ребенка – не прихоть, а жизненная необходимость. Потому что голос природы внутри все время настаивает: получи внимание взрослого или умрешь. Тут уж выбирать средства не приходится.

Того же происхождения привычка детей из детского дома по любому поводу громко кричать, закатывать истерики. Все просто: если у нянечки есть время подойти только к одному из десяти детей, она подойдет к тому, кто кричит громче всех. Кто не сумел обзавестись «луженой глоткой», получает меньше внимания, значит, больше отстает в развитии и имеет меньше шансов выжить. Оттуда же – такая особенность поведения детдомовцев, как «прилипчивость»: неестественная ласковость, когда ребенок готов залезть на колени к любой незнакомой женщине, обнять ее, поцеловать, назвать мамой. Понятно: отчаявшись получить полноценную материнскую любовь, он решил добирать количеством («с миру по нитке») внимание взрослых, а если не дают добровольно, надо выпросить, выманить, выбить.

Ребенок, оставшийся без матери, находится в крайней степени стресса, ему не просто одиноко или грустно – решается вопрос его жизни или смерти. Каждый день. Многим известны навязчивые действия, которые так пугают в детях, выросших в казенном доме. Даже довольно взрослые дети – шести, восьми лет – сосут палец, и порой не один, а чуть ли не всю кисть засовывают в рот, часами раскачиваются из стороны в сторону, могут даже биться головой о спинку кровати. Все эти ритмические действия – замена материнскому укачиванию, тот способ, который изобретают дети,

чтобы справиться с нестерпимой тревогой и успокоиться. Поэтому если вам неприятно видеть, как восьмилетний ребенок сосет палец, вспомните, почему сформировалась эта привычка, зачем ему это было нужно (дети, которые не научились так себя успокаивать, просто не дожили до восьми лет).

Как решить эту проблему? В государственном масштабе – активно заниматься профилактикой ранних отказов от детей (кое-что в этом направлении уже делается). Ведь настоящих матерей-кукушек, у которых необратимо сломана программа материнской заботы о ребенке, очень мало. В основном от детей отказываются от безысходности, оттого, что женщине негде и не на что жить. Если она еще во время беременности получает помощь и поддержку, обычно у нее находится возможность самой растить ребенка.

Детям, которые все же остались без матери, лучше расти в малокомплектном учреждении, где за каждой няней закреплено не больше четырех-пяти детей. Но настоящим спасением может стать только семья. Чем раньше ребенок-сирота обретет семью, тем меньше будут последствия эмоциональной депривации, тем полнее он сможет восстановиться для нормальной жизни. И значение здесь имеет буквально каждый день. Очень важно донести эту мысль до всех, особенно до тех специалистов, которые имеют отношение к сиротам. Потому что сейчас многие не видят проблемы в том, что малыш еще неделю-другую, а то и месяц-два полежит в больнице, подождет в приюте решения инстанций, определения статуса и т. п. Пока он находится в учреждении, формируются все новые и новые психологические проблемы, которые придется потом решать приемным родителям^[3].

Последствия депривации все же преодолимы. Дети очень хотят жить и расти, поэтому они используют любой шанс, подаренный судьбой. После устройства в семью даже младенцы каким-то образом чувствуют, что «жизнь налаживается», и делают невероятный скачок в росте и развитии. Но пережитый стресс еще долго дает о себе знать, и чем дольше ребенок прожил без семьи, тем более длительным будет процесс восстановления.

Вспоминаю рассказ знакомой усыновительницы: четырехмесячная дочка после того, как ее забрали из дома ребенка, спала, почти не просыпаясь, неделю. Родители перепугались, вызвали врача. А девочка просто хотела «заспать» пережитый кошмар. Каким-то чудом поняв, что теперь находится в безопасности, она сделала самое лучшее, чтобы поскорее восстановиться. Ее родители успели вовремя. На будущий год девочка идет в школу, и ее учителю вряд ли придет в голову читать эту

книгу, – она ничем не отличается от любимых, нарядных, немножко балованных, хорошо развитых семейных деток. Да она и есть – семейная.

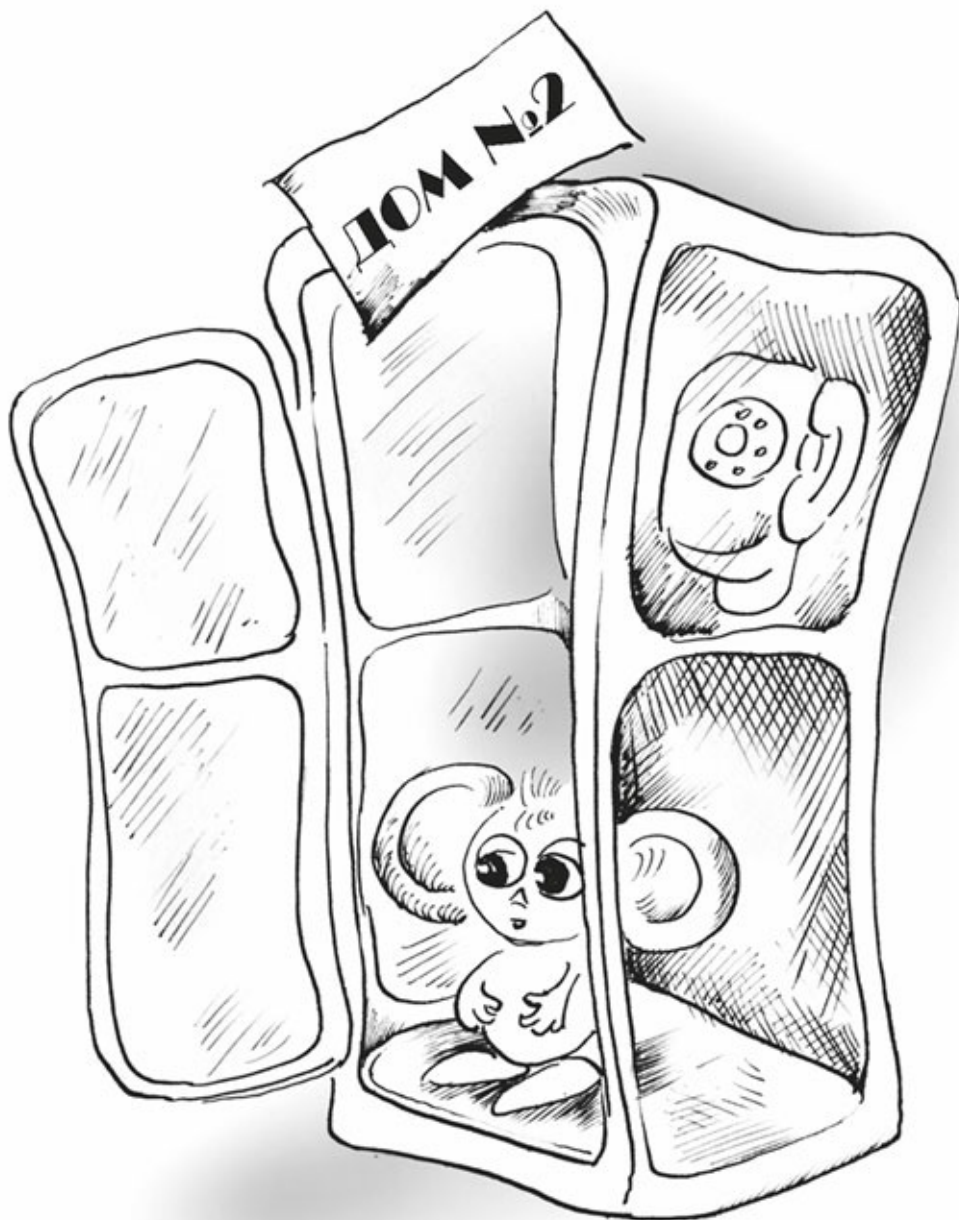
Как трава при дороге: пренебрежение

Что нужно уметь человеку, чтобы нормально жить? Спектр необходимых умений поистине огромен: от профессиональных знаний до навыков самообслуживания, от умения пользоваться бытовой техникой до знания правил дорожного движения. Мы не задумываемся об этом, пока у нас не появляются дети. И тогда мы замечаем, как много нужно потратить сил и времени, чтобы ребенок усвоил простейшие вещи: что нельзя выбегать на проезжую часть, что перед едой надо мыть руки, а если все разбросать, потом ничего не найдешь, да еще наступишь на что-нибудь и сломаешь. Мы объясняем, показываем, ругаем – много лет, пока для ребенка все это тоже станет очевидным. При этом нам кажется, что главное – как раз объяснять и показывать (ну, и ругать, куда же без этого). На самом деле вес наших осознанных «педагогических усилий» в деле воспитания ничтожно мал. Ребенка готовят к жизни не столько наши объяснения, сколько сам семейный уклад. Сам факт, что есть место, где спят, и место, где обедают, что есть время, когда пора спать, и время, когда все садятся за стол, что обычно в доме есть еда, что одежда должна быть чистой, что придя с улицы нужно снять куртку и обувь, а, выходя из дома, – одеться по погоде. Члены семьи знают, кто где находится, и волнуются, если один из них задерживается, не предупредив. Когда кто-то заболевает, остальные о нем заботятся. Если кому-то плохо, другие стараются ему помочь. Все это образует среду обитания, которая существует благодаря постоянным усилиям членов семьи и делает жизнь удобной, предсказуемой, а порой и приятной.

Год за годом наблюдая хитрую механику семейного уклада, принимая в ней посильное участие, сталкиваясь с последствиями нарушения правил (не помыли вовремя посуду – нет ни одной чистой тарелки, не вывели гулять щенка – лужа на полу и т. п.), ребенок сам учится обустривать среду обитания, делая свою будущую жизнь удобной, предсказуемой, а порой и приятной. Для кого-то свой дом – это крепость, для другого – гнездо или нора, но главное – чтобы он был местом, где можно восстановить силы, привести в порядок и тело, и мысли, и душу.

Именно этого умения катастрофически не хватает выпускникам детских домов. Даже если они получают от государства квартиру и подъемные, даже если у них есть профессия, они часто не справляются с жизнью, потому что не создали свою среду обитания, свое место для

восстановления сил. А сделать свой дом таким местом они не умеют, ведь это целое искусство, его с ходу не освоишь.

Домашний ребенок, заселяясь в студенческое общежитие, тащит с собой любимый плед, любимую чашку, а порой и плюшевую игрушку. Он быстренько обживает и обустраивает свой угол, придумывает, как переставить кровать и где повесить постер. Он знает, что быстро высушить

белье можно на батарее, а чашку от следов чая отмыть содой. Он знает, что при простуде надо выпить чаю с медом и залезть под одеяло. Детдомовский ребенок может месяцами жить в квартире с невымытыми окнами, без занавесок, без абажура, и даже не замечать этого. Может подолгу не обращать внимания на недомогание, температуру и даже сильную боль. Может поменять электроплиту на плеер – а зачем нужна плита, если можно бутерброды сделать? Может оставить в своей квартире незнакомых людей и уйти гулять – а что такого? Он приходит в пустой, неудобный, грязный дом, и ему здесь плохо, тоскливо, одиноко. Он зовет с улицы первых попавшихся людей, чтобы не быть одному, они, естественно, предлагают выпить... Развитие сюжета предсказать несложно.

Нормальный семейный уклад – это то, чего в первую очередь лишается ребенок в неблагополучной семье, в условиях пренебрежения. Скорее всего, родители пьют. Может быть, устраивают попойки дома, приводя множество непонятных, пьяных, порой агрессивных людей. Возможно, мать надолго оставляет ребенка одного или после запоя целыми днями лежит без сил, не обращая ни на кого внимания (нередко и ребенку дает выпить, чтобы спал и не мешал). К ребенку могут подойти, когда он плачет, а могут и не подойти. Иногда покормят, иногда забывают. То разговаривают ласково, играют, целуют, то орут или не обращают внимания. Один пьяный гость дал конфету, другой – подзатыльник. Вчера папа ругал за двойку, объяснял задачу, а сегодня лежит пьяный и отмахивается от сына. Вчера мама была веселая, добрая, колбасой кормила, а сегодня утром злая, матерится и говорит, что хочет сдохнуть. Сдохнуть – это значит умереть? Зачем она хочет умереть? А со мной что будет? Очень страшно и непонятно.

Если состояние ребенка, оставленного матерью, можно описать как «одиночество, ужас, отчаяние», то состояние ребенка в условиях пренебрежения точнее всего передают именно эти слова: непонятно, непредсказуемо, ненадежно.

Пренебрежение, как и частые разлуки с матерью в раннем детстве, формирует у ребенка непрочную привязанность. Теория привязанности была впервые сформулирована английским психологом Джоном Боулби, который изучал поведение и состояние детей, оказавшихся в приюте. Чувство привязанности формируется в первые два года жизни ребенка. Какой она будет – прочной или нет, зависит от того, насколько надежна его мать, насколько он может быть уверен в ее присутствии рядом, в ее помощи в трудную минуту. Ведь для младенца чувство голода – это очень, очень трудная минута, у него нет жизненного опыта, он чувствует голод как

прямую угрозу жизни, и должна много-много раз повториться цепочка действий: голод – крик – мама – молоко – жизнь налаживается! – пока он не усвоит твердо, что умереть с голоду ему точно не дадут. И тогда годам к двум ребенок может уже подождать, пока мама варит кашу, даже если чувствует голод. Потому что уверен – с мамой не пропадешь!

Если же эта вера не может сформироваться, потому что мама то есть, то где-то ходит, то кормит, то нет, то и привязанность формируется соответствующая. Многочисленные исследования показывают, что качество детской привязанности влияет на будущую жизнь человека, определяет его устойчивость к стрессам, отношения с супругом и детьми, желание работать и добиваться успеха.

Некоторые последствия родительского пренебрежения сразу бросаются в глаза: ребенок худой, низкорослый, с плохим состоянием кожи, волос, зубов. Он может не уметь пользоваться туалетом, столовыми приборами. Одна патронатная мама рассказывала, что четырехлетний мальчик в первую ночь в новом доме никак не мог заснуть – он никогда раньше не спал на кровати. Когда ему разрешили перейти на стул, он сжался там в комочек и наконец успокоился – видимо, так он привык спать в кровной семье. Много раз приходилось слышать о детях, которые первое время в приемной семье ели только хлеб, откусывая прямо от батона, и пили воду из-под крана. Другой еды они просто не знали. Но это, конечно, случаи крайне тяжелого пренебрежения, переходящего в жестокое обращение.

Как раз эти пугающие последствия неблагополучия очень быстро компенсируются после попадания ребенка в хорошие условия, особенно в приемную семью. Он набирает рост, вес, на щеках появляется румянец, волосы становятся густыми и блестящими, у него проходят хронические болезни. А уж оценить, что мамины блинчики и котлеты вкуснее воды с хлебом – с этим все справляются максимум за пару месяцев. Но есть и другие, не столь бросающиеся в глаза признаки родительского пренебрежения, преодолеть которые не так просто. Прежде всего это неспособность позаботиться о себе.

Мы уже говорили о законе сохранения заботы – из ничего способность заботиться о себе и о других не возникает. Если забота, которую получает ребенок, непоследовательная, недостаточная, от случая к случаю («лишь бы не орал»), он точно так же будет потом относиться к самому себе, к своему здоровью, своему развитию, своему будущему. У ребенка оказывается повреждена «система навигации по жизни», которая есть у каждого из нас и которая в минуты ответственного выбора подсказывает:

«Так для тебя будет лучше, а этого берегись, как огня». Именно эта система позволяет избегать разрушающих отношений и опасных ситуаций, сигнализирует о том, что надо вовремя обратиться к врачу или отказаться от вредных привычек. Чтобы внутренний «навигатор» работал, необходим опыт жизни в такой системе координат, где «так будет лучше для ребенка» – важнейшее направление. Если в семье так никто никогда не считал, то и сам ребенок так считать не будет. Он к самому себе будет относиться как к недоразумению, досадной помехе, источнику проблем или как к чему-то, вообще не имеющему никакого значения. Это может проявляться по-разному – от искреннего непонимания, зачем нужно каждый день мыться и ходить в школу, до готовности подчиняться «авторитету» в воровской шайке и взять на себя чужие преступления.

У людей, переживших в детстве отвержение или пренебрежение родителей, часто преобладают негативные чувства. Когда на приеме у психолога их просят нарисовать карту своих чувств, весь лист оказывается раскрашенным фиолетовыми, черными, серыми, коричневыми пятнами тоски, вины, тревоги, отчаяния. Среди них полыхает багровое пятно злости, ядовито-желтое – обиды. И только где-то по углам могут оставаться светлые, яркие островки радости, любви, интереса, душевного подъема. Это и становится причиной, по которой они часто скатываются на дно жизни – при любых неурядицах, от которых никто не застрахован, они оказываются неспособными утешить и подбодрить самих себя. Им просто не досталось в наследство от родителей широко известных способов повышения настроения: приготовить себе что-нибудь вкусненькое, купить приятную мелочь, залезть в теплую ванну, поваляться на диване с книгой, переставить мебель. В ситуации стресса им приходит на ум только одно – налить, выпить, забыться.

Для маленького ребенка важнейшая составляющая заботы – создание предсказуемого, понятного, знакомого мира вокруг. Не случайно дети так любят ритуалы. Им важно знать, что, когда и в какой последовательности будет происходить. Сначала я смотрю «Спокойной ночи, малыши», потом иду купаться, потом надеваю пижаму, мама приносит мне молоко, я обнимаю мишку, мама меня укрывает и целует. Все хорошо, все как всегда, можно спать. Но если вдруг мишка куда-то задевался или мама говорит по телефону и все никак не идет целовать – караул. Ребенок не может заснуть, крутится, плачет, мается. Это не капризы – ему действительно плохо. Умные родители знают, что стыдить и увещевать бесполезно – проще включить свет, объявить семейный аврал и найти-таки мишку.

Такая приверженность к порядку для маленького ребенка – способ

справиться с тревогой. Ведь он и правда совсем маленький, а мир такой сложный, каждый день происходит столько нового, и хоть что-то должно быть неизменным. Тогда можно, опираясь на эти островки покоя и предсказуемости, двигаться дальше, рисковать, пробовать, развиваться. Чем больше в данный период жизни ребенка происходит изменений (пошел в детский сад, переехали на новую квартиру, родился братик и т. п.), тем важнее сохранять неизменным то, что можно.

Отсутствие порядка и чувства защищенности – именно это отличает пренебрегающих родителей от просто занятых. Не в том дело, что с ребенком недостаточно занимаются, не читают ему книг и не собирают с ним конструктор. Немало выдающихся людей рассказывали, что в детстве были предоставлены сами себе, носились по полям и оврагам, и никто их специально не развивал и не воспитывал. Но при всей вольнице жизнь их была понятна и предсказуема: вечером дома ждал ужин и постель, в доме существовали правила и традиции, в случае болезни или трудностей взрослые приходили на помощь, а окружающая среда давала достаточно материала для размышлений, фантазий, экспериментов. Дети же в неблагополучных семьях часто, напротив, лишены новых впечатлений, их не выпускают на улицу, а дома – только грязные стены и бормочущий телевизор (сейчас он есть даже в тех домах, где нет простыней и холодильника).

И даже временная нестабильность и «жизнь вверх дном», от которых не застрахована ни одна семья, – хоть и тяжелое испытание, но вовсе не обязательно обрекает ребенка на тяжелые проблемы. Принципиально важно психологическое состояние родителей. Немало детей беженцев, вынужденных переселенцев, по воле обстоятельств оказавшихся в бедственном положении, выходили из этих передряг без особых душевных травм, потому что их родители не теряли присутствия духа и хоть в бараке, хоть в палатке, хоть в вагоне поезда пытались создать для ребенка уголок защищенности, домашнего уюта.

Трагедия детей из неблагополучных семей не в том, что нет простыней или горячего супа. Их родители не справляются с жизнью. Они чувствуют, что все не так, но ничего не могут изменить. Они забываются на время, когда выпьют, их настроение меняется от безнадежности к раздражению, то они «начинают новую жизнь», то опять опускают руки. Ударяются в безудержное веселье, которое может смениться черной злобой на всех вокруг, на себя, на ребенка. Эта чересполосица чувств, настроений, состояний сбивает ребенка с толку. Все его силы уходят на то, чтобы предугадать поступки родителя: что он сделает в следующую минуту –

ударит? погладит? уйдет? заплачет? И что я сам должен делать: спрятаться? помочь? заплакать? пожалеть? Ему уже не до развития, не до детской любознательности, не до игр и сказок. Тут бы хоть что-то успеть сообразить.

Некоторые справляются, и у них развиваются шокирующие в маленьком ребенке «прожженность», хитрость, умение манипулировать, добывать свое – мытьем или катаньем. Наверное, многие видели маленьких попрошаек, которые ангельским голоском просят «на хлебушек», но если вместо денег дать им булку, они, злобно ругаясь, бросят ее в грязь. И тут же снова – с умильной мордашкой – протягивают руку к следующему человеку. Подобное отношение к миру, к людям не позволяет завязывать доверительные отношения с кем бы то ни было. Ведь такому человеку не нужно, чтобы его любили, ему верили, им дорожили – главное, чтобы окружающие делали то, что ему требуется. Такое грубое искажение человеческой природы возникает только в крайних обстоятельствах: либо у детей, которые годами живут впроголодь, либо когда к пренебрежению добавляется использование ребенка – например, для сбора милостыни, а если он не приносит денег, его ждут побои.

Другие дети, отчаявшись предсказать настроение и поведение родителей (даже опытный психиатр не всегда способен предугадать, что сделает человек в алкогольном психозе), впадают в ступор, замирают, вообще отказываются участвовать в происходящем, «выключаются». В их ситуации это самое разумное – сидеть тихо, забиться в угол, чтобы не попасться под пьяную руку. А чтобы не было так страшно, надо еще отключить чувства и мысли. Таким детям часто ставят диагноз «умственная отсталость» – потому что они в совершенстве осваивают искусство впадать в полубессознательное состояние и находиться в нем сколь угодно долго, глядя перед собой туманным взором и открыв рот. Не всякая комиссия станет тратить время на то, чтобы ребенка успокоить, разговорить, и отличить привычный ступор от настоящей умственной отсталости.

Есть дети, которые, поняв, что положиться на родителей нельзя, начинают сами о них заботиться. Они уговаривают маму перестать пить, находят под забором папу и тащат домой, кормят и укладывают младших братьев и сестер. Иногда они побеждают, и их усилиями семья как-то справляется с трудностями. Таким образом, ребенок растет дома, пусть и не в идеальных условиях. Очень часто ситуация ухудшается и детей в конце концов забирают из семьи. В детском учреждении такие дети, побывавшие в роли родителей, на первых порах ведут себя как очень разумные, взрослые и все понимающие. Но проходит время, и законы развития берут

свое. Кусок детства, от которого им пришлось добровольно отказаться в свое время, все равно должен быть прожит. И вот в подростковом, юношеском возрасте этот «должок» вдруг заявляет о себе. Почти взрослый ребенок вдруг начинает капризничать, закатывать истерики, демонстрирует полную безответственность, злобно дерется с тем самым младшим братом, которого самоотверженно вынянчил, иногда перестает ухаживать за собой – мыться, причесываться. Он словно сообщает окружающим: все, караул устал, я смену сдал, теперь я снова маленький, а быть большими и сознательными – ваша очередь! Только вот окружающие часто бывают в шоке от такой перемены, и им трудно начать заботиться об «этой дылде» как о маленьком ребенке. А ведь это единственное, что ему сейчас нужно – восстановить баланс, вернуться в свой нормальный возраст.

Нелюбовь к себе, неприспособленность к нормальной жизни, низкая самооценка, низкий уровень притязаний («я все равно ни на что не способен») – вот «наследство», которое получают дети, выросшие в пренебрежении. Естественно, это отражается и на учебе. Ведь важно не просто решить пример, нужно уметь уговорить себя сделать то, что не хочется, нужно стараться, нужно планировать свое время, уметь отдыхать, уметь утешаться после неудач. Именно таких умений катастрофически не хватает этим детям, поэтому они часто плохо учатся, даже имея нормальные способности. И выход здесь один: терпеливо обучать их всем этим премудростям, подсказывать, поддерживать, хвалить, а если ругать, то обязательно показывать альтернативу: так, как ты сделал, – неправильно, а правильно – вот так. Это непросто, требует много терпения и мудрости, но вот какое соображение может поддержать вас на этом пути.

Тот, кто не способен позаботиться о себе, и о других тоже полноценно заботиться не сможет: ни о домашнем животном, ни о собственных детях. Вернее, забота эта будет носить такой же импульсивный, «рванный» характер, какой получал он в детстве. Сегодня – люблю безумно, завтра – отстань, надоел, уйди, чтобы я тебя не видел. Отсюда грустное явление, знакомое многим сотрудникам детских учреждений, – сиротские «династии», когда в одном и том же детском доме растут дети, а потом и внуки бывших воспитанников.

Как-то мы спросили французских коллег, устраивающих детей в семьи, что они считают показателем качества своей работы. Оказывается, ни у одного (!) из их бывших подопечных, выросших в приемных семьях, дети не были изъяты из-за пренебрежения. Так что, помогая ребенку с тяжелым прошлым полюбить себя, поверить в свою ценность, научиться заботиться о себе, вы помогаете на самом деле сразу многим детям – всем

его потомкам на много поколений вперед!

Кошмар наяву: жестокое обращение

Один из самых пугающих сюжетов в фильмах ужасов: герой бежит от монстра, из последних сил отбивается, пытается скрыться. Вдруг – какое счастье! – он видит кого-то из родных или друзей, бросается навстречу. Сейчас ему помогут, вместе уже не страшно, он почти спасен... И тут родное лицо начинает на глазах меняться, в его чертах проступают черты монстра... Когда мы, взрослые люди, видим подобные кадры, сидя на безопасном диване, нас прошибает холодный пот. Невозможно представить себе, что чувствует ребенок, если в монстра – реального, а не киношного – превращается тот, кто должен спасать, защищать, утешать, то есть мама или папа. Как с этим быть? На что после такого надеяться? Где взять силы жить дальше?

Жестокое обращение – со стороны собственных родственников и/или их собутыльников, а порой и со стороны персонала или старших воспитанников учреждений – это то, с чем сталкивается подавляющее большинство детей из детских домов. Это и «заурядные» побои, и особо изощренные издевательства, и переломанные кости, и сексуальное насилие. Говоря об этом, трудно не попасть под власть эмоций, но ни ужасом, ни гневом, ни жалостью детям не поможешь. Пусть наказанием виновных занимаются суды, прекращением совершающегося насилия – милиция, а профилактикой – органы опеки и попечительства. Наша с вами задача – помочь ребенку, уже пережившему насилие, восстановиться. Важно знать, как проявляются последствия жестокого обращения и что следует делать.

При нормальном детстве семья, дом, родители вызывают у ребенка чувство безопасности, защищенности. Мама и папа – большие и сильные, они всегда знают, что делать, они все умеют, они защитят от саблезубого тигра, от Бабы-Яги, от страшного сна; они помогут, когда болит живот, когда не можешь решить задачу, когда поссорился с лучшим другом. Хотя и такие добрые родители могут превратиться в «злых» и начинают кричать, ругаться, наказывать. Для ребенка, особенно маленького, это превращение происходит совершенно неожиданно и, с его точки зрения, без всякой причины.

Вот он крутится, сидя за столом, хватая что-то: раз, другой, третий. Мама делает замечание, сначала ласково, потом строже, потом пытается отвлечь. Все это еще «по эту сторону черты», где мама добрая. Вдруг ребенок делает неловкое движение – и на пол летит тарелка с манной

кашей. Кухня заляпана кашей, если не вымыть сразу – присохнет и не отмоешь; на полу – осколки вперемешку с кашей – можно пораниться; ребенок остался без завтрака, а через 15 минут выходить из дома – все эти соображения стремительно проносятся в голове у мамы. Она, ясное дело, кричит на ребенка, а то и по рукам даст, затрещину отвесит – то есть дает выход вполне обоснованной (с ее точки зрения) злости. Вот только ребенку не под силу столь быстро оценить последствия и масштаб того, что случилось. Для него мамин эмоциональный взрыв пугающе непредсказуем, просто внезапно мама оказывается «по ту сторону», превращаясь из доброй в злую и опасную.

Подобные метаморфозы отражены в детских сказках в образе злой мачехи – ну не родная же мать ребенка так ненавидит, что готова в лес на съедение волкам отправить! Папа, соответственно, предстает там жутким людоедом – в это легко поверить, глядя, как огромный мужик, рыча и топая ногам, с глазами, налившимися кровью, тащит за шиворот ребенка, на ходу расстегивая ремень. Но, в сказках, как известно, всегда бывает счастливый конец. Появляется добрая фея (другой материнский образ – добрый), добрый волшебник или король (мудрый отец), или сам герой как-то выкручивается из ситуации и сбегает от злого людоеда к добрым родителям (читай: находит способ помириться, может, переждать, может, подлизаться или как-то иначе заслужить прощение).

Так сказки позволяют ребенку освоиться со вспышками родительского недовольства, помогают поверить, что они пройдут, а по-настоящему ему ничего не угрожает: ну, накричали, ну, отшлепали, но потом простили, обняли, утешили. Его все равно любят, а значит, жизнь наладится. Со временем он учится прогнозировать, когда родители рассердятся, и находит способы поведения, помогающие пережить эти неприятные моменты, причем хорошо знает, с кем и как себя вести. Главное, его опыт подсказывает: как бы страшно ни было, когда кричат и топают, какие бы слова ни произносились («я тебе голову оторву», «я с тебя шкуру спущу»), на самом деле ничего такого не происходит и безопасность ребенка родители – даже в гневе – гарантируют.

Конечно, есть немало родителей, которые переходят грань нормального воспитательного воздействия. Опытные учителя сразу видят детей, которых дома бьют. Стоит протянуть к такому руку, чтобы поправить воротничок, и он отшатывается, съеживается. Разговоры с родителями обычно мало что дают. Вообще это серьезная проблема нашего общества – терпимое отношение к насилию в семье, в том числе над детьми, и отсутствие способов воздействия на таких родителей (единственный

способ – изъятие ребенка из семьи). Но при общем социальном благополучии родителей (работают, не пьют, ребенка кормят, в школу водят) никто его изымать не станет, и слава богу – неужели в детдоме лучше? Если ребенок получает в семье не только суровые наказания, но и заботу, внимание, любовь, у него все равно будет достаточно сил, чтобы пережить детские обиду и боль и вырасти нормальным человеком.

Когда речь идет о жестоком обращении с ребенком, насилие это ничем не ограничено, не имеет прогнозируемой логики и может быть вообще не связано с наказанием за проступки – просто он под руку подвернулся. При этом ребенок понимает: ему грозит реальная опасность, его могут серьезно травмировать, причинить очень сильную боль и даже убить, и тут не спасут ни крики и жалобы, ни вид крови. Пока его ярость не найдет выхода – спасения нет, никакие хитрости и уловки не помогут. Ребенок сталкивается с настоящим, совсем не сказочным монстром, и тем ужаснее, если этот монстр – его отец, если нападение происходит на глазах у матери, которая ничего не делает, чтобы ребенка защитить. При этом часто акты насилия – единственные эпизоды в жизни ребенка, когда он оказывается в центре внимания родителей. Помните о программе, которая требует: «добейся внимания – любой ценой»? Здесь «ценой» оказывается боль, страх и опасность для жизни. Парадокс в том, что с точки зрения ребенка, такое «внимание» лучше, чем никакого. Лучше быть избитым, чем брошенным.

Так в душе ребенка любовь оказывается прочно склеена с болью, страхом, ненавистью. Формируется амбивалентная привязанность, единое чувство «люблю-ненавижу», которое потом проявляется в любых отношениях, в которые вступает ребенок. Для него формула «бьет – значит любит» лишена иронии и точно описывает его понимание любви. У ребенка душа в буквальном смысле разрывается надвое. Инстинкт самосохранения подсказывает ему, что от этих людей надо держаться подальше, а потребность в привязанности заставляет снова и снова искать их внимания. На этих мучительных эмоциональных качелях проходит его детство – год за годом. Осознать, что собственный родитель может быть опаснее дикого зверя, ребенок не может. И он защищается от душевной и физической боли, погружаясь в отупение и бесчувственность.

Такие дети поражают неподготовленного человека. Упал, расшибся в кровь, и смеется: «Мне не больно!». Его ругают – он либо ухмыляется, либо делает вид, что не слышит и не понимает. Или наоборот – от любого пустяка у него истерика, слезы, ребенок сворачивается на полу в комочек и кричит (значит, насильник все же реагировал на слезы и плач).

Естественно, очень страдает интеллектуальное развитие таких детей.

А вы смогли бы решать уравнения, живя в одной квартире с разъяренным тигром? Страх настолько пропитывает личность ребенка, что парализует все его способности. Все силы его души уходят на то, чтобы каждую минуту преодолевать ужас перед жизнью. В результате ребенок, абсолютно здоровый с рождения, может получить серьезный дефектологический диагноз, когда после нескольких лет жизни в условиях жестокого обращения оказывается в поле зрения специалистов.

Но с изъятием из семьи его проблемы не заканчиваются. Когда непосредственная опасность для жизни исчезает, через какое-то время начинает отпускать и «анестезия» спасительного отупения, а ведь под ней – душевная рана. Даже если полученные синяки и ссадины (а бывает, и переломы, и ожоги, мне встречалась девочка, которую в четыре года родители выбросили из окна) зажили без следа, психотравма остается, и ребенок начинает неосознанно воспроизводить ситуацию травмы, провоцируя взрослых, раздражая их и вынуждая «дать хорошенько». Потому что именно так он почувствует, что о нем помнят, что он важен, что его любят.

Обычно специалисты предупреждают семью, которая берет ребенка, пережившего насилие: «Учтите, он будет вас провоцировать, чтобы вы его побили». «Ну что вы, – говорят будущие приемные родители, – мы своих вырастили, никогда пальцем не тронули, как же можно бить ребенка, который столько пережил...». «Хорошо, если что – не стесняйтесь, звоните», – отвечают специалисты и ждут звонка. В подавляющем большинстве случаев дожидаются, и следует такой примерно монолог: «Я не узнаю себя! Ребенок достает так, что хочется его просто убить, размазать по стенке. У меня никогда такого не было!» – «А что именно он делает?». «Да вроде ничего особенного не делает, но мастерски, раз за разом бьет по самому больному, методично выводит из себя. Как только у него получается?». У него – получается. Жизнь в условиях постоянного напряжения невероятно обостряет способность считывать нюансы настроения взрослых. Через неделю общения ребенок с опытом жестокого обращения уже точно знает все ваши «больные мозоли» и постоянно на них наступает. Зачем? А затем, что только в те моменты, когда вы хотите «размазать его по стенке», он абсолютно уверен, что вы его видите, слышите, что он не один на свете. Жуткая, ненормальная логика – но это именно логика, а не бред.

Бывает, что ребенок начинает воспроизводить ситуацию насилия с позиции не жертвы, а насильника: отрывает куклам ноги и головы, жестоко обращается с животными (причем побои перемежаются с приступами

нежности), обижает сверстников и младших детей, и даже на взрослых может набрасываться с кулаками, кусаться, пинать ногами. В такие моменты ребенок неосознанно старается овладеть ситуацией, занять позицию сильного. Справляться с таким поведением трудно, здесь очень важны твердость и спокойствие. Это самый подходящий момент, чтобы наконец переиграть страшную сказку на новый лад. Должен появиться «мудрый король» – родитель, педагог, который окажется сильнее монстра. Очень важно успеть сделать это, пока ребенок еще физически слабее взрослого, пока можно удержать его руку, обхватить, силой увести с места драки. В этот момент надо провести черту между ребенком и монстром внутри него, разъединить их и, осуждая агрессивное поведение, быть заодно с самим ребенком: «Что на тебя нашло? Давай отойдем и успокоимся. Умойся, и станет легче. Думаю, теперь тебе жаль, что ты не справился с собой и полез драться». Как бы он ни хорохорился, это именно то, что ему нужно: убедиться, что я сам – это одно, а монстр, ярость, злость, желание драться – другое, и это другое никого особо не пугает. С ним может справиться взрослый, а значит, смогу со временем и я.

Часто взрослые пытаются «давить на жалость», рассказывая, как жертве было больно и страшно. Это может иметь обратный эффект: ребенок-то лучше нас с вами знает, каково бывает жертве, и ваше предложение вновь прочувствовать это может заставить его снова провалиться в привычное отупение. Лучше сделать акцент на овладении собой, время для обучения состраданию еще не пришло. Но это не мешает научить ребенка просить прощения. На первых порах лучше делать это вместе, вы должны обеспечивать поддержку и подсказывать нужные слова.

Такие же проявления могут быть у ребенка, который был не жертвой, а свидетелем насилия. Например, при нем жестоко избивали мать, братьев или сестер, было совершено убийство. Иногда в подобных случаях травма оказывается даже более глубокой, потому что когда преследуют тебя, ты можешь убежать, защищаться, прятаться, отбиваться, и в активном действии частично преодолевать ужас. Ребенок, вынужденный наблюдать мучения близких, может страдать от чувства вины, бессилия, отчаяния, и стоит больших трудов вернуть его в состояние душевного равновесия.

Должны пройти годы жизни в любви и заботе, пока ребенок, переживший жестокое обращение, сможет открыть для себя другой лик любви, любви без боли и страха, любви бережной, заботливой, надежной. Это очень трудно – решиться поверить в такую любовь. Непросто и взрослым, которые оказываются рядом, ведь ребенок буквально вынуждает их обнаружить монстра в самих себе. Пытаясь справиться с собой, они

часто уходят в другую комнату или вообще из дома, подкрепляя в душе ребенка связь: или бьет – и не бросает, или не бьет – и оставляет меня. Я обычно советую в таких ситуациях прямо говорить ребенку: «Я вижу, ты хочешь, чтобы я тебя ударил. Я и правда очень на тебя злюсь. Но я не бью детей, это мое правило. Я считаю, что драться плохо. Давай лучше сядем и поговорим».

Если обоих трясет, можно вдвоем поколотить подушку, постучать надувным молотком по дивану, да еще с громкими криками (учителя такой возможности, увы, лишены). Главное – каждый раз заменять негативное внимание на позитивное. Может быть, удивлять, обескураживать – вдруг в разгар ссоры обнять, прижать к себе или придумать смешное наказание – кто плохо вел себя за столом, кукарекает десять раз. Все это ломает патологическую связь «любовь-ненависть» и дает шанс сформироваться новой, позитивной картине мира.

Рухнувший мир: потеря родителей

Если ребенок оказался в приемной семье, значит, он лишился своей собственной. Возможно, его изъяли у родителей, которые не могли о нем заботиться, а может быть, его родные умерли. Так или иначе, он пережил и переживает потерю семьи, потерю родителей.

В нашей культуре принято недооценивать детское горе: «Маленький, что он понимает... Скоро забудет. Да вон он уже смеется». Если ребенок потерял родителей в первые годы жизни, кажется, что он вообще не осознает факта потери. Когда-то я была поражена мыслью, которую высказала детский психолог Мария Капилина: «Считается, что самое ужасное, что может произойти с человеком – это потеря ребенка. На самом деле потеря родителя для ребенка гораздо страшнее. Ведь даже самый любимый ребенок – это только часть нашей жизни, а родитель для маленького ребенка – весь его мир». Причем для ребенка лет до семи-восьми нет принципиальной разницы, умерли его родители или его у них забрали.

Детское горе внешне может выглядеть не так, как горе взрослого человека. Оно маскируется под видом «странностей» поведения, а порой под гиперпослушностью и «правильностью». Вспомним замечательный фильм «Мачеха», где героиня Татьяны Дорониной помогает приемной дочери Свете пережить смерть родной матери. Доронина играет женщину невероятной душевной чуткости, которая если и не понимает, то чувствует, что происходит с ребенком, и действует очень точно и правильно. Но всем остальным, включая родного отца, Света кажется просто «ненормальной», «неблагодарной». Если бы девочка часами рыдала над портретом матери, показывая, что она горюет, ее бы поняли и пожалели. Но она сдержанна, послушна, просто все время молчит и ничему не радуется. Она избегает сверстников, развлечений, зато охотно помогает ухаживать за малышкой, делает что-то по дому. Ни о чем не просит, ни на что не жалуется, старается остаться одна, часами что-то перебирает в своей сумочке. Только покушение на фотографию матери вызывает у Светы взрыв чувств. Проходит год, прежде чем ребенок начинает проявлять к чему-то интерес, открывается для новых привязанностей. Не знаю, кто консультировал создателей фильма, но картина детского горя в нем показана очень точно.

Посмотрим на происходящее глазами ребенка. Света жила вдвоем с мамой очень замкнуто, других близких людей у нее не было. Мама умирает

внезапно, ничего не объяснив, не подготовив дочь к тому, что будет потом. Свете хотелось остаться в своем доме, рядом с хорошо знакомыми соседями, но приезжают чужие люди и ее увозят в другое место, в многолюдный, шумный дом, с маленькими детьми, полный незнакомых людей. Они чего-то от нее хотят, теребят ее, предлагают померить какие-то вещи, суют в руки игрушки, говорят что-то бодрыми голосами, спрашивают, нравится ли ей... А ребенок пребывает в состоянии шока. Мир рухнул. Света лишилась сразу и мамы, и дома, и привычных вещей, и образа жизни, и окружения. Не в состоянии сопротивляться, не в силах ни о чем просить, она как бы внутренне «замирает». Пытаясь сохранить что-то неизменным – хотя бы внутри себя, она обрубает внешние контакты: отвечает односложно, не смотрит в глаза, никогда не начинает разговор первой, старается забиться в угол, сидеть неподвижно, стать как можно более незаметной.

Когда человек переживает потерю, его мир необратимо меняется, все приходит в состояние хаоса. Нужно время, чтобы восстановить свой мир, что-то заменить, что-то отстроить заново, что-то расставить по местам. Это и есть процесс горевания. Горе – это не просто чувство, горе – это большая работа. Она требует всех душевных сил человека. Не случайно во многих культурах траур обязательно содержит в себе отказ от повседневных обязанностей, от излишнего общения, предусматривает возможность отрешиться от всего и сосредоточиться на своем переживании. У нас же принято горюющего человека отвлекать, теребить, всячески давая ему понять, чтобы он «поскорее заканчивал со всем этим». В результате работа горя остается недоделанной до конца, утрату не удастся полностью оплакать и осмыслить, и душевная боль мучит потом человека годами.

Ребенок, переживающий потерю, часто становится более замкнутым, молчаливым, в острых случаях даже наступает мутизм – полная потеря речи на нервной почве (этот сюжет довольно часто встречается в кино и в литературе, можно вспомнить фильм «Патриот» или книгу «Два капитана»). Сам ребенок может не осознавать связи своего состояния с потерей. Он часто жалуется, что ему скучно, но на предложение чем-нибудь заняться отвечает «неохота». Самым предпочитаемым обществом становятся для него маленькие дети (еще не умеющие говорить), очень старые люди, домашние животные. Их преимущества в том, что они «не пристают», но при этом избавляют от одиночества, с ними можно просто посидеть рядом, прикоснуться, поухаживать без риска вторжения в свой внутренний мир. В фильме Света готова часами качать в коляске младшую девочку, что вызывает кривотолки соседей.

Часто дети в состоянии горя подолгу выполняют однообразные действия – расставляют рядами игрушки, раскладывают по коробкам карандаши или пуговицы. Они охотно соглашаются на самую рутинную работу, например чистят картошку (это как раз делает Света в фильме). Еще одно излюбленное их занятие – натягивать повсюду веревки и нитки, обматывая ножки мебели, связывая между собой разные предметы. Таким образом они пытаются как бы «связать» оборванные нити своей жизни, помочь внутреннему процессу наведения порядка и преодоления хаоса.

Выходя постепенно из стадии шока, ребенок может столкнуться с новыми аспектами горя. Один из них – гнев. Взрослые тоже испытывают гнев после потери, злясь на врачей, которые не сделали всего необходимого, на самих себя, что не предусмотрели, не спасли, на судьбу, на самого ушедшего – почему не был осторожен, почему не лечился, почему не подумал о нас. Ребенку признаться себе, что он злится на

покинувшего его родителя, очень страшно. Это особенность детской психики – ребенок еще не осознает в полной мере границ между личностями и сознаниями разных людей. Малыш может зажмурить глаза с угрозой: «Я сейчас сделаю вам всем темно!». Ребенок постарше уверен, что, если он будет злиться на маму, она это сразу узнает, и тогда «уж точно не придет».

Поэтому самому ребенку его злость кажется немотивированной, безадресной. Он может ни с того ни с сего, на фоне ровного настроения, вдруг пнуть ногой игрушку, стул или ударить кулаком по чему придется (в детских домах знают, как часто приходится латать или менять тонкие фанерные двери – почему-то именно им достается больше всего). «Из-за чего ты злишься?» – «Я не злюсь, просто достало все» (или «Сам не знаю, накатило»). Кроме вспышек ярости, могут возникать дисфории – продолжительные периоды дискомфорта, раздражения непонятно на что и на все сразу. Ребенку может разонравиться привычная еда, его начинает раздражать («колоться», «душить», «натирать») одежда, мешают громкие звуки, сильные запахи.

Еще одна мучительная составляющая процесса переживания горя – ощущение вины. В этом отношении дети гораздо уязвимее взрослых именно из-за особенностей мышления, о которых только что шла речь. Для ребенка все, что происходит вокруг него, происходит **из-за него**. «Если мамы больше нет со мной – это из-за того, что я плохой. У хороших детей мамы не умирают». «Меня забрали у родителей, потому что я плохо себя вел. Если бы я слушался, папе не надо было бы меня бить и к нам не пришла бы милиция». «Если бы я не попросил у соседей поесть, никто не узнал бы, что мама пьет, и меня не забрали бы». Вывод из всех этих ситуаций ребенок делает один: «Теперь маме (папе) плохо, они там одни, без еды (в милиции, в больнице), их обижают, а я тут в хороших условиях, конфеты ем. Я настоящий предатель». Это особенно сильно переживают дети, которые с малых лет выполняли опекающие, родительские функции и считают себя в ответе за взрослых.

Ребенок, ставший жертвой насилия со стороны собственных родителей, оказывается в самом сложном положении. Он злится на них – не может не злиться, ведь из-за них он испытал боль и страх. Но сразу вслед за волной злости приходит мучительная волна вины и ужаса, что теперь они потеряны навсегда – из-за него. В результате ребенок приходит в состояние крайнего стресса, у него появляются признаки аутоагрессии – гнева, направленного на самого себя. Он может до крови щипать и царапать себя, под корень сгрызать ногти, вырывать у себя волосы или «нечаянно»

каждый день получать ушибы, ожоги, порезы; подростки могут всерьез думать о самоубийстве. Такие дети нуждаются в длительной реабилитации и в профессиональной психологической помощи, но даже после нее последствия травмы долго дают о себе знать.

Приступы гнева могут чередоваться с периодами «правильности», почти пугающей послушности. Ребенок вдруг начинает аккуратно складывать свои вещи, сам садится делать уроки, вызывается помочь по дому и т. д. Он словно надеется магическим образом «все исправить», стать «хорошим ребенком, у которого все хорошо». Кстати, из-за этого сотрудники детского дома не предупреждают приемных родителей о том, что ребенок «трудный». Просто в детском доме он вел себя тише воды, ниже травы, надеясь таким образом «все вернуть, как было». И только устройство в новую семью окончательно рушит эту его надежду, тут и проявляются все трудности в поведении, многократно усиленные стрессом.

Другой вариант «магического поведения» – ребенок намеренно делает свое положение как можно более ужасным. Он или чудовищно ведет себя, навлекая на свою голову все возможные кары, или тяжело заболевает (разом всеми хроническими заболеваниями, которые у него когда-либо были, присоединив к ним пару новых). Почему? Да потому что ребенком родители занимались в двух случаях: когда он очень плохо себя вел и его надо было наказать, или сильно болел. Воспроизводя эти ситуации, ребенок надеется, что мама (папа) «поймет, что все совсем плохо, и наконец придет». Потому что, с точки зрения ребенка, родитель всемогущ и, если он не появляется, то не потому, что не может, а потому, что не считает нужным.

Работа горя обычно завершается стадией нервного истощения. На предшествующие переживания потрачено так много сил, что все чувства притупляются, ребенок прекращает попытки тем или иным способом вернуть утраченное. Он становится апатичен, вял, у него ни на что нет сил, явно снижаются способности к учебе, у него просто нет энергии, чтобы сосредоточиться, почувствовать интерес, постараться. Может наступить регрессия, то есть возврат в более младший возраст. Как будто ребенок разучился делать то, что давно умел – аккуратно одеваться, самостоятельно есть, решать задачи. Его игры становятся очень примитивными, он легко сдается при малейшем затруднении, не может довести до конца начатое дело. Он предпочитает мрачные тона в рисунках, в одежде, его лицо словно теряет мимику.

При этом дети обладают невероятным запасом жизненных сил и способностью к адаптации, поэтому их горе не длится непрерывно, как у

взрослых. Периоды горевания сменяются просветами, когда ребенок как ни в чем ни бывало веселится, играет, смотрит любимые мультики. Дети словно делают перерывы в работе горя, справляясь с ним «по кусочкам». Именно это дает повод взрослым сделать вывод о том, что «он уже все забыл». Но переживание горя после небольшой передышки вновь возвращается, порой в новом обличье, в новой «маске»: послушания или протеста, болезни или скуки.

Вспомним еще раз фильм «Мачеха». Героиня Дорониной чутьем выбирала правильную тактику помощи ребенку. Она старалась не приставать, но быть рядом. Она привлекла Свету к возне с малышкой и к простым домашним делам. Она открыто признала ее право горевать по матери, защитила от посягательства на ее память, помогла восстановить и увеличить портрет мамы. Она создавала для ребенка покой и уют, ни на чем не настаивая, просто предлагая небольшие радости: куклу, карандаши. Она исподволь давала понять, что жизнь не кончена, что у девочки есть отец, есть новая семья, будут друзья, будущее. Конечно, «мачехе» было нелегко. Если бы у нее была возможность проконсультироваться с психологом, он ей посоветовал бы взять из Светино дома побольше вещей, связанных с матерью, попросить прежних соседей иногда писать письма девочке, уделять больше внимания своему сыну, не ждать от девочки обращения «мама», а главное – не сомневаться в Светиной «нормальности», не переживать так сильно, а просто помогать ей и терпеливо ждать, когда девочка справится с горем. Но все и так хорошо закончилось. Ребенку, потерявшему семью, от окружающих нужны прежде всего забота, терпение и ровная поддержка.

В среднем переживание горя длится от полугода до двух лет. Именно столько времени обычно уходит на улаживание формальностей с определением статуса ребенка, лишением родительских прав, на подбор новой семьи. То есть очень часто ребенок попадает в приемную семью и в новую школу как раз на одной из стадий переживания горя. Новая семья призвана помочь ему справиться с утратой, патронатных воспитателей этому даже обучают на специальных тренингах. Не случайно наши английские коллеги даже называют патронатных (у них – фостеровских) воспитателей «специалистами по потере». Но усилия семьи могут быть сведены на нет неумными, а порой и враждебными действиями окружающих (как это едва не произошло и в фильме). Важно, чтобы все причастные к судьбе ребенка люди понимали: многие особенности его поведения и, прежде всего, снижение желания и способности учиться, объясняются именно переживанием потери. Так что прежде чем делать

выводы о его «необучаемости», «неуправляемости», «ненормальности», следует учитывать обстоятельства его жизни.

Казенный дом: институциональное воспитание

Оставили ли ребенка в роддоме, умерли ли его родители, изъяли ли его из семьи, чтобы спасти от пренебрежения и жестокого обращения, но в итоге он оказывается в учреждении для детей-сирот: приюте, интернате, доме ребенка, детском доме. К сожалению, в России нет пока развитой системы устройства детей в замещающие семьи. А значит, не месяцы, а годы, а то и все детство ребенку предстоит провести в казенном доме. То есть стать «детдомовцем».

К сожалению, это обрекает его не только на не очень счастливое детство. Выпускнику детского дома непросто найти себя в жизни, создать благополучную семью. Кто-то из них попадает в тюрьму, кто-то начинает пить, и в результате их дети, в свою очередь, тоже оказываются в детдоме. Почему так происходит? Не торопитесь с ответом про «порочные гены» и про «яблочко от яблони». Давайте попробуем посмотреть на ситуацию глазами воспитанника детского дома.

Много лет он проводит в казенном учреждении. С одной стороны, он чувствует себя обделенным по сравнению со своими благополучными семейными сверстниками. У него хуже игрушки, еда, одежда, у него нет своей комнаты, нет дома, а главное – нет родителей. С другой стороны, он обеспечен всем необходимым, причем все это появляется как будто само собой: еда в столовой, чистое белье в спальне, новое оконное стекло взамен разбитого. Откуда все это берется, что нужно сделать, чтобы оно появилось, ребенок не видит и не знает. Специальными инструкциями запрещено привлекать воспитанников к приготовлению пищи, к уборке санузлов, к стирке белья и т. п. Ребенок не имеет возможности отвечать за кого-то слабого, например за младшего брата или котенка.

Время от времени в учреждение приезжают люди, которые выгружают из машин подарки и сладости, устраивают развлечения. Детей приглашают на торжества и праздники, где их опять одаривают и угощают. В результате ребенок нередко приходит к выводу: «Я сирота, и поэтому мне все должны». Приходилось видеть, как дети брезгливо рассматривали подаренные шефами мобильники: «Это отстой, старая модель». Конечно, не везде дело обстоит так, до сих пор есть в глубинке забытые всеми детдома и особенно интернаты для детей-инвалидов, где нет элементарных вещей. Но, как ни парадоксально, вывод их воспитанники, скорее всего, сделают тот же: «У меня в детстве ничего не было, поэтому все мне

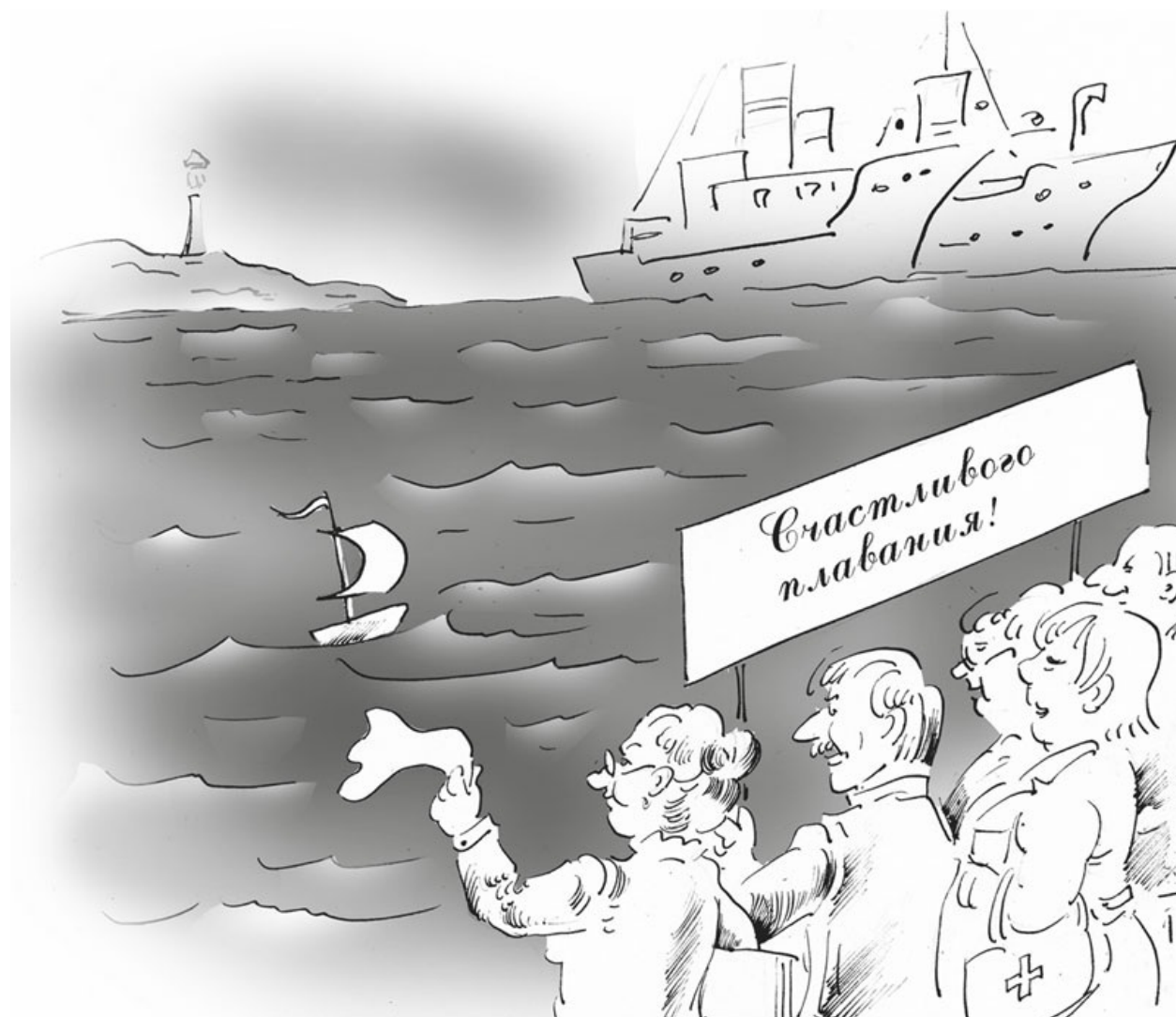
задолжали». Годами копится обида на жизнь, на судьбу, растет ревность и зависть к более благополучным людям, которые легко перерастают в агрессию.

Далее. Все в детском доме распределяется поровну, по нормам. У такого ребенка нет возможности, как у домашнего, наесться конфет именно сегодня, потому что как-то грустно. Ему дают конфету, но одну в день. А в детстве иногда так сильно чего-то хочется, и именно сейчас! Очень хочется розовую тетрадку, а дали зеленую. Хочется необычную, модную майку, а дали какую есть. Как ребенку добыть желаемое? Либо выпросить, либо отнять, либо украсть. Не потому, что ребенок плохой, а потому, что по-другому его индивидуальные желания удовлетворены быть не могут. Нет в мире человека, который помнит, что он не любит пряники, а любит печенье, или что ему не идет красный цвет, а от шерсти все тело чешется – всех тех мелочей, которые знают о своих детях родители и которые есть важная составляющая семейной заботы.

В учреждении ребенок постоянно живет в группе (иногда хочется сказать – в «стае») сверстников. Взрослые приходят и уходят, а настоящая его «семья» – это ребята из одной группы. В результате ребенок не имеет возможности освоить роль... ребенка. При нормальном детстве роль ребенка в семье состоит в том, чтобы слушаться старших, обращаться к ним за помощью, помогать им, подлизываться, кланяться, препираться, оправдываться, ждать поцелуя перед сном и т. д. В семье на своем опыте ребенок узнает, что ему как ребенку делать и говорить полагается, а что – нет. Он принимает на себя эту роль со всеми ее плюсами и минусами: тобой командуют – но тебя и защищают, тебе запрещают что-то – но зато и балуют, тебя считают порой глупым и маленьким – но зато объясняют что-то и учат полезным вещам. Причем это роль не абстрактного ребенка, а ребенка именно этой семьи. Потому что в одной семье детей считают «безобразниками» – и тут уж изволь хоть иногда хулиганить, в другой от них ждут забавных слов и поступков – и дети стараются соответствовать, в третьей ребенок – непременно вундеркинд (и ему не позавидуешь). У детей из детского дома нет возможности научиться быть ребенком. Именно поэтому им зачастую так тяжело дается период адаптации в семье. Вроде бы все хорошо, и родители новые любят, и в школе неплохо, но – усталость невероятная, стресс постоянный. Потому что приходится ускоренными темпами осваивать сложную, незнакомую роль ребенка этой семьи.

На этом проблемы казенного (его еще называют институциональным) воспитания не заканчиваются. Ребенок растет в искусственной среде. Он

общается только в узком кругу сверстников, которые обычно еще и его одноклассники. У него нет соседей по подъезду, детей родительских друзей, приятелей по спортивной секции. Он проводит детство в обществе таких же, как он сам. Он не знает элементарных вещей: как самому приготовить еду, где покупать одежду и как за ней ухаживать. И уж тем более не знает, как растить и воспитывать детей. Ребенок не имеет возможности сходить в магазин, купить что-то, получить сдачу. У него вообще нет карманных денег. Он не знаком с такими понятиями, как «не хватает до зарплаты», «отложить на отпуск», «взять кредит», «заплатить за квартиру». Он не пользуется общественным транспортом (иначе как в группе детей, сопровождаемых воспитателем), не ориентируется в городе. Да перечислить невозможно все, чего он не знает, не умеет, не видел, не пробовал^[4].

И вот с багажом всех этих «не» ему предстоит в 18 лет начать самостоятельную жизнь. Когда он покидает детский дом, правила игры вдруг резко меняются на противоположные: только что все в жизни происходило само собой, без его участия, и вдруг – вот тебе выходное пособие и справляйся сам, как хочешь. Никто ничего тебе не должен и помощи ждать неоткуда.

При этом у детдомовских невелики шансы получить хорошее образование и профессию – ребенок, которому не для кого стараться, некого радовать своими успехами, учиться обычно не хочет. Да и способность к обучению часто оказывается снижена из-за пережитого, о чем мы говорили выше. А кто захочет учиться, если чувствует себя несчастным и хуже других? Едва ли не главная причина всех неудач детей из детских домов – низкая самооценка, которая обессиливает, заставляет опускать руки и идти по пути наименьшего сопротивления. Любое препятствие воспринимается ими как непреодолимая преграда, вызывает раздражение и отчаяние, а не желание мобилизоваться, собраться, постараться, добиться своего.

К сожалению, и от жестокого обращения ребенок в казенном доме не застрахован. В детских домах порой дедовщина не меньше, чем в армии. Старшие заставляют младших подчиняться, а возрази – избьют. Воспитателям это удобно, таким образом они поддерживают дисциплину. Встречаются и ужасные случаи насилия со стороны персонала, о их частоте достоверных данных нет. Впрочем, «воспитательные меры» вроде затыкания рта тряпкой или выставления босиком на холодный кафель, «чтоб не бесились», кое-где и за насилие-то не считаются. Учреждения закрытые, дети слишком зависимы от своих педагогов, чтобы рассказывать об этом, а главное – просто считают это нормой, потому что другого обращения не видели.

А теперь представим себе детей (даже с самыми лучшими генами), которые годами растут в таких условиях. Сколько из них смогут потом нормально жить? Привычка принадлежать стае, безоговорочно подчиняться сильным и слушаться старших, обида на «благополучный» мир делают выпускников детских домов легкой добычей криминальных структур. И дети охотно на это идут, потому что там их все-таки защищают, там они нужны.

Одиночество, неутоленная потребность в любви и ласке заставляют их рано вступать в брак и рожать детей – так хочется, чтобы у них наконец была семья, близкие люди. Выпускники детских домов искренне верят, что

у них в семье все будет хорошо, они-то своих детей не бросят. Но опыта и умения строить семейную жизнь и налаживать быт у них нет, как ухаживать за ребенком – непонятно, бабушек и тетушек нет, и в итоге такие семьи быстро разваливаются. Результат – их дети также попадают в детдом.

Чувство вины, неуверенность в себе вызывают отчаяние, которое мешает им пробиваться в жизни, достигать своих целей. Выпить и забыться – гораздо легче. Из таких случаев и складывается невеселая статистика. Наследственность тут ни при чем. Просто ребенок из детского дома – сплошная «ахиллесова пята». Весь – от макушки до собственно пят.

Так что если к вам в класс пришел приемный ребенок, то главное событие в его судьбе уже свершилось. Он теперь в семье, и у него есть хорошие шансы наверстать упущенное, восстановиться, выровняться. Но годы, проведенные в казенном доме, еще долго будут давать о себе знать. И бедным словарным запасом, и особыми, зажатými, угловатыми движениями, и рыданиями над тетрадками, и эпизодами с присвоением чужого, и попаданием в «плохие компании». Печать несчастья, неблагополучия еще долго будет лежать на таком ребенке. Эту печать «считывают» и дети, и взрослые. Одноклассники порой не хотят с ним дружить и сидеть за одной партой, родители других учеников недовольны, да и учителю хочется посадить его подальше, на заднюю парту, чтобы не маячил перед глазами. Да ему и не привыкать там, в резервации. Он не такой, как все, с ним все «не слава Богу» – кто бы сомневался! Ничего, после уроков он пойдет к «пацанам» во двор, там он среди своих...

Что делать – подыграть его роли изгоя, дать ему насладиться своей отверженностью? Или не согласиться с ним и сражаться за возвращение ребенка к нормальной жизни? Именно этот выбор стоит перед учителем, которому судьба послала такого ученика. Картошку-то жарить его дома научат. И любить будут, и к жизни готовить. А вот иметь дело с его сниженной самооценкой, привычкой сразу приходить в отчаяние и опускать руки (вариант – швырять тетради на пол и топтать ногами) предстоит вам. И с его неумением быть ребенком, соблюдать правила, слушаться и просить помощи вам тоже придется столкнуться.

Нормальные дети с ненормальной судьбой

Часто, наблюдая за ребенком из детского дома, окружающие думают: «Ненормальный какой-то!». Он и в самом деле может вести себя странно и пугающе. Иногда кажется «пожившим», значительно старше своего возраста, порой, наоборот, ведет себя как маленький. Вот он на перемене курит в туалете, сплевывая на пол и ругаясь басом, а через полчаса на уроке совершенно по-детски плачет из-за сломавшегося карандаша. Весь он какой-то нескладный, неровный, словно куски его личности не ладно пригнаны, а набросаны кое-как и углы торчат наружу^[5].

Но когда узнаешь все, о чем говорилось в этой главе, начинаешь понимать, что это не ребенок ненормальный. Это обстоятельства его жизни были ненормальными^[6]. И он, как мог, приспособился к ним. В романе Виктора Гюго «Человек, который смеется» рассказывается о компрачикосах – преступниках, которые похищали детей и уродовали их, чтобы потом продавать в бродячие цирки на потеху публике. Они помещали маленького ребенка в специальный сосуд. Тело росло, стенки сосуда сдавливали его, и все кости, мышцы, связки деформировались, приспособляясь к обстоятельствам. Так из здорового малыша вырастал карлик, горбун, уродец. Или не вырастал – не сумев приспособиться и стать «ненормальным», ребенок просто умирал. Для детей, оставшихся без родителей, роль такого «компрачикоса» играет сама жизнь. Все его странности – это всего лишь **нормальная реакция на ненормальные обстоятельства** существа, которое хотело жить. И победило – иначе ребенок не пришел бы в ваш класс и не стоял бы сейчас перед вами. Остается только поблагодарить судьбу за эту его силу, гибкость, терпение. Эти же качества позволят ему, как только жизнь наладится и среда станет благоприятной, наверстать многое из упущенного, выправиться, раскрыться. Если, конечно, окружающие будут относиться к нему по-человечески, а не как зеваки в балагане, которые, тыча в него пальцами, кричат: «Смотрите, какой урод!», и уводят своих детей подальше.

К счастью, с одним конкретным ребенком не может произойти сразу всех перечисленных выше бед и событий. В прошлом у каждого из них было немало хорошего. Возможно, мама забывала покормить ребенка, когда была пьяная, но в периоды просветлений заботилась о нем и придумывала интересные игры. Возможно, в доме ребенка была добрая, сердечная нянечка. Возможно, первые годы жизни в семье все было

хорошо, и только потом начало разваливаться. Возможно, его отчим бил, но бабушка или брат, как могли, защищали. Так или иначе, у каждого есть свой позитивный ресурс, что-то светлое и хорошее в прошлом. А в настоящем – новая семья, новые друзья, новая жизнь.

Некоторые дети от природы наделены такой жизненной силой, таким стремлением расти и развиваться, что, как заговоренные, проходят сквозь все невзгоды без явных последствий. Может быть, именно такие дети были прообразами героев Диккенса и авторов сентиментальных романов? Там их хранили благородная кровь и благословение матери. Не знаю уж, что именно влияет, но иногда действительно кажется, что ребенка хранит ангел, и приемные родители потом удивляются – нас предупреждали о трудностях, а он – золотой мальчик!

Эта сбереженная ангелом-хранителем часть личности есть у каждого ребенка. Просто у одного она больше и с ним почти все в порядке. А у другого – меньше, может, особенно тяжело ему пришлось или ангел попался неопытный. Смотришь на такое дитя: все с ним не так. Несуразный какой-то, неправильный, неудобный, и самому ему несладко от своей искореженности, он буквально «места себе не находит» – ни на стуле, ни вообще в жизни. Но сохраненный уголок души и у него обязательно есть. Его нужно найти и начать постепенно укреплять и расширять. Результаты будут ошеломляющие. Их в моей практике было множество: детей, которым ставили диагноз «умственная отсталость», а они хорошо заканчивали школу и колледж; детей с такими хроническими заболеваниями, которым врачи предрекали инвалидность, а потом удивлялись, куда делись все болезни; детей неуправляемых, расторможенных, агрессивных, которые потом становились ласковыми, контактными, готовыми помочь.

Следующая глава как раз об этом – о конкретных детях и их судьбах.

Как это бывает

Из многих десятков историй, с которыми мне приходилось сталкиваться в процессе работы, было трудно выбрать несколько. Некоторые из этих приемных семей прошли весь путь на моих глазах: я готовила их к приему ребенка, многое о них знала, волновалась, когда они знакомились, помогала пережить адаптацию. Другие взяли детей раньше и ко мне обратились в ситуации кризиса – уже с сигналом SOS. Признаюсь сразу, что ни одна из историй не взята прямо «с натуры», я объединяла в один сюжет несколько схожих, меняла не только имена, но и возраст детей, состав семей, конкретные обстоятельства жизни. Ведь мир тесен, и мне вовсе не хочется, чтобы внутренняя жизнь реальных людей была выставлена на всеобщее обозрение. Так что образы и членов приемных семей, и учителей здесь собирательные. Приведенные в этой главе истории – просто материал для размышлений, и, надеюсь, они помогут вам понять чувства ребенка и его приемных родителей, а может быть, подскажут, что можно в той или иной ситуации сделать, а чего – нельзя ни в коем случае.

В отношениях между приемным ребенком и его новыми родителями важно все: его прошлое, их прошлое, характеры и темпераменты, условия жизни, поведение окружающих, наличие у родителей подготовки, возможность обращаться за помощью к специалистам службы устройства (и готовность это делать). Я постаралась на конкретных примерах представить большую часть проблем, о которых говорилось в предыдущей главе, и выбирала именно те семьи, в жизни которых решающую роль – позитивную или негативную – сыграла школа и личность учителя. И в которых все, возможно, было бы по-другому, если бы иначе сложилось в школе.

Брось, а то уронишь!

Сева 11 лет. Симпатичный, сероглазый, немножко лопоухий, но ему идет. Сначала он с недоверием относился к идее найти ему семью. Дело в том, что некоторое время назад Севу уже брала к себе одна женщина, Клавдия. Они с первого дня знакомства друг другу очень понравились и были полны желания жить вместе.

Сначала все было замечательно. Сева очень старался, хотел больше времени проводить с новой мамой, все время крутился возле нее, приставал с вопросами. В доме только и слышалось: «Мам, смотри!». А посмотреть, в общем, было на что. Сева – мальчик живой и изобретательный. То на подоконник влезет – а окно открыто! – и ногами болтает. То кошку в школьный рюкзак запихнет и по квартире таскает. На самом деле, ничего особенного – обычные мальчишеские шалости. Просто их было слишком много – ведь Сева обладал завидной энергией, да еще находился в эйфорическом возбуждении от того, что теперь он живет дома, с мамой. Кроме того, как это часто бывает у детей из детского дома, он не очень умел справляться со своими эмоциями, которые захватывали его полностью. Он громко возбужденно разговаривал, кричал, размахивал руками, требовал внимания. В школе на него тоже жаловались из-за этого, ведь мальчика каждую минуту приходилось одергивать и делать ему замечания.

А Клавдия была уже немолода, да и темперамент у нее совсем другой. Ничего забавного в Севиных выходках она не находила и вообще не понимала, почему ребенок не может посидеть спокойно, никому не мешая. Она уставала, раздражалась, а направить Севкину энергию «в мирное русло» у нее не получалось. Сначала она просила его успокоиться, потом подолгу «пилила», затем обижалась и, наконец, начинала кричать, а то и отвешивала ему подзатыльник. Причем «воспитательные меры» до крика и подзатыльника Сева просто не замечал – монотонные нотации Клавдии оказывались за порогом его восприятия. Поэтому ругань доведенной до белого каления приемной мамы он воспринимал как совершенно неожиданное, ничем не объяснимое нападение – ведь он ничего плохого не делал, наоборот, было так весело, а она вдруг разоралась! Сева обижался в ответ, не слушался, грубил, убегал без спросу на улицу, не выполнял поручений по дому и даже начал курить.

Так прошло больше года. Периоды взаимной симпатии, хорошего

настроения, когда они вместе обсуждали планы на будущее, становились все реже и все короче. Зато все больше было скандалов, слез и взаимных обид. Однажды Сева не пришел вечером домой. Клавдия ужасно волновалась, ходила его искать, а он явился далеко за полночь, в ответ на ее упреки только огрызался. Терпение женщины лопнуло, и она объявила Севе, что они расстаются. Так он снова оказался в детском доме. И твердил, что теперь-то он десять раз подумает, прежде чем идти в какую-то там семью. И чего он там вообще не видел... В детском доме, кстати, он вел себя вполне прилично, слушался воспитателей, более-менее прилежно учился и вообще как-то притих.

Патронатные воспитатели, которых мы нашли для Севы, были совсем не похожи на Клавдию (хотя тоже не очень молоды). Веселые, спортивные, энергичные, Оксана и Андрей вырастили своих троих хулиганистых мальчишек, поэтому кошка в рюкзаке их удивить не могла. Сева, несмотря на угрозы «десять раз подумать», сразу же, как их увидел, согласился с ними жить. Первые три дня он улыбался, слушался и с восторгом вникал во все детали новой жизни. Потом началось. Через неделю Оксана уставшим голосом рассказывала: «Он все время кричит. Слово вставить невозможно. Малейшее замечание – кидается вещами, хлопает дверью, орет так, что уши закладывает. Кричит, что мы злые, плохие, зря его взяли, и вся семья у нас идиотская, и все мы делаем не так, и над ним издеваемся. С понедельника он идет в новую школу, и я боюсь, что там будет».

Боялась Оксана не случайно. В этой школе Сева выдержал три дня. Затем устроил истерику на уроке после того, как учительница попросила его не мять тетрадь локтем. «Ну и заберите вашу тетрадь! Я все равно не могу нормально писать! И не лезьте ко мне!». И до конца урока просидел, положив голову на парту. Учительница предпочла не трогать его, надеясь, что позже все наладится. Еще через день Сева, не сумев решить пример, грубо выругался на весь класс. Учительница сделала ему замечание, он вскочил и выбежал из класса, пнув по дороге чей-то портфель. В понедельник Оксану вызвали в школу. Она молча слушала жалобы учительницы, не зная, что ответить. Ее сыновья, бывало, сбегали с уроков или получали двойки, дрались иногда, но истерик на уроках не устраивали.

Домой Сева шел притихший. Решив наказать его, Оксана велела ему вне очереди помыть посуду. Сева почему-то очень обрадовался и отдраил заодно холодильник, плиту и весь кафель на кухне. Так что наказания никакого не получилось. А вечером опять произошел безобразный скандал из-за пустяка. В школе Сева больше не скандалил, но и не учился – смотрел тупо в тетрадь или в окно. На простейшие вопросы не отвечал, бурча себе

под нос: «Я не знаю». Учительница первое время старалась его не трогать, но долго так продолжаться не могло. Остальные дети, уже сложившийся коллектив четвертого класса, смотрели на новенького с недоумением и неприязнью. Подойти к нему, заговорить никто не решался.

Оксана и Андрей не знали, что делать. Сева, который сначала с таким удовольствием пришел к ним в дом, делал все возможное, чтобы его выгнали. Он хамил, открыто нарушал требования приемных родителей, пытался курить прямо в комнате. Наказания на него не действовали, уговоры – тем более. Он словно был очень зол на них, но они не могли понять – за что? Симпатичный, смысленый, хоть и немного хулиганистый парень, каким Сева был в детском доме, превратился в чудовище. То казалось, что он готов помогать по дому, «быть хорошим» и ему нравятся новые родители. То вдруг как с цепи срывался. Оксана и Андрей понимали: весь их прошлый опыт воспитания своих детей не может помочь в воспитании приемного ребенка.

Когда семья пришла на консультацию, мы сначала немного поговорили все вместе. А потом патронатные воспитатели вышли за какими-то документами, и мы с Севой остались одни. Помолчали немного. Вдруг он быстро, не глядя на меня, спросил: «Они уже сказали, что меня отдадут?». Я удивилась: «Нет, Сева, они не собираются тебя отдавать. Они сказали, что ты им очень нравишься, хотя они устали от твоих выходок, конечно». Сева уставился на меня и переспросил: «Правда, не отдают? Правда, нравлюсь? Они сами так сказали? Вы не шутите?». Его буквально колотило от напряжения. «А тебе они нравятся?» – «Очень нравятся». «А почему же

ты так себя ведешь?» – «Я не знаю, просто взрываюсь, когда мне замечание делают. Меня бесит, что они командуют». Мы немного поговорили о том, что все взрослые делают своим детям замечания, и это совсем не значит, что дети им не нравятся. И о том, что родители для того и нужны детям, чтобы иногда командовать. Вот если ребенок совсем один, на необитаемом острове, им никто не командует. Но никто и не защищает, и не любит.

Сева был уже большой и довольно толковый парень, поэтому я сказала ему напрямую, без всяких «психологических подходов»: «Знаешь, дорогой, ты должен решить сам. Они тебя отдавать не хотят, но, сам понимаешь, довести можно любого. Тем более с твоими способностями. Ты не хочешь, чтобы они тобой командовали? Ты легко можешь этого добиться. Они еще продержатся, сколько хватит терпения, но в итоге ты победишь – они совсем устанут и сдадутся». «Я так не хочу, – сказал Сева, – это никакая не победа». Потом он еще несколько раз переспросил, правда ли, что его не собираются отдавать: «Нет, а как точно они сказали? Прямо такими словами? А вы хорошо запомнили? А вы не обманываете меня?» – «Сева, что же ты сам у них не спросишь? Хочешь, сейчас вместе спросим?». Это было для него уже чересчур. Он замотал головой, потом глубоко, как-то облегченно вздохнул и попросил разрешения пойти поиграть в футбол с мальчишками. Очень разумно, по-моему. Лучше любой психотерапии.

Что происходит. Для постороннего наблюдателя поведение Севы представляется абсолютно неадекватным. Срываться в крик из-за рядового замечания – это ненормально. Доводить «до ручки» людей, которые тебе хотят добра и вообще тебе нравятся, – тем более странно.

Теперь посмотрим на ситуацию с точки зрения ребенка. В его жизни происходят кардинальные перемены. Можно сказать, решается судьба. При этом его опыт очень невелик. Историю с неудачным устройством в семью он интерпретирует примерно так: «Я недостаточно хорош, чтобы иметь родителей. Сначала они все хотят, а потом видят, какой я, и передумывают. Такой, как я есть, я никому не нужен». Сознание ребенка устроено так, что причину любых событий он видит в себе самом. Это называется детским эгоцентризмом. Ничего ругательного в этом слове нет, это просто научное определение, буквально означающее, что для ребенка в центре мира – он сам. Только с возрастом приходит понимание, что другие люди могут совсем по-другому воспринимать ситуацию, что у них могут быть свои причины себя вести так или иначе, что мама может расстраиваться не только из-за того, что ты не съел суп, и родители могут ругаться не потому, что ты плохо себя вел.

Севе, естественно, в голову не приходит, что первая приемная мама

просто не справилась с ним. Они не подошли друг другу по характеру. Возможно, такой уставшей от жизни немолодой женщине вообще не следовало брать на воспитание живого, озорного мальчугана. Но этот анализ ситуации ребенку недоступен. Для него все просто: меня взяли, а потом отдали, потому что я не понравился. И с самой первой минуты в новой семье он с ужасом ждет, что они догадаться, какой он «на самом деле».

А теперь попробуйте представить себе степень этого напряжения и уровень стресса в этот период. Если вам случалось переживать нечто подобное, вполне ли адекватным было тогда ваше поведение? Взрослые люди, как правило, очень нервничают на собеседовании при приеме на работу. Но ведь речь идет не о жизни и смерти – всего лишь о работе! Кроме того, потерпев неудачу на собеседовании, взрослый человек приходит домой, к своим близким, к друзьям, и они ему быстро объясняют, что на самом деле он лучше всех, а работодатели просто не понимают, какое сокровище упустили, и в следующий раз все обязательно получится, и вот, кстати, в последнем журнале советы, как правильно писать резюме... У этого ребенка никакой «группы поддержки» нет. Новые родители еще не привыкли к ребенку, не знают, как к нему подступиться, и тоже испытывают растерянность и стресс. Друзья и знакомые взрослые далеко. Советов приемным детям в журналах пока не печатают. Он одинок и растерян. Он очень хочет радоваться новой жизни, иногда у него это получается, и целый день он счастлив, но потом опять не дают покоя вопросы: взяли ли его в семью «насовсем»? есть ли у него теперь свой дом и родители, или вскоре его опять вернут в детский дом?

Попробуйте услышать ушами ребенка, находящегося в таком положении, любое критическое высказывание взрослых. Для него оно звучит, как удар погребального колокола – вот оно, началось! Они все поняли! В этот момент все внутренние «предохранители» у него перегорают и начинается истерика.

Понятно, почему Сева воспринял мытье посуды не как наказание, а как подарок – он-то думал, что его прямо из школы отведут с вещами в детский дом. Мне приходилось слышать от приемных родителей рассказы о том, что ребенок выглядел, как именинник после того, как его... выпороли! Родители в недоумении – да что же это, ничем его не проймешь, издевается он, что ли? А для него-то это наказание – амнистия, его опасения были гораздо хуже.

Если вам приходилось когда-нибудь ожидать неприятностей, наверняка вы ловили себя на мысли: «Скорее бы уж! Лучше пусть это

случится сейчас, чем ждать и бояться!». У детей – то же самое, только гораздо сильнее. Если все равно меня вернут в детский дом, то пускай уж скорее! (По формуле: «Брось, а то уронишь!».) И вообще, пусть лучше я сам их доведу. Если вернут в детдом, потому что я плохо себя вел, это не так больно, как из-за того, что я недостаточно хорош, чтобы быть их ребенком. Тогда можно постараться убедить самого себя и всех вокруг, что мне не очень-то и хотелось, что на самом деле это **они** плохие и «все делают по-идиотски».

Конечно, ребенок таким образом не рассуждает. Он сам порой удивляется, что за бес заставляет его грубить, кричать, не слушаться. Имя этого беса – тревога. Всепоглощающая, запредельная тревога, которая, вырываясь из-под контроля, полностью подчиняет его себе и заставляет приближать финал, которого он так боится. Если в этот момент в окружении семьи, в школе окажутся люди, которые придут в ужас: «Где вы взяли этого психа?», или начнут требовать от родителей «немедленно принять меры и привести его в порядок», сами понимаете, чем все закончится.

Естественно, особенно остро переживают дети, которых однажды уже вернули из приемной семьи. Но в большей или меньшей степени тревогу испытывает любой ребенок в период адаптации к новой жизни. До тех пор, пока он не поверит, что все это – всерьез и надолго, что он нужен, что его любят и никуда не отдадут. Обычно на это уходит от полугода до двух лет, в зависимости от возраста и характера ребенка, от того, что ему пришлось пережить, и от мудрости и терпения окружающих взрослых.

Что можно сделать. Если вы знаете, что ребенок живет в новой семье недавно, вы должны учитывать, что у него возможны всплески неадекватного поведения. Это не обязательно громкие истерики, могут быть и тихие слезы, неестественная веселость, ступор, замкнутость, неспособность сосредоточиться, двигательное возбуждение, нарушение аппетита, даже нервная рвота.

Теперь вы понимаете, почему это происходит. Поэтому главное – не принимайте все это на свой счет! Это не вы что-то сделали не так, не вы не понравились ребенку, и не ребенок ненормальный. У него сейчас просто сильнейший стресс, нервы на взводе, реакции непредсказуемы. Это пройдет. Его состояние в большей степени зависит от его приемных родителей или патронатных воспитателей, чем от вас. Но вы можете очень помочь, если:

- Не будете усугублять напряжение. Постарайтесь избегать хотя бы в первое время замечаний, упреков, вызовов родителей и прочих

карательных мер. Это не значит, что вы должны ввести для этого ребенка особые правила и все ему разрешать. Просто избегайте осуждающего тона. Можно ведь даже неудовлетворительную работу прокомментировать так: «Извини, Сева, но пока даже тройку поставить тебе не могу. Ну, я думаю, ты скоро привыкнешь и станешь успевать больше. Если нужна помощь, скажи мне».

- Сумеете показать ребенку, что он нужен в классе. Придумывайте для него мелкие поручения и не забывайте поблагодарить за помощь. Расскажите про классные и школьные традиции, предложите принять участие в ближайшем соревновании, празднике, но не настаивайте. Любые разговоры про его будущее в этой школе, в этом классе укрепляют в нем уверенность, что это будущее – будет, что его новая жизнь состоится и все наладится.

- Будете гасить «взрывы» на корню. Если вы чувствуете, что «сейчас начнется», попробуйте неожиданно сменить тему, пошутить, обратиться к другому ученику. Можно просто подойти к нему и успокаивающе похлопать по руке, не привлекая при этом излишнего внимания к его персоне и продолжая вести урок.

- Будете выдвигать требования без критики и подсказывать выход из положения. Когда ребенок ведет себя неподобающим образом, апеллируйте к объективным правилам и формулируйте свои требования позитивно. То есть вместо «Не кричи» скажите: «У нас в классе есть правило: мы говорим друг с другом вежливо и спокойно. И ты попробуй», или «Говори тише, я лучше тебя пойму».

- Постараетесь снизить напряжение в классе. На самом деле ваша спокойная реакция на необычное поведение новенького и проявленная к нему симпатия зададут вектор поведения ребят. Если вы чувствуете, что класс нуждается в объяснении происходящего, просто скажите: «Севе сейчас трудно, новая школа, много изменений в жизни. Скоро он привыкнет и все наладится». Ни в коем случае не обсуждайте в классе то, что ребенок – приемный, именно сейчас это совершенно некстати.

- Поддержите приемных родителей. Постарайтесь не добавлять им головной боли претензиями и упреками. Им и так сейчас трудно. Рассказывайте даже о небольших успехах ребенка, делитесь своими педагогическими находками, если вам удалось, например, прекратить истерику или вовлечь ребенка в работу, им это тоже может пригодиться.

Оксане и Андрею важно было понять истинные мотивы поведения Севы. Ведь за эти несколько недель их вера в свои родительские возможности пошатнулась. Мы еще несколько раз встречались с ними,

обсуждая, как им вести себя с Севой, как самим не «дойти до ручки». В течение следующих недель и месяцев жизнь семьи постепенно налаживалась. Патронатные воспитатели стали избегать длинных объяснений с Севой, они кратко, но твердо требовали выполнения правил, а иногда просто брали за руку и отводили, например, в ванную, как маленького. Пару раз Андрею пришлось взять его за шиворот и потребовать, чтобы тот говорил с Оксаной вежливо. Зато если вопрос был пустяковый, они к нему не «цеплялись», переводили все в игру, в шутку. Они проводили с Севой много времени, охотно общались с ним и разговаривали. А главное – больше не обижались, если Сева вновь срывался на крик и обвинения. Просто говорили: «Так я не буду с тобой ничего обсуждать, когда сможешь говорить нормально – приходи» – и занимались своими делами.

Один из старших братьев записал Севу в спортивную секцию, где наконец нашла выход его неумная энергия. Приходя вечером с тренировки «с языком на плече», парень уже был неспособен устраивать сцены. У него, кстати, оказались явные способности к акробатике. Тренер категорически запретил ему курить, а поскольку кричать на тренера Сева не решился, то проблема рассосалась сама собой.

В школе учительница нашла хороший ход – стала часто просить Севу помочь ей что-нибудь принести, убрать, передвинуть. Как раз лень в число Севиных качеств никогда не входила – помогать ему очень нравилось. Он чувствовал свою нужность и всегда был рад размяться во время урока. По мере того, как Сева успокаивался насчет своего будущего в семье, он стал спокойнее и в школе, втянулся в учебу. Конечно, отличником не стал – многое ему давалось с большим трудом, сказывались годы жизни, проведенные без семьи. Но зато начал с удовольствием читать, освоил компьютер, а умение делать сальто очень повысило его рейтинг среди мальчишек (этому же способствовала и его неистощимая фантазия на всякие шалости).

Гадкий утенок

В Тимуре очевидно есть южная кровь – у него огромные карие глаза с ресницами в полщеки, вьющиеся темные волосы и взрывной темперамент. Тимур остался без родителей в первые же часы после рождения – мама сбежала прямо из роддома. Мальчик попал в дом ребенка, потом в детский дом. Ему было уже семь лет, когда жизнь круто изменилась – он стал приемным сыном Натальи. Она давно мечтала о ребенке, своих детей не было, брак давно распался, и вот наконец мечта сбылась... Худенький смуглый мальчик, который сразу стал называть ее «мамой» и сказал, что «будет всегда помогать и защищать». Вспыльчивый, конечно, но что поделаешь – джигит! И нервный: энурез, тик, говорит плохо. Но кто не будет нервным, если растет без родительской любви. Наталья твердо верила, что все у них будет хорошо.

Первые месяцы в семье прошли как в сказке. Наталья заранее договорилась на работе о длительном отпуске, чтобы больше внимания уделять ребенку и подготовить его к школе. Отставание в развитии было сильным, и с речью проблемы. Трудно давались логические задачи, пересказать прочитанное вообще не мог. Но они с приемной мамой играли, гуляли, занимались, лучше узнавали друг друга, иногда ссорились, потом бурно мирились и жили дальше. Когда Тимур уставал, с ним становилось трудно, он делался раздражительным, плаксивым. Иногда на него «находило», и он в бешенстве пинал ногами мебель, швырял игрушки и книги, у него искажалось лицо, крик переходил в хриплый вопль, что было порой просто страшно. Но с каждым разом у Натальи все лучше получалось его успокоить, переключить внимание, и подобные срывы постепенно сходили на нет. В общем и целом они были счастливы.

Спустя полгода Тимур окреп, вырос, стал гораздо спокойнее, мягче, его речь была уже понятна не только приемной маме. Почти полностью прошел энурез, тик возвращался только изредка, в минуты сильной усталости и напряжения. Приемная мама могла гордиться – ребенок сделал огромный рывок в развитии, а главное – они стали по-настоящему близкими людьми. Наташа уже планировала вернуться на работу, да и парню исполнилось восемь лет – пора в школу. Неплохая школа была прямо во дворе дома, они еще весной в нее записались. Про то, что ребенок приемный, Наталья говорить не стала, как-то было неловко, да и зачем? Что не похож на маму – ну, может он в папу, а папа живет отдельно, так сплошь

и рядом бывает. Наталья уже настолько сроднилась с мальчиком, почувствовала его своим, что ей хотелось, чтобы и окружающие были уверены: это ее родной сын. Радостно выбирая портфель, пенал и все прочее для школы, Тимур и Наташа даже предположить не могли, что сказка на этом как раз и заканчивается. Начинается какой-то совсем другой жанр.

Тимур пришел домой в слезах уже на второй неделе учебы. Дети называли его «черно...пым» и смеялись над его фамилией. Наталья пошла в школу. Учительница объяснила, что дети нынче бывают разные, и в семьях разное слышат, она пока класса толком не знает, но обещала поговорить и объяснить ребятам, что так нельзя. Как она объясняла, неизвестно, но после этого Тимур пришел домой в полной ярости, швырнул в угол портфель и грубо сказал Наташе, чтобы она больше никогда не ходила в школу «стучать» и вообще не лезла не в свое дело. Наталья, конечно, обиделась – ведь она хотела ребенка защитить. Тимур сидел злой весь вечер, потом они помирились.

Больше мальчик не жаловался, зато начала жаловаться на него учительница. То Тимур во время урока ходил по классу, то не хотел идти на завтрак в строю и демонстративно шел отдельно. Тимур отказался фотографироваться вместе с классом, а фотографу, который его уговаривал встать рядом с ребятами, заявил: «Да пошел ты!». Тимур, отвечая в классе, сказал что-то неразборчиво, дети засмеялись. Тогда Тимур из всех сил ударил мальчика, сидящего перед ним, учебником по голове. Тимур, Тимур, Тимур... Его имя не сходило с уст учительницы и на первом, и на втором родительском собрании. На третьем встал чей-то представительный папа и сказал: «Послушайте, давайте решать этот вопрос. Я не понимаю, почему мой ребенок должен учиться рядом с этим, скажем так, неадекватным мальчиком. Для таких детей есть специальные учебные заведения. Он мешает работать учителю, он уже не раз дрался с детьми. Мы не можем это терпеть. Пусть его переведут куда-нибудь». Родители одобрительно загудели: «В самом деле, сколько можно? Абсолютно распустили ребенка, все, видно, дома ему позволяют... Раньше надо было воспитывать... Школа – не место для таких...». Наталья сидела, как оглушенная. Потом заплакала и выбежала из класса.

Долго бродила под дождем, чтобы как-то успокоиться, и все думала, думала. Вспоминала последние месяцы, и разнообразные мелкие детали стали складываться в одну картину. Вот она приходит за Тимуром в школу, а у него на рубашке ни одной пуговицы. «Что случилось?» – «Ничего, за перила зацепился». Вот она предлагает: «Давай пригласим к нам домой

ребят из класса, поиграете вместе» – «Нет, не хочу, я лучше побуду с тобой». Она с умилением думала: «Какой домашний мальчик, соскучился по маме». Один раз он спросил: «Мама, а как ты делаешь волосы светлее? (Наташа как раз сделала мелирование в парикмахерской) А мне можно?» – ей это показалось забавным. В другой раз: «А можно, чтобы у меня была фамилия, как у тебя?». Она-то думала, что Тимур хочет стать по-настоящему ее родным сыном, радовалась потихоньку этому вопросу, обдумывала, когда начнет оформлять усыновление (Тимур был взят под опеку). А Тимур, видимо, просто хотел нормальную фамилию, как у нее – Никитина. И волосы светлые, «нормальные». И ни одного приятеля у него не появилось за полгода в первом классе. И обижали, а может, и били его регулярно. И сменная обувь постоянно терялась тоже неспроста. Она вспомнила поведение учительницы на собрании. Та не сделала ни единой попытки заступиться за ребенка и даже, казалось, была рада услышать «голос общественности». Значит, невзлюбила Тимура сразу, с первых дней, и, похоже, ничего не сделала, чтобы его не травили.

Наталя решила пока ничего Тимур не говорить, сначала узнать, куда можно перевести ребенка. До конца четверти оставалось две недели, а там – Новый год. Утром она немного поколебалась, не оставить ли Тимура дома, но ей нужно было на работу, на целый день оставлять ребенка одного не хотелось, да и не любил он один дома сидеть. Так что пошли, как обычно, в школу.

На работу ей позвонила учительница и срывающимся голосом велела «немедленно быть в школе». Наташа только успела спросить: «Что с Тимуром?» – в ответ услышала: «Приезжайте, сами все узнаете!». Когда она добралась до кабинета директора и увидела в углу Тимура, сжавшегося в комочек, подумала: «Слава Богу, жив». Потом директор рассказал, что произошло. С чего все началось, никто не знает. Охранник увидел, что в углу сцепились трое мальчишек – Тимур дрался сразу с двумя. Естественно, охранник подошел, чтобы их разнять, взял Тимура за шиворот, пытаясь оттащить. Тот был в такой ярости, что извернулся, прокусил охраннику руку до крови и разодрал ногтями лицо. Настолько сильно, что еле остановили кровотечение, чудом глаз не выцарапал. «А если бы он сделал это с ребенком? Ему-то ничего бы не было, он малолетний. А мне бы пришлось сидеть в тюрьме», – закончил свою речь директор. Он не кричал, не обвинял, просто говорил предельно усталым голосом. Наталя не знала, что отвечать и что делать. Пробормотав что-то невнятное, она взяла Тимура за плечо и вывела из школы. Ночью у него поднялась температура под 40, его рвало. Наталя вызвала «Скорую», и

мальчика увезли в инфекционную больницу. Там он несколько дней провел в боксе, проверили все, что можно, но никакой инфекции не нашли. Температура спала, мальчик все время лежал, отвернувшись лицом к стене. У него с новой силой начался тик. «Видимо, сильное нервное потрясение, больше ничего не могу предположить» – пожал плечами врач и сказал, что мальчика можно выписывать.

За день до выписки Наталья пришла ко мне, и мы познакомились. Она брала Тимура не в нашем детском доме и раньше к психологам не обращалась – не было повода. Она не знала, что делать дальше, что говорить Тимуру, как быть со школой. Только плакала и спрашивала: «За что они его так? Он же был хороший! Ну, что он им сделал? А если бы он и правда кого-нибудь покалечил? А если бы убил? Как же нам теперь?». Я понимала, что ей нужно выговориться, чтобы завтра быть в состоянии нормально общаться с ребенком. Лишь через два часа поток слез иссяк, и мы стали вместе думать, как быть дальше.

Что происходит. Мы уже говорили о древней, на биологическом уровне заложенной в нас программе опасаться и не любить чужого. Чужого по крови, по внешнему виду, по манере поведения, по происхождению. Программа эта есть у каждого, но то, в какой степени она влияет на поведение человека, зависит от уровня его развития и от убеждений. Конечно, дети в этом отношении копируют взрослых. Причем копируют даже не их поведение – они, как маленькие антенны, улавливают мысли, чувства, отношение и «переводят» их в действия. Папа, который дома на кухне любит порассуждать о засилье «черно. пых», вряд ли станет говорить нечто подобное публично, на собрании. А его семилетний сын этих тонкостей не понимает и повторяет папины слова вслух где и когда угодно – это же папа сказал!

Конечно, дело не только в национальности. «Инакость», раненность, глубинное внутреннее неблагополучие ребенка с тяжелым началом жизни чувствуется еще очень долго после его попадания в новую семью. Даже если у этого неблагополучия нет ярких внешних проявлений вроде тиков, невнятной речи и вспышек агрессии, оно сквозит во всем облике и поведении ребенка и безошибочно считывается детьми и взрослыми. У окружающих срабатывает элементарная психологическая защита: этому мальчику плохо, с ним что-то не так, я это чувствую и не хочу быть с ним. Потому что если быть с ним, надо что-то с этим делать, как-то к этому относиться, а я не знаю, не могу, не хочу, своих проблем полно. Пусть он уйдет куда-нибудь. Люди словно боятся заразиться несчастьем и шарахаются от такого ребенка, как от прокаженного. Сам по себе этот

импульс нормален. У нас у всех есть инстинкт самосохранения, в том числе и душевного. Мы все хотим покоя и комфорта, а вовсе не лишних переживаний и лишней ответственности. Важно, как мы себя при этом ведем.

Все осложняется тем, что ребенок и сам дает все основания для нелюбви. Он действительно проблемный, а в ситуации отвержения даже те трудности в его поведении, которые сгладились было в семейной жизни, проявляются с новой силой. Он – «гадкий утенок», да еще какой гадкий, и совсем не отвечает нашим представлениям о «мальчике из хорошей семьи». Вопрос в том, кто тут принимает решения: наш разум, наша человечность или программы-импульсы?

Конечно, Наталья совершила большую ошибку, не рассказав

учительнице о том, что ребенок всего полгода как из детского дома. Ведь у той действительно сложилось впечатление, что мать избаловала сына, не научила его нормально себя вести, не озаботилась даже развитием его речи, а теперь сдала с рук на руки учителю – как хотите, так и учите! В этом своем праведном гнев педагог, конечно, могла преувеличенно болезненно воспринимать все Тимуровы фокусы. Возможно, знай она подлинную историю мальчика, многое бы виделось ей по-другому, а главное, к приемной маме она бы не относилась враждебно.

Хотя возможен и иной сценарий. Наталья в ответ на свой рассказ услышала бы что-нибудь вроде: «Зачем вам это было нужно? Вы что, не знаете, что это за дети?», и детдомовское прошлое Тимура могло стать еще одним аргументом в пользу того, что ребенок «неадекватный» и «ему здесь не место». Такое тоже встречается, хотя, надо сказать, с каждым годом все реже. На самом деле и это было бы полезно – ведь если бы при первой встрече учительница проявила неприязнь к «детдомовским» или «понаехавшим», это стало бы для Натальи сигналом к тому, чтобы поискать другого педагога, другой класс.

Усугубило ситуацию и отношение Натальи к школе и учителю. По сути, она с самого начала не доверяла ей и опасалась, что Тимура обидят, никогда не пробовала наладить сотрудничество, а только оборонялась или – в крайней ситуации – нападала сама. Наверное, это связано с ее собственным травматичным детским опытом – недобрых учителей, к сожалению, всегда хватало.

Что касается учительницы, вовсе не факт, что она убежденный ксенофоб и вообще злой человек. Вполне возможно, она была не очень опытна, не обладала умением управлять детским коллективом и просто не справилась с ситуацией. А когда дело зашло далеко и Тимура по-настоящему невзлюбили, ей стало казаться, что единственный выход – удалить из класса источник раздражения. Тут, кстати, она ошибалась. Если в коллективе уже есть опыт травли, если в нем создалась и закрепились роль «козла отпущения», после изгнания первого исполнителя этой роли она перейдет к другому ребенку. И пару собраний спустя, возможно, как раз сын этого представительного папы (наверняка мальчик несколько избалованный, импульсивный, склонный к агрессии) окажется в фокусе возмущенного обсуждения «общественности». Хотя на самом деле это связано не с особенностями конкретного ребенка, а с тем, какие отношения (с подачи или при невмешательстве учителя) сложились между детьми.

Что можно сделать. Я посоветовала Наталье прочитать мальчику вслух сказку «Гадкий утенок» и посмотреть вместе замечательный мультфильм

«Лило и Стич» – кстати, посмотреть его я советую всем, кто хочет разобраться в проблеме «других детей». Это потрясающе добрый, при этом совсем не слащавый и очень психологически точно сделанный мультфильм. Там девочка-сирота Лило встречает злобного монстра, специально созданного, чтобы разрушать все вокруг. Но Лило очень одиноко, ей нужен друг, и она не задумываясь объявляет чудище своим песиком. Любит его, заботится о нем, относится к нему как к члену семьи. И тому ничего другого не остается, как стать этим членом семьи, поскольку он тоже был очень одинок. К тому же у девочки такой характер, что раз уж она решила, что ты славный песик, лучше сразу соглашаться – спорить бесполезно.

Что можно было бы порекомендовать в этой ситуации учителю?

- Самое главное – помнить: положение ребенка в классе вплоть до подросткового возраста на 90 % зависит от того, как к нему относится учитель. А у первоклашек – на все 100. Поэтому решить проблему было на самом деле совсем несложно, стоило только подать ребятам знак, что Тимур нравится учительнице, что у него что-то (неважно что, хоть с доски вытирать) получается лучше всех, что он важен и нужен в классе. Один, два, три таких сигнала, и ребята очень быстро бы забыли, какая там у него фамилия, а Тимур стал бы намного более терпеливым. В этом возрасте авторитет учителя несоизмеримо выше авторитета сверстников и даже авторитета родителей, и именно сейчас важно уловить момент и не допустить формирования в детском коллективе роли «козла отпущения», «гадкого утенка». Классу к шестому это будет сделать намного труднее, ведь для подростков голос учителя – совещательный. А пока дети, как маленькие локаторы, считывают реакцию педагога и автоматически перенимают его отношение к одноклассникам. Ваша задача – просто подать правильный сигнал.

- Если в классе есть ребенок, рядом с которым действительно опасно находиться другим детям (необязательно приемный), решение о его судьбе следует принимать вместе с коллегами и администрацией школы, не привлекая для этого «общественность». Не превращайте тяжелое, но необходимое административное решение в акт коллективного осуждения и изгнания «паршивой овцы». Отверженность и озлобленность сцеплены друг с другом, одно непременно вызывает другое. Надеюсь, ни вы, ни возмущенные родители не хотите, чтобы впоследствии подросший и доведенный до крайней степени озлобления ребенок встретил их собственных «нормальных» детей где-нибудь в темном углу.

- Постарайтесь не оттолкнуть от себя родителей проблемного ребенка, вовлеките их в сотрудничество, вместе разработайте варианты выхода из

ситуации, помогите ему информацией, посоветуйте обратиться к специалистам. Иногда немотивированная агрессия у детей бывает связана с органическими заболеваниями мозга, и чем раньше проведено обследование и начато лечение, тем лучше результат.

- В случае с Тимуром агрессия была вполне мотивированная, и тут важно не совершить еще одной распространенной ошибки. Многие педагоги, застав детей дерущимися, говорят: «Мне не важно, кто первый начал, от перемены мест слагаемых сумма не меняется, оба виноваты». Это здравый подход, когда речь идет о стычке на равных. Но если в классе систематически обижают кого-то, а он вынужден обороняться, нельзя приравнивать вину преследователя и жертвы: это еще больше ранит ребенка-жертву, который чувствует себя абсолютно незащищенным даже в присутствии взрослых. Такой подход развращает ребенка-преследователя, и он очень скоро научится доводить исподтишка, так, чтобы самому оставаться в глазах педагога «белым и пушистым». Если при этом у жертвы сильный характер, она сделает свои выводы и в следующий раз будет драться уже не на жизнь, а на смерть – ведь поймет, что рассчитывать может только на себя.

- Если травля в классе уже началась, прямо объявите детям, как вы к этому относитесь. Не бейте на жалость (возможно, именно это пыталась сделать учительница Тимура в самый первый раз, чем и вызвала его ярость). Говорите не о жертве, а об обидчиках, фокусируйтесь на их качествах. Скажите, что вы будете очень огорчены, если узнаете, что в вашем классе есть дети, которым приятно кого-то обижать и мучить. Твердо объявите, что такое поведение недопустимо, и вы в своем классе этого терпеть не намерены. Обычно этого бывает достаточно, чтобы обидчики притихли (они всегда трусоваты). На фоне затишья можно принимать меры по повышению статуса ребенка-жертвы и найти для него комфортное место в классном коллективе.

- Поговорите с ребенком, выступающим в роли жертвы. Во-первых, объясните ему, что вы не сможете защищать его, если не будете твердо уверены, что сам он никогда драку не начинает. Скажите, что вам очень важно быть справедливым учителем и никого не наказывать напрасно; возьмите с него слово, что он не будет переходить к рукоприкладству, даже если его дразнят. Во-вторых, подскажите ему, как лучше себя вести, чтобы скорее отстали. Обидчики получают удовольствие не от самого процесса произнесения обидных слов, а от эффекта, которого достигают. Когда жертва плачет, злится, пытается возражать, убегает, они чувствуют свою власть над ней. Если же не обращать на них внимания, все удовольствие от

повторения одних и тех же слов пропадает, это скоро становится скучным.

- Подскажите ребенку несколько «волшебных фраз», остужающих пыл дразнящих. Если они с хохотом скажут вокруг, показывая пальцем, можно спокойно сказать: «Я рад, что вам так весело». Если говорят оскорбительные вещи, можно ответить: «Ты можешь так думать, если тебе это нравится» или «Я уже заметил, что тебе нравится говорить гадости о людях». Принцип тот же: не надо обсуждать навязываемую обидчиками тему (свою внешность, национальность, качества и т. д.), спорить, оправдываться, сердиться. Надо кратко и спокойно охарактеризовать их поведение, их мотивы, переложив ответственность за происходящее на них: это не **я** такой, это **ты** такой, что тебе нравится меня дразнить. Конечно, сказать это должным тоном и вовремя непросто, но помогает практически всегда.

- Если вы столкнулись с родительским лобби, ополчившимся против ребенка, помните, что ваш профессиональный долг – защита прав каждого вашего ученика, в том числе и самого неудобного. Об этом можно прямо сказать родительским активистам, чтобы не создавать у них ложных ожиданий. Затем найдите возможность поговорить доверительно с теми родителями, которые кажутся вам людьми разумными и способными встать на точку зрения другого. Расскажите им о ребенке, о его трудностях и успехах или предложите приемным родителям выступить на родительском собрании (не оправдываться, а именно выступить первыми) и рассказать все, что они сочтут нужным, может быть, даже попросить поддержки.

Надо сказать, что в долгосрочной перспективе последствия травли могут больше сказаться не на жертве, а на коллективе в целом. Если помните, даже в сказке с самим утенком-то все в конце концов сложилось хорошо. А несчастные куры и утки так и остались в своем злом и неумном мире. Оттого, что оттуда ушел «инородный элемент», птичий двор не стал ни лучше, ни добрее, ни краше. Именно это стоит объяснить родительским активистам, проявляющим неумеренное рвение. Пусть осознают, какую именно перспективу для своих чад они защищают. И какую роль сами играют в этой сказке... На самом деле в интересах всех родителей класса, чтобы их дети получили опыт сочувствия, помощи и объединения, а не опыт травли и сомнительной победы в битве всех против одного.

Наталье было ясно, что из этого класса надо уходить. В любом случае ситуация была настолько запущенной, что возвращаться в эту школу Тимуру не стоило, даже если бы удалось объяснить директору причины его поведения и в будущем переломить отношение к мальчику в классе. У него просто не осталось сил, чтобы дотянуть до этого будущего. Мы

договорились, что Наталья поищет вблизи подходящие школы, но не будет ничего решать, пока не поговорит с директором и с самой учительницей и не расскажет все как есть, предупредив об особенностях ребенка. Только если она встретит понимание и готовность помочь, можно будет начинать процесс перевода.

Мне стоило большого труда убедить Наталью не относиться враждебно ко всем учителям – теперь ей казалось, что Тимура будут травить всегда и везде. Было важно, чтобы она разговаривала с возможным будущим учителем сына не как с врагом, которого нужно одолеть или задобрить, а как с партнером, с которым вместе предстоит делать общее дело – реабилитировать ребенка. А Тимур, к сожалению, теперь нуждался в реабилитации – не только после детского дома, но и после опыта учебы в «хорошей» школе. Вскоре Наталья позвонила и рассказала, что, кажется, нашла подходящего учителя. Пожилая, спокойная, строгая, но вроде бы не злая. Выслушала Наталью внимательно, задала пару вопросов, потом сказала: «Ну, что ж, давайте попробуем, приводите вашего Тимура».

Наталья опасалась, что мальчик вообще не захочет больше идти в школу, но Анна Сергеевна – так звали новую учительницу – поступила очень просто. Она в каникулы позвонила им домой, попросила к телефону Тимура, представилась и пригласила его с новой четверти учиться в ее классе. Парень был настолько поражен этим персональным приглашением, что в последний день каникул безропотно собрал портфель, а на следующий день отправился в новую школу.

Для Натальи наступил период мучительного страха: она ждала, что «сейчас начнется». Но то, что начиналось, как-то сразу и заканчивалось. Когда Тимур по своему обыкновению не захотел вставать в строй, Анна Сергеевна сама взяла его за руку, а потом незаметно вложила ее в руку какой-то девочки, а сама отошла. Тимур пошел в строю. Когда он вспылел и попробовал дать волю кулакам, она взяла его за плечи и твердо сказала: «Теперь ты в нашем классе, а у нас тут дети не дерутся. И ты тоже не будешь». Тимур возмущенно дернул плечом, но драку прекратил. Вдруг оказалось, что Тимур очень хорошо рисует лошадей – Анна Сергеевна увидела рисунок в альбоме и предложила повесить на стенд в классе, рядом с другими детскими работами. Наталья с трудом заставила себя пойти на первое родительское собрание, но оказалось, что там не обсуждали, кто из детей плохо себя вел, а планировали весенние экскурсии и решали, как починить шкафчики в раздевалке. Кажется, начиналась нормальная жизнь.

У Тимура появились друзья, он стал ходить в секцию ушу, где учился владеть своим телом и своими эмоциями. Пытался пойти еще в

художественную школу, но оказалось, что ему нравится рисовать только лошадей, а кувшин с яблоком – не нравится, так что тут ничего не вышло. Зато к настоящим лошадям его иногда берут с собой студенческие друзья Натальи – они заядлые лошатники и не мыслят выходных без поездки верхом. Говорят, общение с лошадьми благотворно сказывается на здоровье, есть даже такой метод лечения – иппотерапия. Наверно, и правда помогает, по крайней мере у Тимура тик почти совсем прошел.

Наталья еще встречалась со мной пару раз, уже по конкретным вопросам – Тимур не очень-то любил делать уроки, боялся темноты. В общем, нормальные детские проблемы, такие и у родных детей встречаются сплошь и рядом. Тяжелых срывов больше не было, хотя, конечно, Тимур и дрался порой, и не слушался, и с мамой скандалил – но все это в пределах нормы.

Спустя два года, забирая сына из школы, Наталья вдруг увидела, как он бежит по коридору, а какой-то мальчишка постарше ставит ему подножку и кричит то самое слово, с которого когда-то все началось: «черно. пый». Она замерла. Но Тимур, хоть и споткнулся, удержал равновесие, повел своей красивой восточной бровью, бросил через плечо: «Придунок!» и радостно заулыбался навстречу маме.

Не скажу, что мне за них совсем спокойно. К сожалению, с нетерпимостью к непохожим, к другим в нашем обществе все обстоит довольно грустно. И у детей, и у взрослых. У Тимура впереди подростковый возраст, когда особо болезненно реагируют на отвержение. Анны Сергеевны на будущий год с ребятами не будет, к маме в 12–13 лет за помощью и подавно не обращаются. Но будем надеяться, он справится.

Сама виновата...

Насте было всего два года, когда ее мама попала в тюрьму за хранение наркотиков, и девочка оказалась в детском доме. Через несколько лет мама вышла на свободу, хотела вернуть дочь, но в органах опеки ей написали длинный список того, что она для этого должна сделать: ремонт в квартире, устроиться на работу, собрать множество справок... Не дойдя и до середины списка, Настина мама опять оказалась в тюрьме. А девочка росла на государственном попечении, переходя последовательно по цепочке: дом ребенка – дошкольный детский дом – интернат для детей-сирот 7-го вида. Родная мама за эти годы, видимо, совсем опустилась, судьбой ребенка не интересовалась, и надежды на то, что она сможет воспитывать Настю, не осталось. Девочке исполнилось девять лет, и ей нашли приемную семью – Настя отправилась жить к Елене с Виктором.

Настя была девчонкой очень симпатичной: живая, веселая, ладная фигурка, шапка пепельных кудрей, яркая улыбка. Но до тех пор, пока она не начинала говорить. Тут впечатление резко менялось: грубый голос, резкий тон, речь обильно сдобрена ругательствами. С другими детьми она тоже часто бывала грубой – могла ударить, обозвать, силой отнять то, что ей понадобилась, и не проявляла никакого сожаления, даже если обиженный горько плакал. Но Елену вначале это не испугало: она и сама была в детстве не сахар.

Начав жить в семье, Настя пошла в обычную школу, в обычный класс – коррекционного рядом не было. Учеба давалась ей с большим трудом, но девочке так нравилась новая жизнь и особенно новая мама, что ради Елены она готова была горы свернуть. Новая мама очень переживала из-за учебы, ведь ей казалось, что самое важное – дать ребенку приличное образование. Настя героически грызла гранит науки, пытаясь выбраться из сплошных «двоек» хотя бы на «тройки», а изредка получала и «четверки». Мешал очень узкий кругозор, бедный словарный запас, девочка не понимала половины слов в учебниках, будь то упражнение по русскому языку или рассказ о Москве. Не понимая, пыталась зубрить, злилась, швыряла учебник, но кое-как все же продвигалась. Если Елена могла посидеть с девочкой за уроками, дело шло гораздо веселее – она терпеливо объясняла Насте незнакомые слова, подбадривала, хвалила. Учительница относилась с пониманием, терпеливо, но сдержанно, поблажек не делала. К счастью, благодаря природной жизнерадостности Настя не слишком

расстраивалась из-за плохих оценок. Промучившись два часа над домашним заданием, она тут же стряхивала с себя все заботы и бежала гулять или болтала с Еленой на кухне, помогая ей готовить ужин.

Отношения с Виктором складывались труднее. Он был не против приемного ребенка, но и не очень хотел этого – у него самого были дети от первого брака и даже один внук, на приемную дочку он согласился, уступив уговорам Елены. В принципе его вполне устраивала жизнь вдвоем: Елена была хорошей хозяйкой, они много путешествовали, ездили к друзьям на дачу, вечерами смотрели фильмы. Теперь вечерами Елена была занята с Настей, к друзьям они не выбирались – Елене хотелось, чтобы девочка хоть немного пообвыкла, прежде чем выходить «в свет». Также удерживало от этого опасение, что ее ужасные манеры могут вызвать неприязнь. Виктор очень ценил порядок – когда они жили вдвоем, все вещи лежали на своих местах, в доме было чисто. Теперь повсюду валялись Настины заколки, фломастеры, а то и колготки. Например, Настя ела яблоко на диване, потом «на минутку» клала огрызок на журнальный столик и тут же забывала о нем, а Виктор, придя вечером с работы и направившись к любимому месту в гостиной, обнаруживал там свинарник. Он пытался девочку воспитывать, долго и подробно объясняя, что она сделала не так и как она должна себя вести. Настя, просто не понимая половину из того, что он говорит, кивала с виноватым видом, а после нотации лучезарно улыбалась. Виктор злился, говорил, что она «издевается», тогда Настя уже всерьез обижалась и огрызалась, порой довольно грубо. Но в присутствии Елены оба старались сдерживаться и просто поменьше общаться, все стычки происходили за ее спиной.

Прошло около двух лет. Настя сильно изменилась, выросла, стала более мягкой и контактной. Несмотря на напряженные отношения с Виктором, она отзывалась о нем хорошо и, казалось, вовсе не переживала из-за его скрытой неприязни – ей было вполне достаточно, что ее любит мама. Между тем к пятому классу ситуация в школе стала совсем тяжелой. Настя, которая еще как-то справлялась с учебой в начальной школе, при одной постоянной учительнице и небольшом количестве предметов, в пятом классе совсем растерялась. Кроме того, возросла сложность программы, а отставание у Насти было значительное, ее способности оставляли желать лучшего, она быстро достигла предела своих возможностей и явно перестала справляться с нагрузкой. И началось: она забывала записать задание, не успевала сделать уроки, начала халтурить, списывать, врать – то тетрадь дома забыла, то дневник потеряла, то болела. Раньше она ходила в школу, может, и не очень охотно, но без капризов, а

теперь по утрам упрашивала маму оставить ее дома, потому что у нее болит горло, живот, кашель и т. д. Елену бесило ее вранье, сама человек щепетильно честный, она просто терялась, когда ребенок врал ей в лицо, причем даже не смущаясь от того, что обман очевиден. Она пыталась поговорить с девочкой, объясняла, что лучше горькая правда, что она не будет ее ругать за «двойки», только пусть Настя не врет. Та обещала, но по-прежнему в сложных ситуациях обманывала и не краснела. Дело осложнялось тем, что в классе дважды менялся классный руководитель, и Елена даже не успевала с ним толком познакомиться, поэтому информацию приходилось получать только из дневника и из Настиных малодостоверных рассказов.

Кроме учебы, все остальное было в порядке. Настя очень привязалась к маме, охотно помогала по дому, они весело проводили вместе время, завели кошку и души в ней не чаяли. Елена даже начала подумывать о втором ребенке, они с Настей это обсуждали, и девочка обещала помогать.

Гром грянул в середине третьей четверти – Елену вызвали в школу, и классная руководительница рассказала, что Настя принесла в школу журнал с неприличными фотографиями и показывала его на перемене другим детям. Это заметила завуч и разразился грандиозный скандал. Елене сообщили, что их вызывают на педсовет. Расстроенная, она пошла домой. Настя на вопросы о том, где та взяла журнал и зачем потащила его в школу, сначала бурчала, что «нашла», «а что такого», «я не показывала, они сами смотрели», потом плакала и обещала, что больше не будет. Елена наказала ее, отняв мобильник и выключив компьютер, а вечером рассказала обо всем Виктору.

Она хотела посоветоваться, получить от него поддержку. Сама-то она считала, что в школе слишком уж раздули эту историю. Ну, кто из подростков не интересуется запрещенными темами? Отняли бы журнал, и все, зачем еще что-то обсуждать? Девчонка и так в школу неохотно ходит, а тут предстоит разбирательство на педсовете. Однако Виктор ее точку зрения не разделял. К изумлению Елены, он разразился длинной эмоциональной речью о том, что давно замечал, какая Настя «испорченная», «с гнильцой», что это сказываются гены ее матери, что Елена совсем потеряла голову, смотрит этой «соплячке» в рот, а та и рада этим пользоваться, что она совсем не дорожит семьей, раз такие фокусы себе позволяет, неблагодарная и т. д. В общем, они поссорились, как не ссорились еще ни разу за всю совместную жизнь.

Проплакав полночи, с тяжелым сердцем Елена отправилась в школу. Что говорилось на педсовете, она не очень-то запомнила, врезались в

память многократно повторенные фразы про «порочные наклонности», «у нас школа для нормальных детей», «испытательный срок». Домой они шли молча, у Елены не было сил вести воспитательные беседы, тем более она находилась под впечатлением от ссоры с Виктором, в ходе которой открылось его настоящее отношение к девочке. А Настя, для приличия немного погрузив, весело скакала по дорожке, потом попросила купить мороженое. В этот момент Елена впервые поймала себя на чувстве сильной неприязни к приемной дочке – ведь из-за нее пошатнулся такой прочный союз с мужем, из-за нее она, взрослая женщина, должна была краснеть и выслушивать проповеди о нравственности на педсовете, а Настя прыгает беззаботно и думает только об удовольствиях!

Через какое-то время отношения между Еленой и Виктором более-менее наладились, они снова могли разговаривать спокойно, но напряжение осталось. А Настя, казалось, ничего этого не чувствовала. Была по-прежнему жизнерадостна, ласкова, много болтала о своих девчачьих делах, радовалась новым заколочкам, возилась с кошкой. Как и прежде, любила приласкаться к Елене, с Виктором держалась вежливо, слушалась, хотя свои вещи, конечно, все равно раскидывала.

В школе все шло по-прежнему, равномерно плохо. У Елены был завал на работе, делать с Настей уроки не было ни сил, ни времени, только открывала, пересиливая себя, дневник, полный двоек и замечаний: «Примите меры! Проверяйте готовность ребенка к уроку! Научите ребенка вежливо разговаривать с окружающими! Объясните ребенку правила поведения на уроке!». Елена понятия не имела, какие она должна «принимать меры». Да и желания никакого не было опять услышать Настино: «А я что? Я ничего». Классная руководительница стала регулярно звонить домой и рассказывать о Настиных школьных делах, акцентируя внимание на сложностях: Настя невнимательна на уроках, постоянно болтает, не участвует в жизни класса, нагрубила учителю, сбежала с дежурства. Иногда она переходила на «доверительный» тон и рассказывала, что Настя слишком интересуется мальчиками, кокетничает, что ее поведение «вызывает опасение за ее будущее, вы же знаете, как это бывает у таких девочек». «Каких – таких?» – спросила Елена. «Ну, с определенными наклонностями». Елена не выдержала: «Да какие наклонности? Ей 11 лет!» – «А вы хотите дождаться пятнадцати, когда она по рукам пойдет?». Елена кое-как закончила разговор и с тоской подумала: за что ей все это? Ведь им так хорошо было с Настей, жизнь вошла в нормальную колею, они стали родными людьми. А теперь все летит в тар-тарары, и что делать, непонятно. Она брала ребенка, чтобы любить его,

чтобы радоваться ему, а получила одни унижения и проблемы.

На день рождения Виктора в гости пришли его сын и старшая дочь с мужем и ребенком. Из общего разговора Елена поняла, что Виктор жаловался дочери на Настю. Ведь за столом, как только Настя выходила из комнаты, та то и дело отпускала замечания о том, что Елена «себя не бережет», «в вашем возрасте ребенок – это так трудно, тем более не знаешь, какой будет результат», «тут со своим-то не знаешь, как сладить, а если чужой» и т. п. Обострять ситуацию не хотелось, поэтому Елена старалась перевести разговор на Виктора, его дела, но и он продолжал ту же тему: «Да какая тут жизнь, жена обо мне совсем забыла, не ходим вместе никуда». При этом Виктор с живым интересом расспрашивал дочь, зятя и сына об их делах, явно был в курсе всех обстоятельств, смеялся, шутил. Елена с болью подумала, что о Насе он не знает и половины того, что знает о своих детях, давно живущих отдельно. Засиделись допоздна, малыш заснул, поэтому вызвали такси.

Елена уже домыла посуду и собиралась ложиться спать, когда зазвонил телефон. Зять срывающимся от ярости голосом сообщил: когда такси довезло их до дома, оказалось, что ему нечем расплатиться – пропал бумажник. «Я вашу Настю видел в прихожей, когда курить выходил – она так и отпрыгнула от моего пальто! Это она взяла!». Елена пошла в комнату к девочке, та уже спала. Бумажник нашелся сразу же – Настя небрежно запихнула его в карман школьного рюкзака. Елена долго извинялась по телефону, потом выслушивала гневные речи Виктора, потом до утра не спала. Когда утром она сказала Насе: «Как ты могла? Они пришли к нам в гости, они родные люди», услышала в ответ: «Я не брала». Опять вранье, прямо в глаза! Это, видимо, и стало последней каплей. Елена почувствовала, что эта девочка, в сущности, абсолютно чужой человек, что все ее усилия пропали даром, у нее ничего не вышло, Настя ее не любит и никогда не любила, только пользовалась. Она прекратила разговор, отправила девочку в школу и взяла телефонную трубку – сообщить, что решила ребенка вернуть. Потом, не давая себе времени задуматься, стала собирать ее вещи. Вечером Настя была в детском доме.

Что происходит. Один из главных рисков при устройстве ребенка в семью – раскол в семье из-за разного отношения родителей к ребенку. Конечно, специалисты по семейному устройству еще «на берегу» стараются выяснить все, что возможно, о мотивах принятия ребенка, об отношении к этому шагу всех членов семьи. Но такие случаи, как у Елены с Виктором, встречаются. Муж, не отдавая себе отчета, насколько сильно изменится его жизнь с приходом приемного ребенка, вначале «не

возражает». Самому ему это не надо, поддерживать жену и активно общаться с ребенком он не собирается. Многим женщинам, как и Елене, кажется, что в этом нет ничего страшного – ведь многие отцы практически не принимают участия в воспитании детей, передавая все полномочия своим женам, и ничего.

Конечно, это не лучший вариант, но жить можно. Вот только такая конструкция выглядит прочной, лишь пока все в порядке. Как только возникают трудности, у матери наступает стресс, усталость, истощение, она ждет помощи – а получает отповедь примерно такого содержания: «Ты сама этого хотела, сама и разбирайся, и вообще я тебя предупреждал». Что, как легко догадаться, оптимизма и жизненных сил ей не прибавляет, а значит, проблемы ребенка еще больше усугубляются – ведь стресс матери сразу же передается ему. В конце концов неминуемо звучит сакраментальная фраза: «Или я, или он». Иногда ее произносит не супруг, а кто-то из старших детей (или родители). Тому, кто оказался на месте Елены, не позавидуешь. Любой выбор здесь оборачивается проигрышем: рушить сложившуюся семью ради нового ребенка – плохо, предать доверившееся тебе дитя – тоже ужасно. Какой бы выбор ни сделал человек, это всегда травма. К тому же те отношения, которые он выберет, никогда не станут прежними – они будут отравлены мыслью о потере, и эта боль найдет выход в раздражении, обиде, чувстве отчуждения.

Но вернемся к тому, что послужило началом конца этой истории – к проблемам Насти в школе. Для Елены с самого начала образование было сверхценной идеей, хотя ее предупреждали, что девочке с каждым годом будет все труднее учиться в общеобразовательной школе, у Насти не развито абстрактно-логическое мышление, и курсы физики, геометрии, химии ей окажутся не по плечу. Так и вышло. Вытянув начальную школу на трудовом энтузиазме, в средней Настя «застопорилась». В этот момент надо бы осознать, что происходит, и поискать другие формы обучения. Настя стала старше и могла бы ездить в какую-нибудь хорошую школу, где классы меньше и подход особый. Но этого сделано не было – частично из-за занятости Елены, частично из-за нежелания признать, что ребенку нужно особое обучение. Для Елены слова «коррекционная школа» звучали как приговор, означающий крушение всех ее усилий. За помощью она тоже не обращалась, все ждала, когда Настя «возьмется за ум», а девочка с каждым месяцем неудач все глубже погружалась в стресс, который способностей учиться не прибавлял. Ведь Настя очень дорожила хорошим отношением Елены, и знать, что она не оправдывает ожиданий мамы, было для нее сущей пыткой. Она не столько понимала, сколько чувствовала, что ее так

недавно обретенное счастье находится под угрозой, что в любой момент ей скажут: «Так вот ты, оказывается, какая!» – и все это закончится. Вот только ни сказать о своих чувствах, ни сделать что-то она не могла. Выкручивалась единственно доступным ей способом – врал и хитрила.

Тема детского вранья – почти постоянная в работе с приемными семьями. Дети врут неприкрыто, не смущаясь. Родители в отчаянии: «Я ведь его не бью, не ругаю, об одном прошу: скажи все, как есть. Нет, опять врет!». Здесь стоит вспомнить детский фильм про мальчика-робота Электроника. Когда он начал играть в хоккей, то никак не мог забить шайбу в ворота, потому что направлял ее к цели строго по прямой и, конечно, попадал прямо в клюшку вратаря. С точки зрения робота, он делал все абсолютно правильно, ведь движение по кратчайшей траектории – самый простой способ добиться цели. Это очень похоже на поведение детей, выросших в условиях казенного дома.

Семейный ребенок за годы жизни дома овладевает огромным количеством технологий, позволяющих добиться своего: получить конфету или избежать нагоняя. Он знает, когда нужно подлизаться, когда покапризничать, когда пожаловаться, знает, как нужно говорить с папой и как – с бабушкой. Вранье в этом смысле технология довольно грубая, топорная, несущая с собой большие издержки – вроде забивания шайбы по прямой. Поэтому в нормальной ситуации дети врут не очень часто, и только имея на то достаточно веские основания (например, из страха сурового наказания или боясь расстроить больную маму). В других случаях они решают проблемы с помощью технологий более тонких (признать свою вину и попросить прощения – это тоже одна их технологий, правда, сложная, но и очень эффективная). Ну, а если уж обычный ребенок в 11 лет врет, то старается сделать это максимально достоверно, чтобы комар носа не подточил.

Дети приемные не имеют столь обширного арсенала технологий, у них просто не было возможности ими овладеть. Когда над таким ребенком сгущаются тучи, он действует, как Электроник – решает проблему самым быстрым и коротким путем, а именно: утверждает, что ее нет вовсе. «Я этого не делал» – и все. Он не умеет управлять собой, сам иногда не понимает, почему выкинул тот или иной фортель, и ему кажется, что если достаточное количество раз повторить как заклинание: «Я этого не делал», то окажется, что действительно ничего такого не было и все опять хорошо. Если взрослый выражает недоверие к его словам, это означает только одно – магическое заклинание было произнесено недостаточное число раз и недостаточно убедительно. Поэтому повторяет с той же цифры, с еще

более честными глазами: «Я этого не делал!». Родитель, естественно, в ярости – ни стыда, ни совести, врет и не краснеет! Да как глупо, примитивно врет, даже не смущается, что ему не верят – совсем обнаглел. Но это не имеет отношения ни к наглости, ни к стыду, ни уж тем более к совести. Просто это – кратчайшая траектория. Придется приложить серьезные усилия, чтобы примитивная программа решения проблемы «я виноват, что делать?» сменилась у него программами более сложными и тонкими. Елена даже не пыталась научить Настю выходить из ситуации по-другому, она так расстраивалась, что вообще забывала, о чем шла речь изначально, и дальше уже отчитывала девочку за сам факт вранья.

Воровство – еще одна хитовая тема в работе с приемными семьями. И почти всегда это воровство совсем не в том смысле, которое вкладывает в это слово Уголовный кодекс – намеренное присвоение чужого имущества. Детское воровство (и тут нет особой разницы между детьми родными и приемными) почти всегда – некое послание окружающим или самому себе. Иногда это протест, иногда – месть, иногда – наивный способ восстановить справедливость («несправедливо, когда у одного есть, а у другого нет»). Часто воровство – это попытка справиться с навязчивой тревогой (так называемое невротическое воровство, на котором ловят периодически звезд кино и эстрады). Имея многомиллионные доходы, они зачем-то крадут в торговых центрах помаду или шоколад. На самом деле их привлекают не украденные вещи сами по себе, а минуты напряжения в процессе кражи и наступающее затем сладостное расслабление, эйфория, когда опасность миновала. Таким образом они пытаются отвлечься от постоянной тревоги.

Для ребенка иногда воровство – это способ на символическом уровне получить ту любовь, которой он лишен (заменяя ее купленными на украденные деньги конфетами). Пожалуй, единственный тип воровства, свойственный именно приемным детям, – воровство по неведению, просто от незнания законов собственности и отсутствия представлений о ценности вещей (помнится, одна восьмилетняя девочка в первую неделю жизни в семье вынесла во двор все мамины драгоценности – чтобы делать с подружками «секретики» в земле).

Что касается Насти, не надо быть психологом, чтобы понять мотивы ее поступка. Виктор восхищался успехами зятя, радовался, что тот хорошо зарабатывает, «приносит деньги в дом». Он говорил с ним и со своими детьми так, как никогда не говорил с Настей. Они были успешными в глазах родителей, она – нет. Реплики дочери Настя наверняка краем уха тоже слышала, а что при этом чувствовала, легко догадаться. Кроме того, Елена, не зная, чем воздействовать на Настю и как заставить ее хорошо

учиться, давно перестала класть деньги ей на телефон, ничего ей не покупала, а Настя очень ценила эти маленькие подарочки, которые позволяли ей чувствовать, что мама ее любит. Обида, желание отомстить, надежда утешиться с помощью сладостей и побрякушек, желание тоже стать успешной (то есть быть «с деньгами») – все это стало причиной спонтанного воровства, явно не обдуманного заранее, иначе бы она спрятала добычу получше.

А эпизод с журналом... Как выяснилось, Настя взяла его не где-нибудь, а с тумбочки у Виктора. И искренне не могла понять, почему когда он рассматривает картинки с красивыми девушками – это ничего, а когда они с одноклассниками – такой шум поднялся. То есть в 11 лет она уже имела представление о том, что это что-то запретное, но подобного резонанса, конечно, не ожидала и особого раскаяния не испытывала, поскольку не усматривала серьезного «состава преступления». Когда она рассказывала об этой истории, выходило так: она плохо сделала, что взяла журнал без спроса. Надо было просто спросить!

При ближайшем рассмотрении каждый Настин проступок оказывается не таким уж страшным. Не было в ней никакой особой «испорченности», просто накопившийся опыт неудач, длительный стресс и отставание в «социальном развитии». С каждой из этих проблем Елена, женщина добрая и умная, вполне могла бы справиться. Если бы не оказалась в полной изоляции, в положении «один против всех». Если бы близкие люди, окружение, в том числе в школе, не изводили ее замечаниями, претензиями, нереалистичными требованиями, если бы предложили помощь... Если бы – хоть раз – люди, окружавшие ее и ребенка, поддержали ее, похвалили за усилия, отметили бы положительные сдвиги, которые произошли в Насте... Вместо этого Елена слышала одну только критику.

Что можно сделать. Конечно, Елене следовало быть более активной в поиске помощи. Она могла бы раньше обратиться к психологу, социальному педагогу, найти для Насти репетитора, другую школу. На педсовет она должна была пригласить социального педагога, который имеет опыт общения с учителями и сумел бы, возможно, переломить их отношение и настроить на помощь ребенку. Она, наоборот, долго скрывала реальное положение дел от специалистов службы по семейному устройству, ей было неудобно признаться, что она не справляется, и на их вопросы отвечала «все хорошо» (а детям, значит, врать нельзя). Но сейчас нам важно подумать о том, чем мог бы помочь в данной ситуации учитель, даже если бы сама Елена, в силу своего характера, за помощью не обратилась.

- Во-первых, именно педагог мог лучше, чем кто-либо другой, осознать серьезность положения, понять, что Настя не успевает не потому, что ленится, а потому, что не справляется. И предложить маме варианты выхода из ситуации – не в форме обвинения («У нас школа для нормальных детей»), а так, чтобы их можно было рассмотреть без сопротивления. Дело-то происходило в Москве, где, слава Богу, есть немало вариантов, как помочь ребенку с особыми потребностями в учебе. Очень важно быть в курсе, какие школы есть в вашем районе, чем они интересны, в какой могли бы помочь конкретному ребенку. Согласитесь, есть большая разница между «Идите отсюда, здесь вам не место» и «Попробуйте пойти туда, там ребенку будет лучше».

- Никакой ребенок не может все время жить на пределе всех сил и возможностей, да еще и не получая никакого одобрения. Вам кажется странным хвалить за «тройки»? Но если эти «тройки» добыты ценой труда, за них обязательно надо хвалить, порой больше, чем за «пятерки» учеников, которые «на лету все схватывают». У ребенка с тяжелым прошлым обычно нет любознательности, любви к учению в чистом виде. Его интерес к знанию как таковому возникает ненадолго и гаснет, и если удастся его вызвать хоть на время – уже победа. А в основном он учится только ради одобрения взрослых, прежде всего – своих новых родителей и учителей. Обязательно хвалите его за усилия, особенно в присутствии родителей. Пишите и звоните им не только, когда есть проблемы – рассказывайте о его достижениях. Ребенок горы готов будет свернуть ради маминой и папиной радости.

- Когда ребенок врет, не пытайтесь ловить его, не акцентируйте внимание на форме, сосредоточьтесь на теме обсуждения. Просто пропустите ложь мимо ушей и вернитесь к «своим баранам»: «Ты не сделал домашнее задание, не важно, почему. Давай договоримся, что ты сдашь мне его не позже, чем завтра, иначе я поставлю два». Он должен уяснить, что проблема есть проблема, ее нужно решать в реальности, а не произнесением магических формул. Стыдить же за ложь можно только того, кто обманул ваше доверие, и только после того, как это доверие возникло. И в этом случае важно объяснить, что плохого в неправде: «Посмотри, ты сказал, что это Саша изрисовал парту. Я привыкла тебе верить и готова была поверить на этот раз, собиралась оставить Сашу после уроков все отмывать. Как ты считаешь, это было бы хорошо? Ты бы с легким сердцем пошел гулять, зная, что Саша драит парту, которую испачкал ты?».

- Помните, что даже ребенок, который часто врет, иногда говорит

правду. Если отмахиваться от любых его слов, можно легко упустить ситуацию, в которой ему действительно нужна помощь и даже, может быть, угрожает опасность.

- Не усиливайте стресс ребенка «последними предупреждениями», «испытательными сроками» и прочими ультиматумами. Ни один человек не сможет быть более эффективным, если все время напоминать ему, что он ходит по краю пропасти. Если что-то в поведении ребенка вас не устраивает, договоритесь вместе с ним о сроке, за который, по вашему мнению, реально изменить это поведение, и предложите свою помощь. Не говорите: «Исправься! Возьмись за ум! Прекрати это!», а сформулируйте конкретный и понятный ему альтернативный способ действия: «В следующий раз, если ты не успеешь записать домашнее задание на уроке, подойди ко мне на перемене, я тебе помогу» или «Я понимаю, что ты со мной не согласна, но скажи об этом вежливо».

- Если у ребенка серьезные проблемы с учебой, родители всегда испытывают стресс, особенно в нашем обществе с его отношением к академическому образованию как к главной цели воспитания детей. Например, древнему греку было бы очень странно, что мы убиваемся из-за неспособности ребенка к математике, но совершенно не расстраиваемся из-за его неумения делать сальто или сочинять стихи. А родители в XVIII веке не поняли бы, зачем девочке химия, если она абсолютно не умеет вышивать. Но в наше время многим «тройка» в четверти по математике представляется катастрофой и крушением будущего ребенка. Особенно уязвимы приемные родители, потому что они часто происходят из семей с высоким уровнем образования, а их приемные дети в силу либо врожденных способностей, либо задержки развития явно «не тянут». Общаясь с родителями, помните, что им действительно очень трудно. Им нужно ради любви к ребенку пережить разочарование, избавиться от каких-то своих иллюзий и стереотипов, измениться внутренне. Не добавляйте им в это время боли, вспомните, что жить и быть счастливым вполне возможно, даже не зная вашего любимого предмета. Обратите их внимание на другие положительные качества ребенка: общительность, готовность помочь, творческое начало, трудолюбие – все, что заметите.

Мы с коллегами потратили много сил, пытаясь разрешить ситуацию и восстановить семью. Беседовали с Еленой, даже приезжали к ним домой для разговора с Виктором (к нам он ехать наотрез отказался). Пытались объяснить, как все выглядело с точки зрения Насти, что заставило ее так поступить. Под конец Елена сказала: «Может быть, вы и правы, но теперь уже поздно. Я сломалась. Больше не могу так жить. Виктор сказал

категорически: или он, или Настя. А мне не пережить одновременно развода с ним и еще Настиных проблем. Я за последние полгода так вымоталась, так устала чувствовать себя виноватой, что сил нет уже ни на что».

Насте очень тяжело далось все это. Она по-прежнему любит Елену и еще долго, года два, надеялась, что та передумает и ее заберет. Одно время она очень старалась учиться и хорошо себя вести, наверное, рассчитывала, что это поможет, потом отчаялась и пошла вразнос. Всякое вытворяла, вплоть до попадания в детскую комнату милиции. Учиться перестала вовсе, начала курить. Потом все-таки немного успокоилась, смирилась с ситуацией. Правда, больше ни о какой семье слышать не хотела, сказала, что останется до совершеннолетия в детском доме. Однако несмотря на травму, полученную после возврата в детский дом, два с половиной года жизни в семье были очень полезными для девочки. Она смогла, хоть и с постоянной помощью репетиторов, продолжить учебу в обычной школе, стала более развитой, тонкой, гораздо глубже стала понимать себя, научилась себя обслуживать, и когда вырастет, сможет вести хозяйство.

Интересно, что никакой обиды на Елену у нее нет. Она регулярно звонит Елене, по-прежнему называет мамой, готовит ей подарки к праздникам, мечтает пойти в гости. По Настиным представлениям, с хорошей, доброй мамой, которая ее любила, ее разлучили злые люди. Что же, при всей наивности ее взгляда в этом объяснении есть немалая доля правды.

Шут гороховый

Валерка очень симпатичный парень. Все, кто общается с ним, невольно попадают под его обаяние. Нет, он совсем не пай-мальчик, может надерзить, вспылить, но... нравится, и все тут. Воспитатели прощают ему то, чего ни за что не простили бы другим детям. Потенциальные патронатные родители, лишь увидев его фото, заинтересованно спрашивают: «А это что за мальчик?». Журналисты на мероприятиях всегда хотят взять интервью именно у него.

Валера был усыновлен через год после того, как от него отказалась в роддоме кровная мать. Неизвестно, что происходило в семье этих усыновителей, но они очень быстро потеряли к ребенку интерес, «сбросили» его на бабушку, которая была уже немолода и тоже особого рвения его растить не испытывала. В общем, годам к четырем Валеру вернули. Он жил в разных детских домах, неизменно будучи любимцем воспитателей, пока в возрасте 10 лет не оказался в 19-м детском доме. Долго «на выданье» такой парень сидеть не мог, и довольно быстро отправился в новую семью.

Его патронатные воспитатели на него не жаловались, он был ласковым, если отлынивал от домашних дел, то как-то без вызова, особо не хулиганил, хотя частенько попадал в истории – то на него собака напала, еле убежал, то под лед на пруду провалился, то куда-то уехал с мальчишками на электричках, всех перепугал. Удивляли бурные сцены, которые Валера иногда закатывал, обидевшись на что-нибудь, или «выбивая» у родителей внеплановую покупку. Уж очень они не соответствовали возрасту и полу – Валере было уже 12, а он театрально рыдал, как пятилетняя девчонка. Но это случалось не очень часто, и была надежда, что скоро пройдет.

Стонали от Валеры учителя. Он неплохо учился, не дрался и не бил стекол, но каждый урок, на котором он присутствовал, плавно переходил в цирковое представление. Например, учитель начинает новую тему и вдруг замечает, что весь класс хихикает и вертится. «Что случилось?» – молчание, смешки, преходящие в хохот. Только минут через 10 выясняется, что Валера все это время стоял прямо за спиной у учителя на подоконнике за занавеской. В другой раз Валера явился на урок с картонной коробкой на голове – он изображал инопланетянина. На просьбу принять нормальный вид очень потешно притворялся, что ничего не понимает, говорил на

тарабарском языке и демонстрировал большую радость при встрече с землянами. Все это выглядело довольно мило, но урок-то опять сорван. И это не считая ежедневных заурядных фокусов вроде громкого икания, стука по парте ручкой, «остроумных» замечаний во время ответов других учеников. Если же вызывали самого Валеру, класс уже готов был смеяться в ответ на любое его слово. Учителя поостороже порой выгоняли парня из класса в самом начале урока, но администрация этого, естественно, не одобряла. Тем более что он вовсе не расстраивался, а придумывал что-нибудь еще, например кукарекал за дверью. На Валерку трудно было сердиться, но всему есть предел, а главное – не было ощущения, что его поведение меняется к лучшему. Он вроде бы искренне извиняется, умильно просит прощения, горячо обещает, что больше – ни за что, а потом – все снова.

С ним пытались разговаривать патронатные воспитатели. Валера сначала долго исполнял партию: «Я ничего не делал, это они сами смеялись», а потом начинал рыдать, приговаривая, что раз они верят им, а не ему, то нечего притворяться, что его любят, и пусть лучше отдадут в детский дом. И начинал собирать вещи, пытаясь уйти «в ночь, в темноту, одинокий и никому не нужный». Один раз он даже полез на подоконник, крича, что сейчас выпрыгнет. Тут у патронатной мамы сдали нервы, она стащила его вниз и хорошенько надавала по мягкому месту. Потом они вместе плакали, сидя на полу. После очередного скандала дня три бывало затишье, и – все сначала.

Однажды Валера, обиравшись, что его ругают, все-таки собрал вещи и ушел из семьи обратно в детский дом. Его патронатные воспитатели были в шоке, пытались поговорить с Валерой, но он категорически отказался возвращаться.

Что происходит. К сожалению, в данном случае можно говорить о настоящем истерическом расстройстве. Многократный опыт отвержения, годы, проведенные в ситуации эмоционального пренебрежения, а потом – в разных детских домах, выработали у него стойкое убеждение, что внимание взрослых даром не дается – его надо заслужить, выманить, выиграть. Вот парень и играет с утра и до вечера, вечно «на сцене, в огнях рамп». С годами у него развились артистизм, обаяние, умение очаровывать с первого взгляда, способность к каждому взрослому найти подход – тому искренне улыбнуться, этому пожаловаться на тяжелую судьбу, третьего поразить «взрослостью» суждений.

Общение с таким ребенком, поначалу столь легкое и приятное, со временем начинает выматывать, истощать силы. Ему нужно все ваше

внимание, много, бесконечно много внимания, и его никогда не бывает достаточно. Вы смотрите на него – но почему не все время? Вы говорите с ними – но почему не только с ним? Вы любите его – но почему не всегда им довольны? Такой ребенок может выглядеть избалованным, этакий «принц», «звезда», а на самом деле он глубоко, в самый центр своего существа ранен – он не верит, что его можно любить. Тот, кто избалован (допустим, единственный поздний ребенок обожающих его родителей), ведет себя иначе. Если у него все получается и он получает все, что хочет, он вполне рад и доволен. И только явный проигрыш, попадание в ситуацию «хуже других» его злит или сильно расстраивает – просто потому, что неумная любовь и излишняя забота родителей лишили его опыта преодоления неудач.

Ребенок, переживший отвержение самых близких, – особая история. Его потребность во внимании и признании ненасытаема, он почти никогда не бывает спокоен и доволен. По сути, он мечтает о том, чтобы судьба вернула ему долг – полное, всепоглощающее внимание матери к младенцу, которое «положено» каждому ребенку в начале жизни. «Почему и ты не хочешь любить меня так, как мать грудного младенца?» – с такой невысказанной претензией обращается он к каждому взрослому, которого встречает на пути. Если тот проявляет симпатию и готовность общаться, ребенок может буквально «вцепиться» в него, подталкиваемый ложной надеждой, что наконец-то его мечта сбудется. И всегда бывает обманут –

ведь никакой, даже самый добрый и преданный человек, не сможет относиться к большому парню как мать к грудному дитяте. Не может любить его всем существом, не предъявляя никаких требований, не ставя никаких условий, радуясь каждому прикосновению, каждому взгляду, отдавая себя всего в распоряжение этого ребенка – это невозможно и противостоестественно.

Есть замечательный американский фильм «Джиа», в основе которого лежит реальная биография девушки, незаурядной личности, прожившей короткую, яркую и совсем не счастливую жизнь. В фильме ее играет Анжелина Джоли, которая очень точно передает вечную лихорадку поиска материнской любви, поиска, всегда обреченного на провал. Хотя героиня фильма не сирота, но ее мать занята прежде всего собой. Ей льстят успехи дочери, но глубоко безразличны ее страдания и проблемы. Она временами изображает материнскую заботу, но полюбить своего ребенка как мать просто не в состоянии – видимо, в силу собственных психологических травм. А Джиа все пытается достичь невозможного, легко влюбляя в себя весь мир, и не в силах покорить только одно сердце – своей матери. Она вновь и вновь «попадает в истории» – это одна из особенностей детей и взрослых с подобной травмой, ее то и дело кто-то спасает, вытаскивает из передраг, пытается заставить поверить в себя. Эти люди готовы жертвовать ради нее своими интересами, деньгами, временем, другими привязанностями – ведь она так трогательна, так беззащитна, истинность ее душевной муки как магнитом притягивает добрые сердца. Много раз кажется: на этот раз все получится, она успокоится и начнет жить нормально. Но Джиа вновь срывается, не считаясь с чувствами очередного спасителя, буквально втапывая в грязь все его усилия и свою жизнь. Все заканчивается наркотиками и СПИДом. Способность притягивать к себе катастрофы, несчастья, угрожающие жизни болезни – отличительная черта подобного типа людей.

Конечно, не всегда они доходят до таких крайних степеней, как у Джиа. У Валеры еще есть время и шанс сойти с этой малоперспективной колеи. Возможно, в более взрослом возрасте он найдет в себе силы принять тот факт, что в жизни есть ситуации, когда наверстать упущенное невозможно – просто невозможно, и все, надо строить жизнь дальше, исходя из этого. Можно жить и быть счастливым, даже не получив от судьбы всего, что положено» – многим это удастся. Нужно когда-нибудь решиться «закрыть счет» судьбе, списать, наконец, этот долг, не пытаться получить его обратно.

Дело осложняется тем, что для такого шага нужен прочный тыл,

нужны новые привязанности, надежные отношения. А таким, как Джаи и Валера, трудно их создавать, ведь полюбить – очень страшно, вдруг опять отвергнут? Поэтому они часто рвут едва завязавшиеся отношения, чтобы потом не было больно, и вместо того, чтобы опереться на реально любящих их людей, продолжают свой бег за миражом. Единственный шанс изменить это – осознать, что любые близкие отношения – это риск, и принять решение на этот риск пойти.

Что можно сделать. Для начала помнить, что далеко не всякий классный балагур и весельчак – жертва отвержения, возможно, это просто будущий великий комик, и вам обеспечены на старости лет контрамарки в первом ряду. В той или иной мере стремление привлечь к себе внимание свойственно большинству детей с неблагополучным прошлым, ведь, как мы помним, второй пункт программы гласит: «добейся, чтобы тобой занимались – любыми способами». Ребенок, выросший в пренебрежении или в условиях учреждения, вынужден овладеть техниками привлечения внимания и обеспечивать себе необходимый минимум внимания окружающих. Но когда жизнь меняется к лучшему и ребенок получает достаточно заботы и любви в новой семье, эта манера поведения постепенно сходит на нет. Правильное поведение учителя тоже очень этому способствует.

- Многим детям помогает превентивное внимание. Если вы знаете, что в классе есть ребенок, который обязательно начнет «тянуть одеяло на себя», прямо в начале урока (объяснения новой темы, опроса) уделите ему минуту персонального пристального внимания. Спросите о чем-нибудь, похвалите за помощь, внешний вид, прошлые успехи, поинтересуйтесь его мнением, просто подойдите и постоит рядом, прикоснитесь, посмотрите в глаза. Это очень рентабельная трата времени, потому что в большинстве случаев этой минутной порции бывает достаточно, чтобы следующие 20 минут ребенок мог нормально работать и не портить вам нервы. Кроме того, он получает важный опыт, что внимание взрослого вовсе не обязательно «выцыганивать» – вы и так о нем помните и хорошо к нему относитесь.

- Иногда очень хорошо срабатывает «тайный уговор»: выберите момент и поговорите с ребенком о том, как вам мешают его постоянные выходы в класс, как вы от этого устаете и расстраиваетесь, что остальные дети могут чего-то недопонять, не разобраться. Обычно ребята такого типа вовсе не злые, они очень живо и сочувственно реагируют на ваши жалобы и искренне хотят исправить свое поведение – только не могут ничего с собой поделать. Договоритесь, что вы не будете против безобидных шуток, разряжающих обстановку в классе, но как только ученик начинает вам по-

настоящему мешать, вы подаете ему условный знак, смысл которого: «Остановись, это уже слишком!». Это может быть особый жест, взгляд, слово. Ребенку, нуждающемуся в особом внимании, очень важно и приятно, что он становится «избранным», доверенным лицом, хранителем секрета. Ваш условный знак (который займет у вас не более 5 секунд) для него есть та самая необходимая порция внимания, «доза», глоток воздуха, который позволит справиться с собой и вести себя приемлемо.

- Если сдерживающие усилия не помогают, постарайтесь, чтобы ваши «карательные меры» не подкрепляли истерическое поведение, а наказание не превращалось в театр одного актера. Можно до конца урока отсадить ученика на стул, стоящий так, чтобы остальные дети его не видели, можно задать дополнительное письменное задание – чтобы головы не мог поднять, в крайнем случае, можно взять за руку и вывести в коридор, а еще лучше – отвести в учительскую или к охраннику, и посадить в уголке. Важно избежать долгого спектакля: «Выйди из класса!» – «Нет, а что я сделал?», и так пять раз по кругу, поэтому лучше сразу молча вывести. Не уделяйте выходкам ребенка много внимания. Быстро, кратко, решительно, безэмоционально пресекайте безобразия, стараясь не прерывать ход урока – и все.

- Ни в коем случае не создавайте для такого «обаяшки» режим попустительства. Не нужно подкреплять его пагубную жизненную стратегию. Как бы высокохудожественно он ни раскаивался и как бы умильно ни улыбался, твердо гните свою линию: правила одни для всех, и тебе придется им следовать. К тебе я хорошо отношусь, но твое поведение терпеть не буду. Обсудите с руководством возможность его изоляции в виде крайней меры пресечения безобразий: пусть пару дней учится не в классе, а в гордом одиночестве, в уголке кабинета завуча, например. Позаботьтесь, чтобы заданий было достаточно по всем предметам и чтобы все они были проверены и оценены.

- Когда ученик ведет себя хорошо (или хотя бы приемлемо), обязательно найдите возможность посмотреть на него, улыбнуться, поговорить. Важно разрушить в его голове неправильную связь «паясничаю – получаю внимание, сижу смиренно – меня как будто бы нет» и заменить ее другой: «паясничаю – оказываюсь в изоляции, веду себя хорошо – получаю внимание и признательность».

- Даже если ребенок вам очень симпатичен, не пытайтесь стать для него родителем, не старайтесь всегда и во всем «войти в его положение», не поддерживайте в нем чувство «бедного сироты, имеющего право на особое отношение». Вам может показаться, что приемные родители недостаточно

его любят, не понимают, что к нему нужен другой подход, что они не дают ему того, что он хочет. Что ж, возможно, того, что он хочет, нет ни у вас, ни у них, ни у кого на свете. Попытка соответствовать его ожиданиям «идеальной любви» вас истощит, а ему не поможет. То, что ребенку на самом деле нужно, – ровное, доброжелательное внимание, терпимое, с юмором отношение к его «фокусам», твердость в построении границ, уважение к его личности без излишней трепетности и надрыва. Если травма не очень глубока, это позволит ему полностью выправиться еще в детстве. Если дело серьезно, по крайней мере у него будет задел на будущее, которым он сможет воспользоваться во взрослом возрасте.

Хотелось бы написать, что история Валеры закончилась хорошо, но это не совсем так. Он поменял не одну семью, каждый раз обрывая отношения, как только они начинали становиться по-настоящему близкими. Конечно, со временем он научился вести себя приемлемо, очень неплохо закончил школу и колледж – способностями он обделен не был. К сожалению, он по-прежнему часто «попадает в истории», порой весьма неприятные, у него целый букет хронических болезней, некоторые из них весьма опасны. Но все же у него есть друзья среди ровесников и взрослых (в том числе среди его бывших воспитателей и педагогов), он стал спокойнее, вполне может организовать свою жизнь, научился с юмором относиться к критике в свой адрес, давно прекратил закатывать истерики. Валера – очень неглупый парень, есть немало людей, готовых его поддержать, так что, надеюсь, его жизнь сложится удачно.

У меня никогда ничего не получится

Марина оказалась в детском доме после того, как умерла ее старенькая бабушка-опекун (мать Марина потеряла в раннем детстве, про отца ничего не известно). Выяснилось, что последние два года, как бабушка стала совсем слаба, Марина почти не ходила в школу и с ней никто не занимался. Она закончила четвертый класс, а в пятом не появилась – как раз летом бабушка слегла. Пару раз из школы позвонили домой, Марина подошла к телефону и сказала, что болеет. Разбираться в ситуации никто не стал. Когда ее потом спрашивали, почему она не ходила в школу, сначала долго отмалчивалась, а потом тихо сказала, что не хотела – ребята дразнили, а учительница ругала.

Нет, Марина не шлялась по улицам в сомнительных компаниях, не пила, не нюхала клей, она просто тихо сидела дома, как могла, обслуживала бабушку, смотрела телевизор. Так девочка провела два года. У них в квартире жила какая-то женщина, которая весь день была на работе. Она приносила продукты, иногда давала немного денег. Тогда Марина ходила в ближайший магазин за конфетами и жвачкой. В теплое время года она изредка выходила на улицу – в основном поздно вечером, когда было с кем оставить бабушку.

В общем, в 13 лет Марине надо было идти даже не в пятый, а во второй класс, потому что она почти все забыла. В детском доме с ней начал интенсивно заниматься педагог, и программу начальной школы они за несколько месяцев худо-бедно вспомнили. Способности у Марины были средние, занималась она без особого рвения, но и не отлынивала, послушно выполняя все, что задано. Вскоре для нее нашлась патронатная мама. Софья жила одна, взрослая дочь давно имела свою семью, а сил и времени было еще много и очень хотелось помочь ребенку. Правда, ее насторожила замкнутость Марины, но Софья решила попробовать.

Дома Марина была тихой, послушной, почти никогда не заговаривала первой и все норовила устроиться у телевизора. Софья долго билась, чтобы Марина начала проявлять хоть какое-то внимание к своей внешности – Марине ничего не стоило выйти на улицу непричесанной, без напоминаний она никогда не мылась, а из одежды предпочитала растянутые темные майки. Но если Софья настаивала – не перечила, делала что велели. Софья, сама женщина интересная, со вкусом, привыкшая ухаживать за собой, очень из-за этого переживала. Ей так хотелось купить девочке обновок,

подобрать красивую прическу, увидеть, как она радостно крутится перед зеркалом... Но пока Марина ходила по дому, как тень, оживлялась, только когда играла с собакой. «Собаку готова часами вычесывать, и миски ей моет, и гуляет – а на себя наплевать!» – удивлялась Софья.

Настоящие проблемы начались в сентябре, когда Марина пошла в школу. Девочка поступила в пятый класс, будучи на два года старше своих одноклассников, но само по себе это было не страшно – девочка невысокая, худенькая, и разница в возрасте в глаза не бросалась. Плохо было другое.

Во-первых, Марина оказалась совершенно не способна отвечать на уроке. Если учитель задавал ей вопрос – любой вопрос, даже какое сегодня число, – у нее в буквальном смысле пропадал голос. Она стояла, низко опустив голову, шевелила губами, но не могла издать ни звука. Иногда начинала молча плакать. На перемене, в коридоре она говорила, а в классе во время урока – никак. Кто-то из учителей раздражался, кто-то просто перестал ее вызывать. С Мариной пытался работать школьный психолог, но она под разными предлогами избегала встреч, а если не удавалось, отвечала односложно и на контакт не шла.

Второй проблемой оказался «ступор». Так учителя называли состояние, в которое впадала Марина, увидев перед собой задание, которое казалось ей трудным. Слегка измененная формулировка задачи, незнакомое слово, новая тема, сама по себе ситуация контрольной работы – и Марина впадала в ступор. Девочка сидела и смотрела в тетрадь или в учебник, но, похоже, ничего перед собой не видела. Она не делала попыток разобраться, спросить, попробовать. Просто сидела – и все. Ей пытались помочь, подсказать, подбодрить, прикрикнуть – все напрасно. Ступор был непробиваем. Если Марину оставляли в покое, она потихоньку «отмирала» и могла работать дальше – до следующего ступора. Педагогам было жаль ее, в первой четверти ей натянули «тройки», но постоянно так продолжаться не могло.

С домашними заданиями было еще трагичнее. Марина садилась за уроки, раскладывала тетради, решала один пример, другой, а задача с первой попытки не давалась. Посидев немного в ступоре, Марина начинала тихонько вытирать глаза, потом всхлипывать, потом горько плакать. Это явно не были «слезы напоказ» – Марина пыталась взять себя в руки, умывалась, пила воду, но стоило ей сесть за стол и увидеть тетрадь, как слезы снова текли. Когда Софья пыталась обнять девочку, Марина не отстранялась, но и не прижималась к ней. Раскачиваясь на стуле, она повторяла: «У меня все равно никогда ничего не получится, я не могу, я не понимаю, я не знаю». Софья, будучи человеком энергичным и

жизнерадостным, просто не понимала, что происходит. К концу первой четверти Софья сама готова была заплакать при одном слове «уроки».

Когда психолог, с которым Марина начала работать, на первой встрече попросила девочку нарисовать себя, в самом углу листа появилась маленькая невнятная фигурка, нарисованная простым карандашом. Цветные Марина проигнорировала.

Что происходит. История Марины иллюстрирует то, как ребенок переживает потерю. Это с нашей точки зрения ее жизнь с бабушкой была неправильной, для девочки же это был целый мир, который вполне ее устраивал. Ее любили, она была нужна и полезна, ей было чем заняться, она не голодала и не мерзла, ее никто не обижал – что еще ребенку для счастья надо? Без школы Марина прекрасно обходилась и могла бы обходиться дальше. Мыслей о будущем, о необходимости образования у ребенка, естественно, не возникало. Будь у нее немного другой характер, ей, наверное, не хватало бы общения со сверстниками. Но поскольку она девочка замкнутая, погруженная в себя, ей и одной было вполне комфортно.

И вот ее жизнь круто изменилась. Она потеряла не только любимую бабушку, заменявшую ей мать, но и родной дом, привычное окружение, налаженную по-своему жизнь, возможность делать то, что хочется. На нее обрушился шквал новых впечатлений: пришли чужие люди, ее куда-то повезли, там было много незнакомых детей и взрослых, все ее о чем-то спрашивали, чего-то от нее хотели, все охали и ужасались, что она не ходила в школу. Вполне возможно, у Марины сложилось впечатление, что ее забрали из дома именно из-за школы. Конечно, теплых чувств к учреждению под названием «школа» ей это не прибавило.

Дальше – больше. Появился новый человек – Софья. Хорошая, но чужая. Новая квартира, новый образ жизни, новые, совершенно непонятные для девочки требования: надо причесываться, мыться. И самое пугающее – новая школа. Даже обычный ребенок после долгого отсутствия в школе из-за болезни первые несколько дней ходит ошарашенный. Что же говорить о Марине, два года практически не выходившей из дома и вдруг попавшей в круговорот школьной жизни! Можно представить себе, в какой стресс ее вгоняет школа, шумная, многолюдная, где надо все время быть начеку, быстро соображать, куда-то вместе с классом идти, на какие-то неожиданные вопросы знать ответ. Неудивительно, что она защищалась, буквально отключая сознание и погружаясь в спасительный ступор, позволяющий не видеть, не слышать, не чувствовать, не бояться. Подобные способы защиты имеют свойство закрепляться, становиться привычными и

возникают даже тогда, когда в них вроде бы уже нет необходимости, и сам «подзащитный» не чаёт от них избавиться. Но не тут-то было! Эта защита, которая позволила уцелеть в экстремальной ситуации, начинает проявляться «на всякий случай» в любой момент, отдаленно напоминающий о пережитом стрессе. Если когда-то давно на Марину после ее неудачного ответа накричала учительница, то девочка будет молча давиться слезами, даже если учительница говорит с ней спокойно и хочет добра.

К сожалению, дело не только в пережитом стрессе и непривычной обстановке. Сниженная самооценка, неверие в свои силы – настоящий бич детей из детских домов, детей, потерявших семью. Потому что, как мы уже говорили, с точки зрения ребенка, он сам виноват в своей потере: если с ним случилось такое большое несчастье, если он так наказан судьбой, значит, было за что, значит, он плохой: «У хороших девочек мамы и бабушки не умирают», «Таких, как я, всегда бросают, потому что я не заслуживаю любви». Убеждение это настолько глубоко укореняется в сознании ребенка, что никакие успехи, ни даже мировая слава не могут его изменить. Иногда такое явление называют «синдром Мэрилин Монро». Как известно, из-за тяжелой болезни матери большую часть детства будущая кинозвезда провела в разных приютах, а потом всю жизнь прожила в уверенности, что ее невозможно любить, она не заслуживает счастья. Актриса покончила с собой в возрасте 36 лет. Ее красота, неотразимое обаяние и всемирная популярность нисколько ее не утешали – наоборот, ей казалось, что из-за внешности режиссеры не видят ее драматического таланта, а всеобщее обожание вызывало ужас разоблачения: вот-вот все догадаются, «какая я на самом деле». Так устроено сознание человека с подорванной верой в себя: он словно видит самого себя через черные очки, достоинства либо не замечаются, либо обесцениваются, либо воспринимаются «со знаком минус».

Многие приемные родители спустя годы после того, как ребенок пришел жить к ним в семью, признаются, что справились практически со всем: с дурными манерами, с отставанием в развитии, с хроническими болезнями. И лишь одно не удалось: преодолеть неверие ребенка в себя. Он может парадоксально реагировать на успех – не радостью, а слезами и страхом, может панически бояться экзаменов, вообще бояться привлечь к себе внимание, хоть чем-то выделиться. Может, наоборот, всюду лезть, все пробовать, легко воодушевляться, но при малейших признаках неудачи погружаться в глубины отчаяния. Нужны годы и годы, сознательные усилия уже повзрослевшего ребенка, и возможно, помощь психолога, чтобы вера в

себя закрепились глубоко в душе.

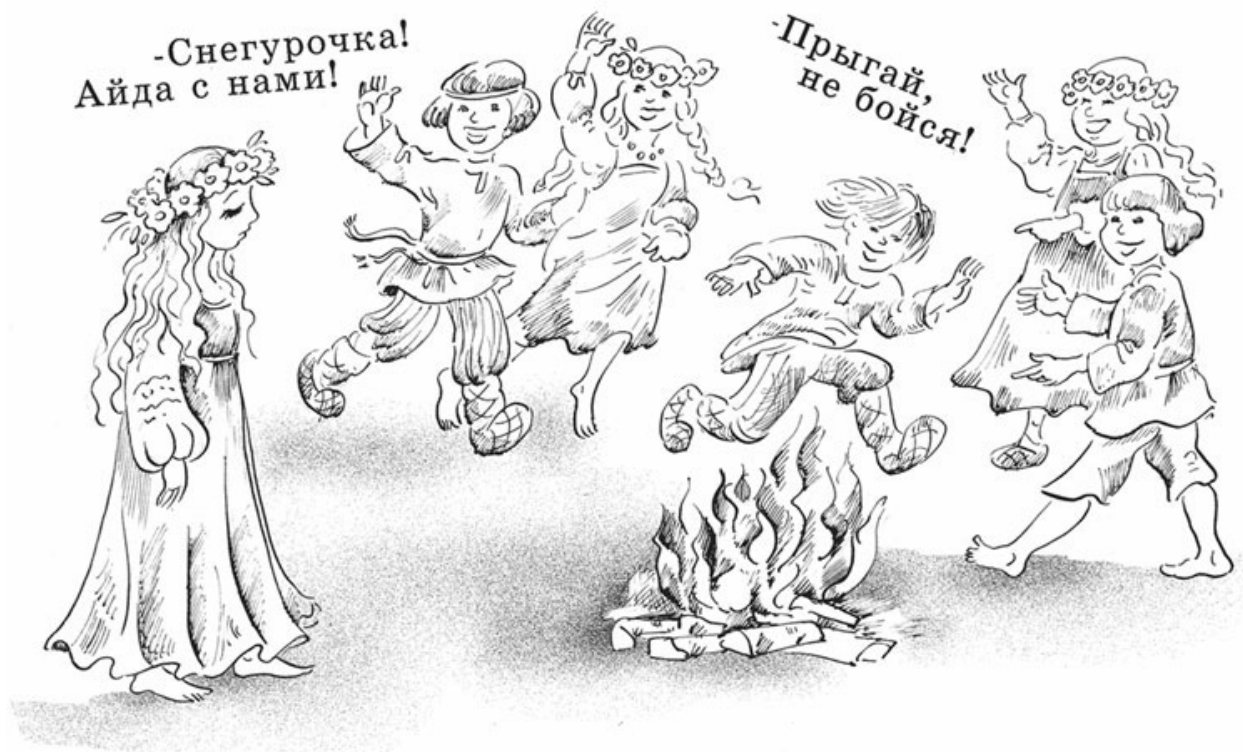
Неверие в себя и связанная с ним привычка пасовать перед трудностями может проявляться не только ступором и слезами, как у Марины, но и взрывами ярости, истериками, даже подъемом температуры или болью в животе. Самое грустное, что лобовые методы воздействия, которые первыми приходят в голову: объяснить, подтолкнуть, уговорить, заставить – только усугубляют дело. Как говорила одна девочка, младше Марины, но с хорошими способностями к самонаблюдению: «Когда я плачу из-за того, что у меня не получается, они (взрослые) начинают меня успокаивать. Тогда мне становится стыдно, что я плачу и их расстраиваю, но перестать я не могу, и мне становится совсем плохо, а слезы просто льются как водопад».

Что можно сделать. Главная беда Марины – ее потеря, и здесь вы ничего сделать не можете. Лечит время и перспектива хорошей жизни в будущем. Софья делала все, чтобы помочь девочке, была с ней рядом, помогала приспособиться к новым условиям, хотя, конечно, не всегда удерживалась от выражения недовольства и разочарования. В свое время, когда острая боль утихнет, ребенку может очень помочь работа с психологом.

- Учитель, другие значимые люди из окружения ребенка в такой ситуации должны прежде всего очень бережно к нему относиться. Сейчас не время для активных воспитательных усилий, и даже не время срочно догонять учебную программу. Душевных сил ребенка едва-едва хватает, чтобы как-то справляться с травмой и делать необходимые дела: поесть, умыться, сложить вещи. Многие взрослые, пережившие большую потерю, рассказывают, что первое время постоянно внутренне уговаривали себя: «просто сделай вдох-выдох», «просто возьми чашку и налей чаю», «просто встань и умойся». Ведь даже эти элементарные действия, необходимые, чтобы жить дальше, требовали сознательных усилий. Ребенку еще труднее справиться со стрессом, и ему будет легче, если на время переживания горя функцию управления его жизнью взрослые частично возьмут на себя. Можно посадить ребенка поближе к себе и тихонько, не привлекая внимания класса, давать ему инструкции, помогая сориентироваться: «Открой портфель и достань тетрадь по математике, у нас сейчас математика. Вот так, хорошо. Теперь пиши вместе со всеми: классная работа» и т. д. Это не нужно делать все время – только в начале урока и при переходе к новому виду работы, когда требуется перестроиться. Только кажется, что это требует больших затрат сил и времени, на самом деле превентивная помощь, опережающая ступор, экономит время и силы, ведь

потом не придется выяснять, что происходит, останавливаться, возвращаться, уговаривать, ругаться и все прочее.

- По возможности нужно оберегать ребенка, переживающего потерю, от сильных эмоциональных нагрузок. Если вы – его классный руководитель, предупредите своих коллег, особенно шумных и активных, что лучше на время воздержаться от энергичных педагогических воздействий. Но жалостливых взглядов и особых поблажек ему тоже не надо, тем более не стоит его тормозить и пытаться развеселить. Вообще лучше избегать ситуаций, когда ребенок окажется в центре пристального внимания класса или учителя. Если ребенок сильно ушибет коленку, вы же не станете требовать, чтобы его рана немедленно затянулась и перестала болеть («Ну, хватит грустить, улыбнись!»), не посадите его в инвалидную коляску («Ладно, можешь не писать сегодня контрольную») и уж точно не поставите на колени на горох («И вообще кончай нюни распускать! Тут с тобой никто нянчиться не будет, ты не дома!»). Вы просто закроете ссадину мягкой повязкой, чтобы она не инфицировалась и могла нормально зажить. Так же и с душевной раной. Важно быть рядом, где-то помочь, когда-то поберечь, но при этом оставить в покое.

- На поведение ребенка, вызванное сильным стрессом, не стоит обращать особого внимания. Если ребенок не может говорить громко, не

настаивайте (предложите написать ответ или ответить отдельно, после урока); плачет – не бросайтесь утешать и не стыдите (можно просто постоять рядом, продолжая вести урок, положить руку на спину); выбежал из класса – не бегите догонять (иногда стоит отправить вслед лучшего друга); залез под парту – сделайте вид, что не заметили (если это невозможно, спокойно скажите: «Мы будем рады, когда ты опять сможешь работать с нами»). Без внимания нельзя оставлять только акты самоагрессии, когда ребенок расцарапывает себе лицо, вырывает волосы, кусает руки, либо очень сильный неконтролируемый плач, иногда с ознобом и судорогами. В этом случае постарайтесь мягко, но твердо удержать ребенка, возможно, стоит отвести его к медсестре, чтобы он попил воды и успокоился, пригласить к нему школьного психолога. Сдержанно прокомментируйте классу происшествие: «Иногда такое происходит с детьми, это скоро пройдет».

- Подскажите ребенку способы, как обойти «застывшую» защиту и избежать ступора. Можно дать себе время «понесообразать» в начале контрольной, чтобы потом приняться за работу. Можно начинать всегда с самого легкого: например, переписать условие задачи, а подумать потом. Можно отвлечься на минутку на что-то совсем постороннее, например нарисовать маленькую картинку. Что-то из этого обязательно сработает, а главное – сам процесс поиска вариантов поведения приводит ребенка к мысли, что он – хозяин своего состояния, а не жертва, и обязательно научиться с ним справляться.

- Часто говорят, что детей надо побольше хвалить. Это правда, но если вы имеете дело с ребенком с заниженной самооценкой, хвалить его надо правильно. Абстрактная похвала, тем более преувеличенная, только расстраивает его и усиливает страх разоблачения. Поэтому хвалите всегда, когда можно, но очень спокойно, по-деловому, и конкретно. Не просто «Ты молодец, умница!», а «Мне нравится, что ты очень полно записал решение задачи», «Я заметила, что на этой неделе ты всегда был готов к уроку и все домашние задания успевал делать, ты молодец!», «Ты мне очень помог сегодня, когда принес карты, спасибо!».

- Очень важно научить ребенка толковать свои особенности как достоинства, а не как недостатки, находить во всем позитивное начало. Лучше всего показать, как это делается: «Ты работаешь медленно, зато очень внимательно и редко ошибаешься. Это очень ценное качество для многих профессий», «Я знаю, тебе трудно учить стихи, но зато когда ты выучишь, ты читаешь очень выразительно», «У тебя не так много друзей в классе, зато я вижу, что с Наташей у вас настоящая дружба, а это очень

ценно». Если отношения с ребенком доверительные, можно рассказать о себе: «У меня в школе тоже был плохой почерк, но из-за этого я одна из первых научилась работать на компьютере и потом учила всех друзей».

Прошло полгода, прежде чем Марина начала понемногу восстанавливаться. На новогодний праздник она согласилась надеть красивое платье, привезенное в подарок дочерью Софьи. Очень смущалась, но улыбалась и даже несколько раз подходила к зеркалу. Конечно, ее зажатость не исчезла, она до сих пор держится скованно, не умеет кокетничать и одевается неярко, но в целом выглядит вполне симпатично. Просто сдержанная девушка, немного застенчивая, каких немало.

В школе все налаживалось довольно медленно. Учительница русского языка и литературы придумала такой ход: когда она спрашивала Марину, та отвечала тихонечко себе под нос, а ее соседка по парте повторяла вслух. Поскольку учитель при этом имел совершенно невозмутимый вид и как ни в чем ни бывало принимал ответ Марины, скоро и в классе это стали воспринимать как обычное дело. К концу года Марина могла отвечать сама, если учитель стоял неподалеку, а еще через год ее немота на уроках русского прошла совсем, и она даже иногда выкрикивала ответ с места. Другие учителя предпочитали получать от Марины письменные ответы, кто-то продолжал на девочку сердиться, кто-то махнул на нее рукой. Но даже на их уроках к седьмому классу Марина держалась более спокойно, хотя замкнутость и застенчивость остались.

Свой ступор Марина научилась переживать. Посидев минут пять, она пробовала начать все сначала, и очень часто у нее получалось. Конечно, она обычно не успевала решить все задания на контрольной, но твердая «тройка» у нее была всегда, а нередко и «четверка». Зато если время задания было не ограничено, Марина готова была выполнять его часами, проявляя невероятную усидчивость и трудолюбие. В результате в ее аттестате за девятый класс остались лишь пара «троек» по химии и геометрии, а по литературе была «пятерка».

У нее появилась одна, но очень близкая подруга (та, которая «переводила» вслух ее ответы), они много времени проводят вместе. С Софьей у Марины сложились очень теплые отношения, они хорошо понимают друг друга, и хотя они очень разные, сильно привязаны друг к другу. Три года назад Марина очень тяжело переживала, когда умерла от старости собака, к ней вернулись было и слезы, и депрессивное состояние. Снова была работа с психологом, довольно длительная, речь шла не только о собаке, но и о Марининой бабушке, о маме, о том, как сложилась ее судьба и что делать дальше. Чувствуя за спиной тыл в лице Софьи, Марина

наконец смогла работать со своими прошлыми потерями. Прежде любые усилия психолога в этом направлении оказывались безрезультатными.

Сейчас Марине 18 лет, она учится в колледже. Хочет работать с маленькими детьми, и у нее наверняка получится – она очень терпеливая, ответственная, любит заботиться о других, делает потрясающие поделки. Ее будущим воспитанникам очень повезет.

Теперь, когда вы близко знакомы с героями этих историй, проведите мысленный эксперимент: поменяйте местами учительницу Севы и первую учительницу Тимура, классного руководителя Насти и преподавателя по русскому Марины. Что было бы тогда? Какая семья выдержала бы испытание на прочность, а какая – нет? Какой ребенок получил бы шанс выправиться, восстановиться, а какой – заработал бы еще большую травму? Нет смысла гадать. Есть смысл осознать, как много зависит в судьбе ребенка от каждого значимого взрослого, и уж тем более – от учителя.

Впрочем, от осознания своей ответственности становится только страшнее и непонятнее: что же делать, если такие Настя или Сева завтра собственной персоной явятся к вам на урок? Давайте попробуем суммировать все, что узнали, и сделать практические выводы.

Переходим к делу

Поведение «плохое» или «трудное»?

Те виды поведения детей, которые расстраивают, обескураживают, сердят взрослых, в психологии и педагогике принято называть «трудным поведением». Почему «трудным», а не «плохим»? Потому что при ближайшем рассмотрении каждого конкретного случая выясняется, что ребенок вовсе не хочет ничего плохого. Он, как и всякий нормальный человек, хочет:

- хорошо себя чувствовать (не испытывать страданий);
- быть успешным (в учебе, в спорте, во внеклассных делах);
- быть принятым, нравиться (своим родителям, сверстникам, учителям);
- быть уверенным, что приемные родители от него не откажутся;
- быть услышанным и понятым, общаться, дружить, получать внимание;
- быть нужным, чувствовать свою принадлежность к семье, классу, знать свое место в них, понимать, кто здесь главный и где границы дозволенного.

Ребенок, который растет в любящей семье, с каждым годом узнает все больше и больше хороших и разных способов, как все вышеозначенное получить. В этом ему помогают родители, друзья, книги, фильмы, собственные размышления. Но если по той или иной причине (не обязательно в случае потери семьи, это и с семейными детьми бывает) ребенок не научился «хорошим», приемлемым, эффективным способам удовлетворения своих потребностей в принятии и успешности, он прибегает к любым другим, что и выглядит как «плохое» поведение.

Вот как это представляется с точки зрения ребенка. Если я не могу (или думаю, что не могу) **на самом деле** получать оценки, за которые мама меня похвалит («хороший» способ получить принятие), то я сокру, сотру плохую оценку, «потеряю» дневник («плохой» способ добиться того же). Моей целью вовсе не является ложь и нарушение одной из десяти заповедей. Цель – чтобы меня не ругали (на расстраивались, не сравнивали с другими, не разлюбили – нужное подчеркнуть). Ведь, получив «двойку», сказать маме, что «меня не спрашивали», очень просто и, на первый взгляд, действительно! При этом доводы взрослых о том, что ложь безнравственна, она подрывает доверие и т. п., мне совершенно непонятны, я ведь пока представления не имею о том, что такое доверие или нравственность. А

потом – неизбежно – меня начинают разоблачать. Я вру, а они не верят. Видимо, плохо вру, неубедительно. Я начинаю врать упорнее и изощреннее – вдруг моя настойчивость будет все-таки вознаграждена? Если и это не помогает, я устаю и ухожу в глубокую «отрицаловку», повторяя как попугай: «Я не знал, я не видел, я не брал», или просто молчу. Допустим, я и захотел бы перестать врать. Но что я должен делать **вместо этого**? Я не знаю и не умею.

Или, например, когда у меня не получается построить отношения с одноклассниками и заслужить их признание, я украду деньги, накуплю конфет и «куплю» их симпатию хотя бы на один день. Хочу ли я на самом деле цинично подменить подлинную дружбу суррогатными отношениями, купленными за сладости? Конечно, нет! Но я не знаю других способов им понравиться. «Хорошие» технологии – быть интересным, открытым, уметь общаться – требуют определенного уровня развития, эмоционального состояния, большого запаса энергии, глубинного внутреннего благополучия и уверенности в себе. А у меня всего этого нет и взять вот так сразу нигде, а дружить-то хочется прямо сейчас! Хорошо, если умный взрослый догадается и сам купит мне конфеты или наклейки, чтобы облегчить первый контакт с ребятами. Пусть это даст хотя бы видимость приятельских отношений, некий шанс на них в будущем, а там, глядишь, с кем-то сложится и настоящая дружба. Но как быть, если взрослый придет от этой идеи в ужас и начнет рассуждать о том, что «дружбу не покупают»? Или начнет пугать, что «тобой тогда все всегда будут пользоваться»? А может, отношения с ним такие, что я вообще не решусь ему рассказать о трудностях с ребятами... Значит, мне остается только украсть деньги.

Любое «трудное» поведение трудно прежде всего для взрослых. С точки зрения ребенка это, напротив, поведение самое «легкое», движение к цели по кратчайшей траектории. Добиться без драки, чтобы тебя перестали дразнить, – очень тонкая и сложная технология, доступная не всем взрослым. «Дать посильней, чтобы знали» – это просто, это лежит на поверхности, отработано до автоматизма еще далекими предками.

При этом даже самое ужасное поведение по сути не направлено «против» кого-то, оно всегда «за» ребенка, хотя порой это «за» достигается весьма экстравагантными и малоприятными для окружающих способами. Вспоминается случай с приемным девятилетним мальчиком, который примерно через полгода жизни в семье... накакал прямо на ковер посреди комнаты. Родители в ужасе бросились к психиатру – налицо явная патология! Поговорив с ребенком, я выяснила вот что. Мальчик долго мечтал о семье, и наконец его взяли. Мечта сбылась, и первые два месяца

после детского дома он провел на даче, где мама общалась с ним целыми днями, а папа играл в футбол, они вместе делали змея. Ребенок был счастлив. Но наступила осень, все переехали в город, родители стали много работать. Приходя вечером домой, они часами сидели перед телевизором и с мальчиком почти не общались, только спрашивали, какие отметки получил, и делали замечания, если он мешал им отдыхать. Он приставал к родителям, ныл, дергал, звал – и только еще больше их злил. Они досадливо отмахивались: «Иди поиграй. Займись чем-нибудь. Ну, что ты лезешь, лучше уроки повтори». А он не хотел играть в одиночестве и уж точно не мог самостоятельно повторять уроки. В результате куча появилась ровно на траектории их взглядов, обращенных от дивана к телевизору. Чтобы уж наверняка заметили. Станный способ? Да. Зато сработало. «Хороших» способов привлечь их внимание (приласкаться, договориться, внятно рассказать о своих чувствах) в распоряжении ребенка, всю жизнь прожившего в казенном доме, просто не было. И психиатрия тут ни при чем.

Даже если нам кажется, что единственная цель ребенка – довести нас до белого каления, это, скорее всего, не так. Просто потому что наше «белое каление» само по себе ему совершенно ни к чему. Возможно, он хочет, как Сева, проверить серьезность намерений взрослых и убедиться, что «даже такого» его не бросят. Возможно, он хочет, как Валера, всегда быть главным в отношениях и тем самым обеспечить собственную безопасность. Возможно, он хочет таким образом определить границы дозволенного (в этой семье или в этом классе), потому что границы – важнейшая характеристика любой группы, знать их – значит «быть своим». Возможно, так он выплескивает свою обиду и злость на кого-то другого (помните, как от гнева Тимура пострадал ни в чем не повинный охранник, да и Сева явно срывал на новых родителях свою злость на прежнего воспитателя), и это помогает ему не погрузиться в пучину отчаяния и депрессии. Такое бывает с детьми, пережившими жестокое обращение, отвержение или предательство близких. Пока ребенок злится и мстит, он в тонусе, он может жить и действовать, а если перестанет, то останется наедине со своей болью (как и произошло с Тимуром, который тяжело заболел; и он еще легко отделался: известны случаи, когда ребенок в подобной ситуации заболел, например, острым лейкозом и сгорал за считанные недели).

В общем, ребенку, особенно с непростой судьбой, есть чем заняться в жизни, кроме как специально доводить взрослых. Ему надо как-то наверстать упущенное, научиться справляться с тревогой и болью,

приспособиться к новой жизни. И все, что он делает, в конечном итоге преследует именно эти цели.

Проблема в том, что в силу обстоятельств набор его технологий по достижению этих целей очень скуден. При этом «плохие» технологии, которые в свое время успешно выполняли функцию защиты, имеют обыкновение «присыхать», как повязка к ране, и продолжают использоваться, даже если в них нет необходимости и ситуация стала благополучной. Ребенок не может просто отказаться от наработанных «плохих» технологий, и требования взрослых «прекратить немедленно» бессмысленны, если они при этом не предлагают ему взамен другие, более эффективные способы решения проблем. Ругая ребенка, демонстрируя ему свое неудовольствие, мы лишь заставляем его сильнее цепляться за привычные способы защиты и тем самым закрепляем столь нелюбимое нами трудное поведение.

Итак, сделаем несколько важных выводов.

1. То или иное поведение ребенка имеет конкретные причины, а его цель при этом – приспособиться к ситуации, в которой он оказался, и удовлетворить свои важнейшие потребности, чтобы жить и развиваться дальше.

2. Трудное поведение – это использование для достижения своих целей неверных технологий. «Плохие» технологии – это всегда простые, прямолинейные решения, которые кажутся ребенку самыми действенными и первыми приходят в голову.

3. «Плохие» технологии устойчивы еще и потому, что взрослые часто подкрепляют их своими реакциями. Любое недовольство, отвержение, подчеркивание неуспешности ребенка только усиливают его тревогу и заставляют сильнее цепляться за привычные формы поведения.

4. Ребенок не может отказаться от «плохих» технологий, пока не получит взамен другие – «хорошие». При этом у него нет в распоряжении нескольких лет, чтобы «хорошие» технологии естественно и постепенно сменили «плохие». Ему нужен «ускоренный курс обучения» и помощь взрослых.

5. Чтобы проделать огромную внутреннюю работу по замене одних способов поведения на другие, ребенку нужно много душевных сил и вера в себя. Ребенок сможет измениться к лучшему только в атмосфере поддержки, симпатии, принятия, заботы.

В чем причина?

Действительно, любая форма трудного поведения имеет свою причину. Ведь почему-то ребенок ведет себя именно так, а не иначе. На примере героев наших историй мы убедились, что причины эти могут быть неочевидными и даже совершенно удивительными для постороннего наблюдателя. Так как же быть? Ведь к каждому ребенку не дается подробная сопроводительная бумага с описанием его прошлого, комментариями психологов и объяснением поступков. Учитель ведь может ничего не знать ни о его прошлом, ни о нынешней семейной ситуации. Да и вообще быть не в курсе, что ребенок – приемный.

Кроме того, как было видно из историй детей, один и тот же тип трудного поведения может быть вызван разными причинами (сравните истерики Севы и Валеры, трудности с учебой Марины и Насти), и наоборот: в сходных тяжелых жизненных ситуациях дети выбирают разные способы поведения – в зависимости от характера, темперамента, опыта, стечения обстоятельств (представьте себе, например, Марину на месте Тимура), а значит, у них закрепляются разные виды трудного поведения. Поди разберись!

Вы, наверное, удивитесь тому, что я скажу сейчас, после того, как очень старалась объяснить вам истинные мотивы поведения детей. На самом деле для того, чтобы помочь конкретному ребенку, изменить к лучшему его поведение и ваши с ним отношения, **не нужно** ничего знать о его прошлом. Иметь представление о возможных причинах трудного поведения детей полезно на самом деле не столько для них, сколько для вас. Прежде всего для того, чтобы не сползти на позицию обвинения ребенка или его родителей («совсем обнаглел», «избаловали» и т. п.), и для того, чтобы понимать: ты не просто добиваешься от Вани или Лизы приемлемого поведения, а помогаешь ребенку начать новую жизнь. Это же вдохновляет!

Для решения же практических задач требуется знать не столько истоки трудного поведения, сколько его **цель**. Нужно уметь находить ответ на вопрос: о чем оно говорит? О потребности во внимании? О стремлении настоять на своем? О запредельном стрессе? Ребенок украл деньги – зачем? Чтобы восстановить «справедливость», как он ее понимает? Чтобы отомстить? Или проверить, не вернут ли его в детский дом? Хотел заменить сладостями недополученную любовь? Именно это важно понимать, потому

что бороться с проявлениями трудного поведения, не осознавая его цели, все равно что лечить симптомы болезни, не зная диагноза^[7].

А распознать цель трудного поведения можно только путем пристального наблюдения. Для начала: что вы можете сказать об этом ребенке? Ответ: «Петя совершенно невыносим» – не подходит. Во-первых, он говорит о вас и о вашем состоянии, а вовсе не о поведении Пети. Во-вторых, он не содержит никакой полезной информации. Попробуйте сформулировать: что именно делает Петя? В каких обстоятельствах? Может быть, он плохо себя ведет только в определенные моменты (на некоторых уроках, в присутствии конкретных одноклассников и т. п.)? Как он реагирует на попытки изменить его поведение?

Допустим, ученик не выполняет задание на уроке или контрольной. Но это слишком общее описание. А если конкретнее? Вспомним, как Марина впадала в ступор, когда задача казалась ей слишком трудной или незнакомой; а если учитель проявлял к ней внимание и пытался помочь, она начинала плакать. Когда же ее оставляли в покое, ступор постепенно проходил. А вот Маша не приступит к выполнению задания, пока учитель не подойдет к ней и не спросит, что случилось. Девочка жалуется, что не поняла условие (не знает, как решать, забыла дома ручку и т. п.) и, получив разъяснения или помощь учителя, с довольным видом начинает работать. Еще вариант: Катя на вопрос учителя, почему она не решает задачу, с вызовом отвечает, что ничего не понимает, никогда не поймет и вообще математика – это не для нее. Подробного описания ситуаций достаточно, чтобы понять: цель Марины – преодолеть сильнейший стресс, цель Маши – получить внимание, цель Кати – настоять на своем и одержать верх. Следовательно, становится понятно, что можно сделать, а чего ни в коем случае делать нельзя (ясно, что нельзя Марину стыдить, а Катю начать уговаривать и доказывать ей важность математики).

Точность в интерпретации поведения детей появляется с опытом, и еще здесь может помочь анализ своих собственных чувств. У всех нас есть дар сопереживания, общаясь друг с другом, мы интуитивно ловим эмоциональную волну собеседника, и у нас возникает чувство либо сходное, либо дополнительное, ответное. Что, например, мы чувствуем, когда на нас нападают? Злость или страх, желание дать отпор или убежать. Если во время выходки ученика вам хочется «размазать его по стенке» или самому выбежать из класса и хлопнуть дверью, значит, его цель – бросить вам вызов, установить, кто здесь главный. Если чувствуете острую обиду, значит, возможно, ребенок мстит, и скорее всего, не вам, а в вашем лице кому-то другому. Если ваше основное чувство от общения с ним –

безнадежность, отчаяние, изнеможение, видимо, вас «заразил» ребенок, переживающий сильный стресс и с ним не справляющийся.

«А что, если в своей интерпретации я ошибусь?» – подумают многие. Да ничего. Ошибка сразу станет видна, поскольку вы получите в ответ на свои педагогические усилия вовсе не ту реакцию, которой ожидали. Учительница Марины сначала пыталась уделять ей внимание, подбодрить (как если бы Марина была Машей), и стало только хуже. Тогда она поняла, что нужно вести себя иначе. В принципе целей, которых добивается ребенок своим поведением, конечное число (основные мы перечислили в начале этой главы), так что если не с первой, то со второй или третьей попытки вы попадете «в яблочко». Есть только один способ никогда не справиться с этой задачей – повторять, что «он просто испорченный мальчишка» или «она совершенно распустилась».

«Плохое» – или не по возрасту?

Нет поведения объективно «плохого». Пинать и кусать одноклассника – плохо, делать то же самое с насильником, пытающимся утащить тебя в кусты, – хорошо и правильно. Предаваться мечтам, когда едешь в поезде, – хорошо, делать то же самое на уроке во время объяснения новой темы – неправильно. Технология достижения цели воспринимается нами как «плохая», если она является слишком примитивной, грубой, неэффективной, не соответствует данной ситуации или возрасту ребенка.

Возраст ребенка с тяжелым прошлым вообще бывает непросто определить. Ты знаешь, что ему 12 лет, и выглядит он на 12, а начинаешь с ним общаться и понимаешь: по кругозору ему только 8, по умению общаться – 10, а по способности справляться со своими эмоциями – дай Бог, чтобы 5. Зато по осведомленности о теневых сторонах жизни может быть все 40 (если ребенок, например, бродяжничал). Эти диспропорции развития и составляют одну из главных трудностей в воспитании и обучении детей, переживших психологическую травму. Боль от травмы как бы оттягивает на себя душевные силы, которые должны были быть направлены на развитие, и в результате какие-то части личности «замирают» в том возрасте, когда ребенок пережил потерю или насилие.

Психолог Эрик Берн сравнивал развитие человека с выстраиванием столбика из монет. Когда вы кладете аккуратно одну монету на другую, получается ровная башенка. Но если, скажем, пятая монета снизу по какой-то причине легла неровно, сдвинулась, вам будет очень сложно нарастить столбик. Как бы вы ни старались все последующие монеты класть идеально ровно, башня накренится и в конце концов рухнет. Единственный способ исправить дело – вернуться к «той самой» монете и поправить ее.

На практике это выглядит так: в определенных ситуациях ребенок словно «проваливается» в более ранний возраст. И чтобы он вас услышал и понял в этот момент, это нужно учитывать. Если, общаясь с ребенком, вы чувствуете, что ему сейчас вовсе не его законных 13 лет, а только 5, – исходите из того, что вы говорите с пятилетним. Подбирайте слова, объясняйте, предлагайте помощь так, как вы бы это делали с маленьким. Этим вы не закрепите его инфантилизм, а напротив, дадите ему возможность почувствовать себя в этом возрасте так, как и должен чувствовать себя ребенок: защищенным и любимым. А значит, дадите возможность немного «подрасти» в благоприятных условиях. Прошло

несколько минут, ситуация изменилась – и перед вами снова ершистый подросток, с которым следует общаться соответственно.

Яркий пример «плохой» технологии, которая плоха из-за несоответствия возрасту – пресловутая «дурацкая ухмылка». Наверно, всем учителям знаком этот феномен – ребенка ругают, стыдят, грозят наказанием, иногда очень строгим, а он улыбается. «Издевается, не иначе», – думает учитель. На самом деле поставить перед собой такую сложную цель, как «издевательство над ругающим его взрослым», ребенок в лучшем случае сможет к концу подросткового возраста, то есть годам к 15-16. Ведь эта задача требует недюжинного самоконтроля, критического отношения к ситуации и большой психологической устойчивости. Вспомните героико-романтический штамп: его ведут на расстрел, а он улыбается. И все понимают, что такое поведение не всякому по плечу, требует силы духа незаурядной. Конечно, угроза вызвать родителей в школу – все-таки не расстрел, но для ребенка это серьезная неприятность. Так почему же он улыбается?

Улыбка эта защитного происхождения (этологи говорят, что изначально улыбка – не что иное, как предупредительный оскал, мол, не тронь меня). Маленькие дети, когда не знают, как реагировать в незнакомой ситуации, часто улыбаются. Это проявление детского магического мышления: я не знаю, чего от тебя ждать, но я улыбнусь, **как будто** все хорошо, и тогда на самом деле все **будет** хорошо. Улыбка младенца нас не раздражает, а скорее умиляет и, кстати, отлично срабатывает – кто не знает, как обезоруживающе действует улыбка нахулиганившего двухлетки на

взрослого, который было собирался рассердиться не на шутку! Ангелочек хлопает ресницами, улыбается с непередаваемым очарованием – и вместо ругани получает поцелуй. Хочет ли он таким образом манипулировать нами? Нет, конечно, ведь он еще фразовую речь не освоил, и ему не под силу строить такие сложные многоходовые комбинации^[8].

С возрастом младенческая реакция на непонятную и, возможно, опасную ситуацию, как и вообще магическое мышление, отходят на задний план. Ребенок, имеющий богатый опыт взаимодействия со взрослыми в разных ситуациях, годам к пяти-шести знает, что если ругают – лучше сделать виноватый вид и, пожалуй, заплакать (независимо от того, действительно ли он чувствует раскаяние). Ребенок, лишенный такого опыта, «застревает» на младенческом способе поведения, а если ему лет 8 или даже 12, это уже совсем не умиляет нас, наоборот – приводит в бешенство.

Наша злость усиливает его стресс, который «отшибает» даже те формы поведения более развитого, учитывающего реальность и чувства других людей, которые у него все-таки есть. Со страху он «проваливается» еще дальше. В результате улыбка становится еще шире и еще больше не соответствует моменту, то есть, в нашем понимании, становится еще более «издевательской». Мы, конечно, злимся еще больше, ребенок пугается еще сильнее. Круг замкнулся. Как его разорвать? Для начала – перестать злиться, осознав, что за улыбкой ребенка стоит вовсе не наплевательство, а страх. А потом можно сказать: «Если ты хочешь, чтобы на тебя меньше сердились, лучше попросить прощения, а не улыбаться». Конечно, произнести это нужно без «наезда» в голосе, просто как дельный совет.

Гораздо неприятнее, когда ребенок использует технологии, свойственные не более раннему, а более позднему возрасту. Именно подобное поведение «пробирает» самых устойчивых, вызывает у взрослых отчаяние и ужас. Например, когда девочка девяти лет начинает откровенно заигрывать и кокетничать с учителем, чтобы добиться его расположения. Или когда ребенок осознанно прибегает к шантажу (провоцирует вас на ругань или даже физическое воздействие, а потом заявляет: «Я расскажу маме, как вы с детьми обращаетесь!»), лжет не «во спасение», а желая осознанно причинить вред (возводя напраслину на одноклассника). К счастью, такое встречается не очень часто и только у детей, переживших серьезную травму, а порой и длительное воздействие нескольких уродующих личность факторов. Скажем, если девочку сексуально совращали и хвалили (а то и кормили), только если она была достаточно «ласкова». Или если ребенок годами жил в атмосфере лютой семейной

вражды, да еще использовался как инструмент враждующими сторонами, то есть папой и мамой.

Важно помнить, что ребенок в основном действует неосознанно, и вы окажете ему большую услугу, если будете точно и конкретно описывать его поведение, не скрывая своих чувств по этому поводу: «Света, ты со мной кокетничаешь, строишь мне глазки, но мне это совсем не нравится, да и тебе не идет. Мне было бы гораздо приятнее, если бы ты вовремя сдавала выполненные задания и разговаривала со мной просто как моя ученица», или «Мне не нравится, когда дети ябедничают. И я не люблю, когда о человеке плохо говорят за глаза. Если Костя тебя обидел, подойдите ко мне вдвоем, и мы во всем разберемся». В целом же такое поведение может измениться только очень постепенно, по мере приобретения ребенком нового, позитивного опыта.

Не помогать «плохому»

Мы часто сетуем на то, что дети не усваивают того, что мы им говорим: «Я тебе сто раз повторяла, а ты!». На самом деле все наоборот. Если бы вы могли представить себе, насколько **полно и точно** дети воспринимают некоторые наши замечания! Ведь им не от кого узнать правду о мире, кроме как от окружающих их взрослых, особенно от родителей и учителей. Они вынуждены верить всему, что мы говорим – по крайней мере до наступления юности, когда у них развивается критичность и самостоятельность мышления. А пока...

Если Татьяна Петровна говорит, что я неспособный – значит, так оно и есть. Ведь она – умная, она учитель. Она много детей видела, наверное, разбирается. А я вот до вчерашнего дня, когда она это сказала, даже не задумывался, способный я или нет. Оказывается, нет. Теперь буду знать. И если мне будет трудно выполнить задание, не стану очень-то стараться, из кожи вон лезть. Я же неспособный – какой смысл? Может, мне не стоит даже и начинать работу: а вдруг станет трудно? При этом важно, чтобы никто не догадался, что я неспособный. Быть неспособным обидно, лучше я буду ленивый. Или разгильдяй. Или забывчивый. Это приятнее, чем быть тупицей.

Так происходит формирование и закрепление трудного поведения.

«Ты совершенно не умеешь себя вести!» – говорим мы в сердцах ребенку. К какому результату приведет наша гневная тирада? Поможет ли она ребенку вести себя лучше? Вызовет ли у него желание измениться? Улучшит наши отношения с ним? Повысит его самооценку? Снизит тревогу? Поможет в будущем лучше с ним справляться? К сожалению, на все эти вопросы ответ один: нет, нет и нет. Единственный результат – взрослый «сбросил пар», разрядился. Да и то не всегда, ведь сплошь и рядом подобные фразы говорятся даже без особого чувства, по инерции, они словно сами «выскакивают изо рта». Один папа рассказывал, что когда бабушка начала привычно упрекать ребенка: «Уже медведь дрессированный бы понял, а ты....», в ответ она услышала даже не ехидное, а усталое: «Уже медведь бы понял, что я не понимаю, и давно перестал бы одно и то же повторять». Невежливо, конечно, но по сути верно.

Как правило, благополучные и довольные собой дети такие стереотипные фразы пропускают мимо ушей, но у ребенка

травмированного негативные оценки могут вызвать ухудшение поведения – по множеству причин, о которых говорилось только что и раньше, когда мы анализировали поведение героев наших историй. Но главный механизм здесь таков: неприязнь и отвержение взрослых усиливают тревогу ребенка, тревога заставляет сильнее цепляться за защитное поведение, в результате он еще чаще и более выражено использует «плохие» технологии.

Значит ли это, что мы должны всегда и везде хвалить детей, что бы они ни вытворяли? Вовсе нет. Ребенок нуждается в том, чтобы взрослые задавали ему систему координат для ориентации в мире, чтобы они сообщали ему, что такое хорошо и что такое плохо, какое его поведение приемлемо, а какое – нет. Просто важно, чтобы это были действительно информативные сообщения, а не ритуальное «пиление». Говорите точно и конкретно, что вам не нравится в поведении ребенка и почему. Вместо «Прекрати безобразничать!» лучше сказать: «Дима, мне сложно говорить, когда ты шуршишь бумагой. Пожалуйста, перестань». Никакой ребенок не согласится с тем, что он «безобразничает» или «отвратительно себя ведет». А с тем, что он шуршит бумагой, спорить сложно, особенно если к тебе обращаются не с обвинением, а с просьбой.

Чем более дружелюбно, неагрессивно мы высказываем претензию, тем больше шансов, что ребенок по крайней мере попытается изменить свое поведение. Предлагая ему отношения сотрудничества, мы получаем в ответ сотрудничество. Предлагая конфронтацию, мы получаем конфронтацию.

Не менее важно разделять осуждение поведения и осуждение самого ребенка. Есть разница между высказываниями: «Даша, какая же ты невнимательная!» и «Даша, ты сейчас недостаточно внимательно слушала, сосредоточься». Первое высказывание абсолютно ничем не поможет Даше. Она, как и любой человек, даже если бы захотела, не сможет в одну минуту изменить базовое качество своей личности. По сути, вы оставляете ей небольшой выбор: не согласиться с обвинением (обидеться или заспорить, вообще забыв о теме урока) либо согласиться (и оставить всякие попытки сконцентрироваться, погрузившись в грустные размышления о том, как ей не повезло родиться такой невнимательной). Призыв же «сосредоточиться прямо сейчас» абсолютно выполним и при этом совершенно не нарушает представления Даши о самой себе.

Все то же самое справедливо и для формулировок, которые мы используем в обсуждениях с коллегами и даже просто в собственных мыслях. Вот вы подумали: «Гоша – гиперактивный ребенок». Допустим, это правда, и даже есть официальный диагноз. И? Что дальше делать? Сесть и плакать? Уволиться из школы? Выжить из класса Гошу? Чем эта

констатация поможет вам справляться с Гошей на уроке? И чем она поможет самому Гоше вести себя лучше? Но стоит немного изменить ракурс и ход своих мыслей: «Гоша не может усидеть на месте больше трех минут» или «Гоше трудно удерживать внимание, он быстро отвлекается», и какие-то идеи у вас сразу появятся. Например, можно несколько раз за урок отправлять Гошу с какими-то мелкими поручениями, чтобы он подвигался. Можно договориться с ним о системе «учета и контроля» – например, после каждого выполненного примера (записанного предложения) он рисует на специальном листке какой-нибудь условный значок, подобно тому, как летчики рисовали на борту своего самолета звездочки за каждый сбитый самолет противника. Это позволит ему время от времени переключаться, а любое задание сделает дробным, состоящим из маленьких порций. Гиперактивность мальчика никуда не денется, сколько бы мы ни охали (она, кстати, проходит сама по себе обычно годам к 12), а поведение ребенка изменить к лучшему в наших силах.

Мы уже говорили о том, что взрослые часто прямо подкрепляют трудное поведение, например, уделяя ребенку много внимания, когда он ведет себя плохо, и игнорируя его, когда все благополучно. И наоборот, нередко, не зная, как прекратить трудное поведение, взрослые ничего не предпринимают, делая вид, что все в порядке (как первая учительница Тимура). В результате граница дозволенного с каждым днем все больше отодвигается, и начинаются уже неконтролируемые процессы.

Есть много случаев, когда выходку ребенка лучше всего не заметить. Например, учителю, обнаружившему стоящего на подоконнике Валеру, самое разумное было бы дать классу маленькую самостоятельную работу, чтобы занять ребят делом, а на мальчика вообще не обращать внимания. Уже через пять минут он почувствовал бы себя неловко и слез. Также не следовало раздувать историю с журналом, который принесла в школу Настя. Но если речь идет о насилии, о грубом нарушении прав других детей, о вызывающем поведении, то не прекращать его – значит подкреплять, подавать знак, что «это можно». Есть ситуации, когда учитель просто обязан принять вызов и разобраться, «кто в доме хозяин», дать понять ребенку, что правила здесь устанавливают взрослые и они могут добиться их соблюдения. Вовсе не обязательно при этом прибегать к суровым репрессиям. Практика показывает, что одной только внутренней решимости учителя прекратить безобразие бывает вполне достаточно.

И еще одно замечание, очень важное. **Никогда** не подшучивайте над внешностью, именем и фамилией приемного ребенка, даже беззлобно. Собственно, этого ни с какими детьми не следует делать, да и со взрослыми

тоже, но если речь идет о ребенке, потерявшем кровную семью, запрет на шутки подобного рода – абсолютный. Потому что фамилия, имя и внешность – это единственное, что осталось у него от родителей. Или, что еще больнее, даже фамилия досталась не от родителей, а от того, на каком вокзале в туалете нашли завернутого в тряпки ребенка или в каком звании был нашедший его милиционер. Про прямые насмешки над его происхождением и родителями я уже не говорю – по-моему, это очевидно. Реакция на это поводу может быть совершенно непредсказуемой, от дикой агрессии до попыток суицида. Даже если ребенок сам зол на своих родителей, обвинение в их адрес со стороны чужого человека он воспримет на свой счет, ведь он их ребенок, их плоть и кровь. И чем сложнее и болезненнее его отношение к своей кровной семье, тем тяжелее он будет переносить любые рассуждения на эту тему посторонних.

«Накачать» позитивом

Мы уже говорили о том, что «хорошие» технологии всегда более тонкие, более сложные, более «взрослые», чем «плохие». Для того чтобы ими пользоваться, нужно много душевных сил, веры в себя, внутренней позитивной энергии. А с этим у таких детей как раз проблемы, ведь источник наших жизненных сил – в раннем детстве, в родительской любви. Об этом стихотворение Валентина Берестова:

Любили тебя без особых причин
За то, что ты дочь,
За то, что ты сын,
За то, что малыш,
За то, что растешь,
За то, что на папу и маму похож.
И эта любовь до конца твоих дней
Останется тайной опорой твоей.

А если **не** любили? И **нет** у человека никакой «тайной опоры»? У ребенка, которого в детстве не хвалили за каждое новое достижение, чьими успехами не восхищались и не гордились, на которого не выливали ушатами родительское обожание, нет позитивного образа самого себя. Обычно человек считает себя хорошим и делающим все правильно, это для него естественно, само собой разумеется. Лишь особые обстоятельства или обратная связь от окружающих временами заставляют нас в этом усомниться, и тогда мы вносим коррективы в свое поведение – чтобы снова стать хорошими. Бывает, что мы не учитываем обратную связь и продолжаем утверждать, что мы все равно хорошие, и поступаем правильно, что бы кто ни говорил (таких людей называют самонадеянными, упертыми, впрочем, нередко именно они добиваются успеха и совершают открытия).

А если человеку неоткуда было узнать о том, что он – хороший? Уникальный, замечательный, достойный любви? И он вырастает в убеждении, что у него «все не как у людей». Для него нормально быть как раз «не таким, как надо», и делать все неправильно.

Есть такой прием: попросить человека нарисовать шкалу, где за точку

отсчета, за ноль, принять абстрактного «среднего человека», и расположить себя на этой шкале. Как правило, человек, независимо от своих достижений, образования, успехов в личной жизни и т. п., ставит значок на некотором расстоянии в сторону плюса от нуля. То есть расценивает себя несколько выше среднего. Кто-то отступает совсем немного, кто-то побольше. Психолога насторожит, если человек поставит свою точку на сам ноль (что очень редко встречается) или сместит в сторону минуса. Конечно, причиной может быть простое кокетство или привитые в детстве представления о скромности, но скорее всего, речь идет об устойчиво заниженной самооценке. Кстати, у тех, кто ставит свою точку ближе к плюсу, прямо у края листа, тоже возможны проблемы, причем, как ни странно, те же самые. Часто дети (и взрослые) с очень низкой самооценкой ведут себя как самодовольные наглецы, «чтобы никто не догадался».

Для человека, считающего себя хуже других, быть неуспешным – нормально, это значит быть самым собой, а быть успешным – значит, быть кем-то другим, обманывая окружающих и самого себя. Такой человек все время живет с ощущением, что настоящего его никто не знает и не любит, а если вдруг кто-то узнает, то поймет, каков он «на самом деле», и горько разочаруется («синдром Мерилин Монро», о котором мы говорили). Развиваться, расти, быть успешным ему все же хочется, поэтому попытки предпринимаются снова и снова. Но любой срыв и неудача, неизбежные в каждом деле, здесь воспринимаются не как досадная случайность или следствие ошибочных решений, а как подтверждение «тайного знания», истины, тщательно скрываемой ото всех: «Я хуже других». Как говорил несравненный ослик Иа-Иа: «Ну вот, я так и знал. С этой стороны ничуть не лучше». Таким образом, попытка прорваться «по ту сторону от ноля» оборачивается страданиями – еще большими, чем если бы человек сидел тихо и даже не пытался ничего делать. Получается замкнутый круг. К сожалению, разорвать его изнутри практически невозможно. Вытащить самого себя за волосы из болота удалось только Мюнхгаузену в сказке. В реальной жизни для этого требуется чья-то помощь.

Недавно на встрече с учителями услышала такой забавный случай. Педагог никак не могла добиться от одного ученика хоть какого-то желания работать. Многое было запущено, и ему казалось, что догнать класс уже невозможно. В таком упадническом настроении он окончательно махнул на

все рукой и просто ничего не делал. И учительница тоже совершенно отчаялась хоть чего-то от него добиться. Однажды, в очередной раз получив от него в конце контрольной пустую тетрадь, она вдруг неожиданно для самой себя взяла и решила в ней все задания. Красиво все записала и поставила «пятерку». На следующий день раздала тетради и с невозмутимым видом поставила «пять» в журнал, да еще и прокомментировала классу, без всякой издевки, очень радостно: «А Вова-то у нас новую жизнь начал, уже одна «пятерка» есть!». Вова от изумления просто потерял дар речи. Но начал после этого учиться! Не на «пятерки», понятно, но все лучше и лучше. Вот такой нестандартный «рывок из болота». Иногда именно в отчаянии находишь самые точные и эффективные ходы...

Итак, если достаточная доза позитивного восприятия самого себя и жизни не досталась ребенку естественным путем, в раннем детстве от родителей, значит, надо действовать «вдогонку». По возможности надо «накачать» его позитивом, пока детство не кончилось и еще сохранилась доверчивая вера в оценки взрослых. С подростками это делать сложнее, но лучше поздно, чем никогда. Вот несколько практических советов.

- Всегда уверенно и позитивно говорите о будущих изменениях к лучшему. Не призывайте ребенка измениться, не требуйте, не уговаривайте, не выражайте надежду, а уверенно утверждайте: так будет. Например: «Теперь ты знаешь, что так вести себя нельзя. Я уверена, что скоро ты сможешь соблюдать правила»; «Эта тема часто сначала кажется сложной. Уже через несколько уроков ты во всем разберешься»; «Ты еще не совсем можешь справляться с собой, когда сердись, но ты еще немного подрастешь и обязательно научишься».

- Хвалите ребенка конкретно, по возможности точно описывая, что именно вам понравилось. Если пока нет оснований хвалить за учебную деятельность, давайте мелкие поручения, просите его о помощи и хвалите за это. Чтобы завязать первоначальный контакт, похвалите его прическу, линейку, то, как аккуратно обернуты учебники – что угодно.

- Используйте любую возможность одобрить поведение ребенка в присутствии одноклассников, а особенно – в присутствии приемных родителей. Помните, для него «цена вопроса» о том, довольны ли им родители, в сто раз выше, чем у обычного ребенка. Говорите не только об учебе, а о любых положительных проявлениях: как ребенок хорошо работал на субботнике, как готов помочь товарищам и т. п.

- Проявляйте изобретательность в формах выражения одобрения. Можно писать записки, рисовать смайлики, прикреплять значки, предлагать

классу поаплодировать, попросить прочитать вслух или записать на доске удачно выполненное задание, спросить у ребенка разрешения показать тетрадь коллегам, чтобы похвастаться вашими совместными успехами.

- Никогда не сравнивайте ребенка с другими детьми и их достижениями. Сравнивать можно только с самим собой: вчера не умел – сегодня научился. Конечно, система школьных оценок довольно грубая и даже при явном прогрессе ребенок все равно может продолжать получать «тройки». Значит, вводите нюансы, более тонкие грани. Можно сказать: «Знаешь, в прошлый раз, если честно, оценка была с натяжкой – зато сейчас твердая». Используйте позитивные письменные комментарии к оценке, условные значки (смайлики), зеленый цвет (в противовес красному) для того, чтобы подчеркивать особенно удачные места.

- Научите ребенка воспринимать ошибки и срывы как естественную часть жизни. В конце концов, если бы дети все и всегда делали правильно, взрослые им были бы вообще не нужны, по крайней мере, педагоги. Процесс обучения и есть процесс совершения и исправления ошибок. Можно сказать: «Я очень рада, что ты ошибся сейчас, в начале новой темы. Теперь ты запомнишь это правило так крепко, что на контрольной все будет хорошо». Многие дети хорошо воспринимают шутки: «Ты знаешь, говорят, что если ошибку поливать слезами, она только разрастается, как кустик. Давай лучше засушим ее на память». Всегда давайте ребенку возможность исправить ошибки и оценки, ведь ваша цель – не поймать его на незнании, а научить.

- Научите ребенка видеть и признавать собственные достижения. Дети со сниженной самооценкой часто склонны обесценивать свой успех. Получив грамоту на спортивных соревнованиях, они могут сказать: «Мне просто повезло», «Это потому, что я занимаюсь дольше других» или что-то в этом роде. Когда вы слышите нечто подобное, предложите свою интерпретацию: «Ты занимаешься дольше, но это значит, что ты на целый год больше работал, вот и результат» или «Даже олимпийским чемпионам нужно везение, но чтобы везение помогло, сначала надо самому достичь хороших результатов».

- Когда ребенок совсем приуныл, предложите ему задание, с которым он заведомо справится, и похвалите за успех. Ему важно вспомнить, «как это бывает». Если ребенок пасует перед заданием, которое показалось ему трудным, не говорите: «Да оно совсем легкое!». Этим вы только усилите страх не справиться – это с легким-то заданием. Лучше согласиться: «Да, сейчас тебе это кажется трудным. Тем больше будет радость, когда ты все-таки решишь».

- Какими бы серьезными ни были проблемы ребенка, у него всегда есть сильные стороны. Стараясь заменить «плохие» способы поведения «хорошими», опирайтесь на этот ресурс. Вспоминается случай с девочкой, у которой был очень плохой почерк, а учительница в первом классе, как назло, именно почерк ценила превыше всего и подчеркивала красным все кривые и неровные буквы. Естественно, очень быстро у ребенка пропало всякое желание стараться – все равно будет недостаточно хорошо. Бойцовских качеств, желания несмотря ни на что доказать, что она сможет, у девочки не наблюдалось. Особого стремления угодить учительнице – тоже. За что же уцепиться? Стали думать – а в чем ресурс? Девочка очень любила кошек, была очень доброй и заботливой. Она мечтала, когда вырастет, создать приют для бездомных котят. И мама предложила ей такую игру: «Давай представим себе, что буквы – это котята. Они сидят бедные, кривенькие, тощенькие, взъерошенные, никому не нужные. И тут приходишь ты и каждого котеночка кормишь, причесываешь, гладишь, а потом сажаешь их в рядок – они такие стали у тебя кругленькие, симпатичные, довольные!». Ребенок был очень воодушевлен и стал стараться. Хотя стандартам учительницы ее почерк по-прежнему не отвечал, у нее прошло отвращение к самому процессу письма и тетрадки стали намного аккуратнее. Ресурс есть всегда!

Хочу привести еще один пример, показывающий, как важен позитив в обучении. Помню, какое впечатление на меня произвело выступление на какой-то конференции учительницы английского языка – к сожалению, не запомнила ее имени. Вот что она рассказала: «Я долго думала над вопросом: почему наши школьники, даже выпускники языковых спецшкол, с таким трудом говорят на иностранных языках, имея неплохой словарный запас и прилично зная грамматику? А в других странах постоянно встречаешь людей с чудовищным произношением, знающих не так много слов, но свободно выражающих свою мысль на иностранном языке? Потом я сравнила, как происходит обучение у них и у нас, и все поняла. У нас ученик на каждом уроке раз десять, а то и больше слышит в свой адрес: «Нет, не так, неправильно». Никого не интересует, что именно он хочет сказать, мы лишь отслеживаем ошибки, указываем на них и «караем» оценкой. Мы с коллегами попробовали сделать иначе, и вот как это выглядит».

Дальше был показан небольшой фильм – запись учебного диалога с девочкой лет шести. Ее спрашивают: «What do you like to do?». Она начинает отвечать с ошибкой: «I like play» (пропустила перед глаголом частицу to). Но преподаватель не указывает ей на ошибку, он радуется

смыслу сказанного и заодно исправляет, повторяя уже без ошибки: «Oh, it is just fine! You like **to** play! And what else do you like to do?». И девочка несколько раз отвечает на вопрос совершенно правильно: «I like to jump, I like to run, I like to read books», каждый раз получая в ответ радостное «Fine!» или «Good!». Девочка вообще не заметила, что ошиблась, а заодно усвоила правильную грамматическую конструкцию и узнала новое слово (else). Педагог же всем своим видом демонстрировала свой интерес не к тому, как она говорит, а к тому, что говорит. Неудивительно, что дети ходят на такой английский с удовольствием и потом легко на нем говорят.

Исследователи поведения животных и дрессировщики утверждают, что позитивные подкрепления примерно в четыре раза эффективнее негативных. То есть чтобы голубь научился кружиться в нужную дрессировщику сторону, его придется 20 раз ткнуть палкой с гвоздем, «наказывая» за неверное движение, или всего пять раз подкрепить верное вкусным зернышком. С детьми – то же самое. Это только кажется, что «накачивать позитивом» очень сложно и долго – только если мысленно сравнивать эту работу с ничегонеделанием. Ничего не делать и никак не реагировать все равно не получится – вы же на работе. Так что вам все равно придется его ругать, стыдить, наказывать. Вот по сравнению с этим «приятным» времяпрепровождением получается огромная экономия сил и нервов, потому что результат достигается быстрее, закрепляется прочнее, а главное – ваши отношения с ребенком улучшаются, и поэтому он и дальше будет прислушиваться к вашим советам и просьбам.

Не говоря уже о том, какое огромное значение эта работа имеет для поднятия самооценки ребенка, а значит, для всего его будущего.

Три кита и один верблюд

До сих пор речь шла о трудном поведении. Но ведь есть еще трудности собственно с обучением, с усвоением новых знаний. Практически у всех детей, которых берут из детских домов, стоит диагноз ЗПР. У многих нарушено внимание, плохая память, трудности с абстрактным мышлением, при том, что в общем и целом интеллект в пределах нормы. Что со всем этим делать?

Я не специалист по коррекционной педагогике и не смогу дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. Но когда речь идет об обучении и развитии детей, психология, методика, педагогика так тесно переплетены, что бывает невозможно точно установить: вот этот конкретный мальчик – почему он не успевает по математике? У него сильный страх неудачи? Или выработалась привычка не думать, а угадывать? Или у него действительно «западают» какие-то мыслительные функции? Или он просто сильно отстал и теперь уже ничего не понимает? Или все это сразу? Различить бывает трудно.

Успешность любой деятельности у детей и у взрослых зависит от трех составляющих: способность, обученность и мотивация. Их иногда называют «три кита компетентности». Рассмотрим их немного подробнее.

Под способностью имеется в виду и сиюминутная возможность (например, невозможно танцевать вальс, если у вас радикулит), и базовая, постоянная способность, такая, как память, воображение, музыкальный слух, способность к комбинаторике или к анализу и т. д. Базовые способности частично закладываются от рождения, частично развиваются в течение жизни, особенно в детстве. Некоторые способности никогда не сформируются, если в определенные периоды жизни для этого не было благоприятных условий. Например, если ребенок в возрасте от года до пяти лет не слышит речь других людей, не общается с ними, он может так никогда и не заговорить.

Умение что-то делать, владение необходимыми знаниями и навыками – это и есть обученность. Многому в жизни мы учимся сами, между делом, без чьей-то специальной помощи. Так дети учатся, например, рисовать, играть в куклы, раскачиваться на качелях, прыгать на одной ножке и т. д. Но есть немало знаний, умений и навыков, которыми без помощи взрослых овладеть очень трудно, если вообще возможно. Именно поэтому в человеческом обществе преподавание, обучение выделилось как особая

сфера деятельности, которой тоже приходится учиться и которая этим обществом оплачивается. Уровень и качество обученности в большой мере зависят от педагога. Конечно, высокий уровень способностей может позволить ребенку достичь хороших результатов и у слабого педагога. Поэтому хорошим учителем справедливо считают не просто того, у кого много отличников и олимпиадников (например, из способных учеников, предварительно отобранных при наборе в школу), а того, кто каждому ученику может помочь продвинуться вперед настолько далеко, насколько позволяют его конкретные способности. Причем добиться продвижения реального, то есть основанного на понимании, осознанном и прочном владении материалом, а не имитированного, достигнутого «натаскиванием» и заучиванием. Именно про таких учителей говорят: «Лучше «тройка» у Валентины Петровны, чем «пятерка» у кого-то другого».

И наконец, третий «кит», без которого теряет смысл все остальное, – мотивация. Если ее нет или она смещена с овладения знаниями куда-то вбок (например, на неполучение «двойки»), становится уже неважно, какие у ученика способности и насколько хорошо организован учебный процесс. Все усилия будут мимо. Мы получим знакомую до боли картину «в одно ухо влетело, в другое вылетело» или «нате вам ваши уроки и отвяжитесь». Ребенок не будет учиться. Возможно, он будет делать домашние задания, писать контрольные, отвечать у доски, сдавать экзамены. Возможно, даже оценки будут получать неплохие. Вот только учиться – не будет. Потому что, как говорит древняя притча, можно привести верблюда на водопой, но ни один мудрец и ни один правитель не может заставить верблюда пить, если тот не хочет. А дети все-таки поизобретательнее, чем верблюды. Уж они найдут способ сделать вид, что все-все поняли, загрузить в голову «временный файл», не пропуская его вглубь, чтобы он легко и без следа стерся сразу после контрольной. Спросите ради интереса у ребят через час после того, как они сдали работу, какие задачи в ней были. Очень многие ответят: «Я не помню». Так вот, если человек действительно решал и думал, он просто не может через час не помнить, над чем. Только если проскользнул мимо, около, решил приблизительно, так сказать, «не приходя в сознание». Вполне возможно, получив при этом правильный ответ.

Почему так происходит? Это очень серьезная тема. Много книг про это уже написано, много еще напишут^[9]. Мы только немного коснемся ее, но все по порядку. Сначала – первый «кит».

Способности – хорошие и... разные

Есть обстоятельства, которые мы не в силах изменить. Надо признать, что если у ребенка в период самого активного познания мира, в раннем детстве (примерно от года до четырех лет), не было условий для развития, а постоянный сильный уровень стресса тормозил познавательную активность, многие возможности будут утрачены для него навсегда. Подобно тому, как стать музыкантом-виртуозом или балериной можно, только если начать заниматься не позже определенного возраста, так и любознательность, легкость схватывания нового как устойчивые качества ума должны формироваться в раннем детстве, в благоприятный для этого период. Если в силу тяжелых обстоятельств детства это оказалось невозможным, очень часто потребность в познании и способность к усвоению нового остается сниженной на всю жизнь. Это не самое страшное, таких людей вокруг нас немало, они любят, дружат, растят детей, радуют себя и приносят пользу другим. Есть много видов деятельности, которые не предусматривают постоянного переучивания, а наоборот, приветствуют постоянство и следование традиции. Во многом таково и обучение в нашей школе, особенно в младших классах. Делай, как показали, и будешь молодец. Но годы идут, и палочки сменяются формулами, а задание «спиши» уступает место сочинению на тему «Образ лишнего человека в русской литературе». И тут прежде вполне успешные ученики вдруг обнаруживают, что просто «не тянут», не могут, не справляются, вообще не знают, что делать. Какое-то время они выезжают на репутации «примерных» и на старательности. Потом их силы истощаются и наступает крах. А если изначально и особой старательности не наблюдалось? Или были нарушены даже способности, необходимые для успешности в младшей школе, для того, чтобы просто аккуратно списать?

Существует упрощенное представление, что все дети делятся на «одаренных», «нормальных» и «с ограниченными способностями». И будто бы можно путем наблюдений или специальных методик отделить одних от других, рассадить по разным классам и школам, и тогда с ними будет удобнее работать, а каждый ребенок получит учебную программу по силам. Кабы все было так просто...

У каждого из нас – своя уникальная карта способностей, которая, как мозаика, сложена из множества связанных друг с другом элементов. Кто-то легко запоминает стихи, но плохо цифры. Кто-то хорошо ориентируется на

местности, но совсем не воспринимает музыку. Кто-то долго может быть внимательным и собранным, но неспособен думать, если условия задачи все время меняются (а в жизни так происходит сплошь и рядом, взять хотя бы вождение автомобиля). Кто-то прекрасно решает алгебраические задачи, но не в силах справиться со стереометрией. Кто-то пишет очень грамотно, но не может свободно излагать свои мысли на бумаге. Кто-то имеет ужасный почерк, но прекрасно владеет компьютером. А кто-то наоборот. Вариантов тут – миллион!

Мозг человека – очень сложная и тонкая структура. До сих пор не очень понятно, почему одни его участки у данного человека работают лучше, другие – хуже. Возможных факторов воздействия очень много: от генов и экологии до обстоятельств появления на свет и психологического состояния мамы во время беременности. Известно лишь, что в мозгу каждого человека есть так или иначе возникшие зоны с нарушенной проходимостью, или ММД – микромозговые дисфункции. Такая дисфункция может затрагивать даже не в целом способность к чему-либо, например к абстрактному мышлению, или к запоминанию, а некую грань, аспект способности. Кто-то плохо запоминает лица, а кто-то – имена и фамилии. Встречаются люди, которые очень точно слышат фальшь в музыке, но сами неспособны спеть чисто даже «В лесу родилась елочка». Я, например, в школе очень любила геометрию и вроде у меня были к ней способности, но при этом до сих пор иногда путаю «право» и «лево», а уж сколько раз выкраивала не на ту сторону рукава и воротники одежды или выходила не в тот выход метро – не сосчитать. И опять-таки трудно бывает различить: почему этот человек не способен разгадывать загадки? Потому что у него на уровне мозга повреждена функция метафорического мышления? Или в четыре года над ним зло посмеялась воспитательница в детском саду за глупый, по ее мнению, ответ? А почему этот десятилетний мальчик не может сам дойти от дома до школы в соседнем квартале? У него проблемы с топографией? Или просто над ним так трясутся родители, что никогда в жизни никуда одного не отпускали?

Неспособности часто соседствуют со способностями, а порой и с незаурядной одаренностью. Ставший хрестоматийным пример – Пушкин с его неспособностью к математике. Самую большую гору забытых в раздевалке вещей мне довелось видеть, само собой, в школе для одаренных детей. Врач в этой школе отличался хорошей спортивной формой. Одаренные, они, знаете ли... То мимо стула сядут, то в закрытую стеклянную дверь войдут, то реактив на себя выльют. Приходится быстро по лестницам бегать...

Причудливый узор, который образуют способности каждого из нас, чем-то похож на компьютерную карту транспортных коммуникаций большого города. Где-то поток машин бодро катится вперед, где-то возникла пробка и движение затруднено, а местами вообще дорога перекрыта, и там – только в объезд. Что-то в этой карте обусловлено стечением обстоятельств (авария или ремонт дороги), а что-то – досталось по наследству, например, как Москве ее радиальная структура дорог, которая сейчас очень неудобна, а уже ничего не изменишь. Наверное, наступит такое время, когда для каждого ребенка специалисты будут определять его индивидуальную карту способностей и на ее основе выдавать рекомендации: на что опираться, что можно развить, а что и развивать бесполезно и надо учить ребенка решать задачи другими способами, «в объезд». Если можно научить слепоглухого ребенка читать и говорить, неужели же нельзя найти способы обучения грамотности или математике детей, у которых в этом месте «дорогу размыло»? Для того чтобы все это стало возможным, предстоит проделать большую работу и по изучению человеческого мышления и процесса обучения, и по перестройке школьной системы. А что нам делать сейчас?

Учить ребенка (и учиться самим) относиться к его конкретному набору способностей по-хозяйски. В самом деле: мы даем задание «выучить стихотворение», проверяем и оцениваем результат. Но мы никогда не помогаем ребенку научиться учить стихи. Мы требуем: «Будь внимательнее!». Но не подсказываем, как это сделать, если внимание так и упрыгивает куда-то, не успеешь оглянуться – и уже мечтаешь о чем-то постороннем? Без способности анализировать, сопоставлять, классифицировать вообще никакая учеба невозможна. Но на уроке предполагается, что у учеников все это **уже есть**. Осознанно развивали ее в последний раз на занятиях по подготовке к школе (если ребенок на такие занятия ходил): разложи морковки к зайчикам, а яблоки – к ежикам. На таком примерно уровне. А потом на него сразу обрушивается: гласные и согласные, четные и нечетные, части речи, сумма и разность и еще много всего. Всем этим нужно оперировать быстро, точно, да еще и в процессе другой деятельности (например, по ходу диктанта решить, писать ли слово с большой буквы – многоступенчатый алгоритм надо применить). Если у ребенка эта способность «западает» – не избежать больших проблем.

Очень важно научить ребенка не причитать горестно: «Ах, у меня такая плохая память», а попытаться ответить на вопрос: какая именно у меня память? Как мне легче запоминать? Какой материал вызывает особые затруднения? Что мешает и что помогает запоминать? Собственно, вся та

же логика, которую мы подробно разбирали, говоря о трудном поведении: не вешать ярлыки, а подробно и конкретно описывать ситуацию и пробовать разные способы решения проблемы. Цель – найти собственные эффективные технологии запоминания: на слух, на вид, через образ, через сравнение, через действие, через сопоставление.

Вот только некоторые примеры мнемонических техник:

- записывать сложное слово или историческую дату разноцветными карандашами (каждую букву – другим цветом),
- декламировать трудное правило как стихи, для соблюдения размера добавив междометий (получается еще и весело),
- петь, как песню, и при этом маршировать,
- сочинить сказку, где бы обыгрывалось правило или повторялись трудные слова,
- изобразить слово необычным способом (из конфет, изюма, спичек, шнурков от ботинок, самих ребят и т. д.),
- нарисовать стихотворение, показать его пантомимой,
- разыграть сценку на основе правила или стихотворения, можно с помощью игрушек или рисунков, спрашивая каждого персонажа о его мыслях и чувствах (пусть мягкий знак расскажет, почему он согласен стоять на конце после шипящих у слов женского рода, а про существительные мужского рода и слышать не хочет).

Можно время от времени посвящать классный час разговору о том, кто как запоминает и какие свои «приемчики» изобрел. Пусть ребята поделятся друг с другом, опробуют новые способы. Заучивание должно восприниматься не как «проклятие», а как вызов, трудная, но интересная задача.

Помните мысленное упражнение с баррикадой в начале книги? Проведите его с ребятами. Пусть они сначала представят себе такую картину: я сам, а за баррикадой – задание, которое нужно выполнить, и мой тупой, ни на что не способный, ненавистный мозг (все это для наглядности можно нарисовать на доске или разыграть, как сценку). Многие узнают эту картинку – именно так они себе и представляют ситуацию. А теперь измените диспозицию: вот я, за баррикадой – трудная задача. Рядом со мной – мой мозг, такой, какой есть, мой родной. И мы с ним уж как-нибудь напрямемся и справимся, возьмем эту баррикаду. А потом друг друга похвалим.

Также очень важно уметь находить варианты «объезда», понимая, что в некоторых случаях это правильнее и эффективнее, чем ломиться по прямой. Один знакомый мальчик, очень толковый в целом,

катастрофически не мог связно излагать мысли на бумаге. Ну просто караул, что у него получалось вместо эссе, а поступать он собирался ни много ни мало – в МГУ, и результат ЕГЭ по русскому языку должен был быть приличным. Я долго пыталась ему помочь, заставляла писать и переписывать, читать классиков и анализировать их эссе. Он честно старался, но каждый новый «опус» только приводил в отчаяние. Это была чистая, без прикрас, «двойка». Вроде бы ясно было, что невозможно, да и незачем учить его «хорошо писать вообще», ему нужно просто написать эссе один раз в жизни – и все (он поступал на естественный факультет). Но слезть с колеи «научить излагать свои мысли письменно» я не могла, пыталась втолковать все снова и снова, только вызывая у человека чувство неполноценности и полной безнадёги.

Затем ему очень повезло попасть на занятие к опытному репетитору. Та по первой же пробе точно поставила диагноз и, не тратя времени на «высокие» цели, сразу пошла в обход. Она сказала: «Представь себе, что это конструктор, вроде «Лего». Парень сразу приободрился, из «Лего» он еще в детстве делал модели невероятной красоты и сложности. Потом они разобрали всю внутреннюю конструкцию эссе, блок за блоком. Она дала конкретные заготовки для начала, связок, завершения. С памятью, логикой и умением видеть структуру у него все было в порядке, и он воодушевленно кивал. Они занимались два часа. Еще пару дней он потренировался дома. Результат – 16 баллов из 20 за эссе, пятерка за ЕГЭ, желанный факультет. Как говорится, умный в гору не пойдет, умный гору обойдет! Конечно, это не подлинное обретение компетентности, а имитация. Но ведь задача решена, а обуславливать для человека возможность стать физиком или химиком умением писать эссе – это не мы с вами придумали...

Когда речь идет о способностях, важно иметь в виду еще вот что: мы склонны терпимо и с пониманием относиться к тем «затарам» в голове

ребенка, которые похожи на наши собственные. Мы же вот с ними живем, и ничего, справляемся. А вот заторы в тех местах, где у нас самих все в порядке... Нам это непонятно, нас это безумно раздражает: ну, как можно э-ле-мен-тар-но-го не уметь и не понимать? Поэтому человека аккуратного, собранного, «правильного» будет сводить с ума ребенок, все теряющий и путающий, и ни грамма не утешит, что у него яркая фантазия и самостоятельное, свободное мышление. А человека творческого, «фонтанирующего», наоборот, будут злить девочки-«хорошистки» с ровным почерком, которые не могут ни на шаг отойти от шаблонных решений. Все мы люди, это вполне нормально. Профессионализм начинается с умения отслеживать свою нетерпимость к иначе организованному мышлению, к иной карте способностей. И с умения использовать свои собственные дарования, чтобы помочь каждому ребенку.

Дойти до сути

Часто нас злит, что дети не пытаются решить задачу, а угадывают ответ, не вдумываются в смысл, а делают «лишь бы отвязаться». Но приходилось ли вам видеть мальчишку, который по принципу «лишь бы отвязаться» делал воздушный змей на даче? Или играл бы в компьютерную игру кое-как, с настроем «может, повезет, и я угадаю, как нужно»? Встречалась ли вам девочка, которая оформляла бы свою тетрадку для секретиков «как-нибудь, лишь бы поскорее»? Или не помнила телефон лучшей подружки, потому что «эти цифры в голове никак не держатся»? Это некоторым взрослым бывает свойственно «жить мимо жизни», как-нибудь, бочком, еще годик скоротал – и ладно. Дети же отдаются любой деятельности полностью – азартно, увлеченно. Кроме той, в которой не видят никакого смысла.

Как же получается, что в школьной работе дети перестают видеть смысл? Не далекий и абстрактный, типа диплома в будущем, а простой здравый смысл? Который говорит, что $6 \times 7 = 7 \times 6$, и не потому, что так в учебнике написано, а потому что это на самом деле так, и когда-то эта истина была людьми открыта, осознана и очень их впечатлила. И ЧА, ЩА пишется через А не от блажи взрослых, а по ясной логике, на которой построена русская графика, и на самом деле правило про ЧК, ЧН без Ъ – это то же самое правило, что и про ЧА, ЩА. Причин много. И сожалению, приходится признать, что ряд нововведений, в том числе пресловутый ЕГЭ, только усиливают отток смысла из школьного обучения. Обучение все больше приравнивается к натаскиванию. Программу начальной школы продлили еще на год, но используется ли это время для того, чтобы дети учились думать, понимать, творить, спорить? Практически никогда. Просто «отработка навыков» растянулась еще на один год, мучительный для тех, кому все дается легко, и по-прежнему бесполезный для тех, кто учится с трудом.

Тема эта большая, и здесь в нее углубляться нет возможности. Но если вы сталкиваетесь в работе с сильно отставшим от программы учеником, очень важно помнить: главная задача – вернуть в его обучение понимание. Если он в свое время не понял самой сути, например, умножения, или орфографической проверки, ему нет смысла «догонять» программу, решая побольше примеров на умножение или списывая страницы под диктовку. Здесь уместна та же метафора со стопкой монет, о которой шла речь

раньше. Важно найти самую первую сместившуюся монету и вернуться назад – пусть к материалу первого или второго класса, и найти тот самый момент, на котором все застопорилось. Понятно, это нереально при работе с целым классом. По замыслу, именно этим должны бы заниматься в классах коррекции – ликвидировать давние пробелы в понимании самого главного, чтобы потом ребенок мог вернуться к обычной программе. К сожалению, на деле этого обычно не происходит – провалы в понимании остаются позади, а дети идут дальше, просто из их программы убирается все «лишнее», то есть сплошь и рядом самое интересное. Выходом могут стать индивидуальные занятия. Если они не предусмотрены самой школой, в их организации может помочь служба по семейному устройству. Можно привлекать старших детей, практикантов, волонтеров. Иногда имеет смысл на некоторое время перевести ребенка на домашнее обучение и посвятить индивидуальные занятия с ним именно выявлению и ликвидации пробелов.

Хотя иногда и с целым классом бывает полезно «найти смещенные монетки». Опытные учителя, взяв новый девятый или десятый класс, всю первую четверть даже не пытаются проходить материал по программе, а вместе с учениками ищут существенные пробелы в прошлом понимании и ликвидируют их. Иногда приходится заново объяснять понятия из программы начальной школы, добиваясь, чтобы дети освоили их осознанно. Потраченное время того стоит – после приведения в порядок «фундамента» и учителю, и ученикам жить становится легче и веселее. Обученность становится качественно иной, педагог не тянет из последних сил класс за собой, как уставшая ломовая лошадь, а бодро шагает во главе резвой компании ребят, а некоторые из них еще и вперед забегают – из интереса.

Интерес – это ключевое слово. Учителя знают: для того, чтобы возникло понимание, мало просто хорошо объяснить. Иногда так подробно объясняешь, что, как говорится, «сам уже понял», а дети – как будто не здесь. Понимание, инсайт, возникает только в момент максимальной активизации мышления, в ту секунду, когда ученику интересно, когда весь он присутствует здесь и сейчас, все его мысли сконцентрированы на этом вопросе. Такой концентрации невозможно достичь волевым усилием, к ней невозможно принудить. Не зря говорят «искра интереса». Интерес можно только зажечь. Итак, переходим к следующему «киту» – мотивации.

Чтобы было не фиолетово

Почему один ребенок хочет узнавать новое, другой хочет хороших оценок, третий – чтобы мама не расстраивалась, а четвертый – только чтобы от него отстали? Мотивация – сложная и тонкая штука. Пожалуй, куда сложнее, чем способности, и изучена еще меньше. Она далеко не полностью зависит от учителей и родителей, и все, что мы можем сделать – это хотя бы свести к минимуму искажение мотивации, вызванное давлением и стрессом.

Мы уже говорили о том, что у ребенка, испытывающего сильный стресс, «аффект тормозит интеллект». А уж в жизни ребенка, который перенес потерю семьи, одиночество в учреждении, период адаптации в новой семье, «аффектов» было больше, чем хотелось бы. Поэтому первое, что стоило бы сделать, – минимизировать для ребенка стресс. Если это удастся, у нас по крайней мере появится шанс увидеть его интеллект таким, какой он есть на самом деле, а не заторможенным. Однако для подавляющего большинства детей школьная жизнь не снижает, а многократно усиливает напряжение.

Школьный стресс, постоянный страх неудачи, осуждения, оценки сильно отравляют «школьные годы чудесные». Даже хорошие оценки – это оценки, со всеми их неизбежными недостатками: субъективностью, односторонностью, приблизительностью. Если система «кнута и пряника» в данной школе работает эффективно, мы получаем школьный невроз по японскому варианту – с язвами желудка и попытками суицида после проваленных экзаменов. Такое встречается во многих наших так называемых «сильных» школах. Мотивация безнадежно сдвинута, но это мало кого огорчает – ведь высока «поступаемость» и «есть хорошие результаты». Если система работает неэффективно – мы получаем «слабую» школу, где дети защищаются от оценочной системы по древнему как мир принципу «а мне – фиолетово». Они ускользают из-под школьного давления, принося в жертву свое образование ради сохранения относительного душевного покоя, как ящерица оставляет хвост в пасти хищника, чтобы спастись самой. Потом, может быть, и жалеют об этом, но сейчас, особенно в годы подростковой уязвимости, делают так, как проще, безопаснее и менее больно. Школы и даже классы, где дети избавлены от того или другого проявления школьного невроза, где они чувствуют себя свободно, где они не боятся – большая редкость. (Свободно, кстати, вовсе

не означает «распущенно», как раз незапуганные дети обычно бывают более собранны, покладисты, приветливы и даже на переменах шумят и носятся меньше. Им не нужно сбрасывать накопленное на уроке напряжение и не надо маскировать страх напускным «пофигизмом»). Если вам удастся сделать такой подарок своим ученикам – создать в классе поддерживающую, дружелюбную, принимающую каждого из них атмосферу, вы убедитесь, что и успеваемость станет заметно лучше.

Вернуть исходную мотивацию «узнать новое», вызвать интерес у детей можно ровно теми же способами, которыми вызывают интерес у взрослых. Удивив, заинтриговав, поразив воображение, поставив в тупик (иначе почему бы все так любили детективы?). К сожалению, в нашей школе принят прямо противоположный подход: от простого к сложному, от восприятия к воспроизводству, делай раз, делай два, повторяй за мной. Какая уж тут интрига... У уроков рейтинга нет, «переключить канал» дети не могут, поэтому технологии вызывания и удержания интереса (вовсе не обязательно примитивные, вроде использования секса и убийств), хорошо разработанные и давно освоенные в «большом мире», в школе не очень популярны, и даже в педвузах им практически не обучают.

Изменить ситуацию хотя бы на своих уроках можно с помощью развивающих игр. Игра – прекрасный способ догнать сразу стаю зайцев. Она значительно снижает школьный стресс, создает ситуацию азарта, поиска, вызывает стремление помочь своей команде. На фоне положительных эмоций, в состоянии острого интереса любые сведения усваиваются лучше, быстрее и прочнее. Игра не надоедает, а значит, детей не приходится заставлять или упрашивать «поразвиваться». Игра полна сюрпризов, в ней хронически слабый ученик может вдруг блеснуть и поверить в себя. Игра как действие по заранее заданным правилам учит детей владеть собой, подчиняться требованиям, различать границу между «можно» и «нельзя», при этом без насилия и обид.

Многим учителям кажется, что игра и урок несовместимы. Что дети перевозбудятся, что нельзя будет пройти новую тему, провести опрос, что дисциплина пострадает, авторитет упадет. Все это и верно, и нет. Если использовать игру как «вставную челюсть», вдруг ни с того ни с сего раз в сто лет посреди скучного урока предложить детям поиграть, то все так и будет. Но если игра используется регулярно как необходимая часть обучения, если игра воспринимается ребятами как заслуженная награда за эффективную работу, все проблемы решаются, и учителю становится легче. Он меньше устает и раздражается, дети быстрее и собраннее выполняют необходимую работу, с урока уходят тоска и напряжение. Использование

игры на уроке – это целое искусство, но ни один учитель, начавший им овладевать, не пожалел об этом.

Вот несколько важных методических и психологических моментов, которые помогут извлечь из развивающих игр максимум пользы, не разрушив обычный учебный процесс.

- Хорошо, если на первых порах пространство игры имеет четкие границы. Вплетать игру в учебу, синтезировать ее с серьезной работой – это задача для опытных. Для начала можно играть на классных мероприятиях, кружках, дополнительных занятиях, во время продленки, или выделять особые игровые уроки, десятиминутки, паузы и т. д.

- Превратите игру в бонус. Скажите классу в начале урока: «Если успеем три упражнения к такому-то времени, сможем поиграть». Или даже так: «Завтра в начале урока я вызову пятерых, не скажу кого, рассказывать стихотворение. Если среди них не окажется ни одного, кто «забыл и не выучил», потом до конца урока – играем». Будьте уверены, дети сами позаботятся о том, чтобы обычно «забывчивые» товарищи на этот раз были в форме. (Конечно, нельзя лишать игры за ошибки – память у всех разная, тем более в ответственный момент ребенок может волноваться. Штраф – только за саботаж.)

- Если для игры нужно разбить класс на группы, имейте в виду, что самые удобные команды – по пять – семь человек, в них каждого слышно и народу достаточно (не случайно в игре «Что? Где? Когда?» в команде именно шесть игроков, это число было определено как оптимальное в результате специальных психологических исследований). Само деление на команды можно провести множеством разных способов: по времени года, когда родился, по первым буквам имен, двигаясь по классу «конем», ткнув с закрытыми глазами в список и т. д. Когда дети во время игры пересаживаются, это само по себе хорошо – это возможность сменить обстановку, поработать каждый раз с новыми людьми.

- Вкус к более красивым, оригинальным заданиям появляется не сразу. Требуется время, чтобы ребята по несколько раз проиграли все стереотипные, очевидные варианты и сами начали стремиться к более сложному и интересному. Не торопите их, а то класс быстро расслоится на «сильных», рвущихся вперед, и «слабых», пережидających в уголке.

- Активно используйте игру для повышения статуса в классе ребят, страдающих от отвержения. Подчеркивайте их успехи, просите помочь в подготовке к игре. Чаще создавайте ситуации, когда вклад каждого игрока в командный успех совершенно необходим.

- Цель развивающих игр – развитие каждого ребенка, а не победа

сильнейших и не выявление вундеркиндов. Важно внимательно следить, чтобы конкуренция не стала для ребят важнее процесса. Всегда предпочтительнее тот вариант игры, который позволяет вовлечь всех, побуждает к сотрудничеству, к достижению общего успеха.

В Приложении вы найдете описания некоторых игр, которые распределены на группы в зависимости от того, какие способности они в первую очередь развивают.

Игры не менее полезны для развития ребенка и вне школы. Подскажите приемным родителям, что они добьются большего, не заставляя детей «заниматься дополнительно», а просто регулярно, раза три в неделю, играя с ними в специальные игры (или организовав игру детей между собой). Уже через полгода ребенка будет не узнать. Важно только, чтобы игра все же оставалась игрой, а не превращалась в обязательку «через не хочу». Если ребенок не настроен играть, значит, сейчас не время, или вы слишком сильно давите, а может быть, очень критично оцениваете его результаты. Самая лучшая игра – это та, от которой сам взрослый получает удовольствие и в азарте борется за победу, начисто забыв про все педагогические цели.

Учиться, учиться и учиться... А жить когда?

Мы уже говорили, какие проблемы возникают с самооценкой у ребенка, травмированного судьбой. Очень жаль, но приходится признать, что порой школьная среда создает условия не для реабилитации таких детей, а для повторной травматизации. Не потому даже, что кто-то конкретно их обижает. Дело в самой системе ценностей, на которой построена современная школа.

Недавно на встрече с педагогами одного подмосковного наукограда молодая учительница с горечью говорила, что 9-й «г» класс, в котором она классный руководитель, на субботнике – первый, праздник организовать – тоже они, помочь чем-то школе – опять они. Ребята дружные, ответственные, с интересом к жизни. Но все равно класс считается самым слабым, самым проблемным, хуже других, потому что учатся ребята так себе. Многие из неблагополучных семей, много отставших и просто не очень к учебе способных. Естественно, на уроках им неинтересно, сложно, тягостно и поведение бывает соответствующее. Вот и считает своим долгом каждый предметник лишний раз подчеркнуть, что другие классы – молодцы, а вы – отстающие. «Отстой», как говорят сами ребята, «класс на букву «г». Они уже и не очень расстраиваются, привыкли. Вроде даже бравируют званием «самого плохого класса в школе». Только любящий и знающий их учитель слышит за бравадой боль и обиду.

Этот случай очень ярко (поскольку речь идет о целом классе) показывает одну из базовых проблем нашей школы – перекошенную систему ценностей. Давайте спросим себя: в чем цель обучения детей в школе? Если «чтобы они хорошо сдали ЕГЭ», тогда, конечно, 9 «г» – хуже всех. Зато 9 «а», где никого не допросишься с доски вытереть («А почему я?»), где есть те, кого все презирают («Да он же просто тупой!»), где не могут сделать стенгазету к празднику, не переругавшись в дым, но зато все прилично пишут контрольные – наоборот, замечательный класс. И классный руководитель его – молодец.

А если все-таки цель школы – подготовить ребят к жизни? Чтобы они выросли и стали нормальными людьми, не обязательно суперуспешными с точки зрения карьеры и денег, а просто хорошими, надежными и, желательно, не одинокими? Не правда ли, картина сразу меняется «с точностью до наоборот»? Это именно по поводу 9 «а» надо срочно созывать педсовет, это их классного руководителя надо экстренно направлять на курсы повышения педагогической квалификации, а то и вообще менять. Потому что – катастрофа. Опыт, который день за днем получают ученики этого класса, не только ничем им в жизни не поможет, он закладывает патологические способы поведения, способные изуродовать любые отношения, привести к личному краху. Ведь будущему супругу или коллегам по работе в момент аврала свои результаты ЕГЭ не предъявишь... Согласитесь, за ребят из 9 «г» в этом смысле как-то спокойней. И даже с точки зрения стандартных показателей успеха еще неизвестно, кто будет впереди лет через 20 – тот, кто уже в юности мог толково организовать субботник (талантливые менеджеры – самый острый кадровый дефицит), или тот, кто в это же время зарабатывал себе невроз, повторяя, как мантру: «Если я не поступлю – это конец».

То же самое справедливо по отношению к отдельным ученикам. Вот

что пишет Джон Холт: «На днях кто-то спросил: «Почему мы ходим в школу?». Пат (девочка 10 лет) с необычным для нее жаром ответила: «Чтобы не вырасти глупыми!». Эти дети уравнивают глупость с невежеством. Не это ли они имеют в виду, называя себя глупыми? Может, это одна из причин их стыда, глубокого стыда, когда они что-то не знают?.. Нам нужно прояснить это различие детям... Ученый дурак отнюдь не редкость».

В самом деле, почему мы считаем однозначно успешным ученика, который умеет решать уравнения, но не умеет дружить? И отстающим – того, кто делает 20 ошибок в диктанте, но способен быстро разнять дерущихся (сделать «солнышко» на турнике; разобрать и собрать двигатель автомобиля; управляться с тремя младшими братьями и сестрами целый выходной; делать уколы больной собаке по графику каждые три часа, в том числе вставая ночью; починить компьютер, который сломала мама; в разговоре по телефону утешить друга, которого бросила девушка, и он всерьез собирался свести счеты с жизнью). Что мы знаем о наших детях, по какому праву судим и делим их на «успешных» и «неудачников»? Было бы неважно, что там мы себе думаем, но ведь они нам – верят. Перенимают нашу съехавшую на бок систему ценностей и только через много лет, да и то не все, могут вдруг подумать: «С чего это я себя считаю хуже других? Вроде неплохой я, все у меня в порядке: семья, друзья, любимая работа». А есть еще те, кто всю жизнь будут доказывать, что они «не хуже», не выбирая средства, но выбирая машины, галстуки и прочие «понты». И еще те, кто вдруг, лет в 35, с ужасом обнаружат, что все свои ЕГЭ-то он сдал на отлично, а вот жизни нет, смысла и счастья нет.

Бывает очень противно, когда нахальные подростки если не говорят вслух, то всем своим видом демонстрируют учителю: «Да что ты сам-то из себя представляешь? В школе работаешь? На автобусе едешь? Шмотки на рынке покупаешь? Ты за границей хоть раз был? Ничего в жизни не добился, а поучаешь. Лузер!». Можно долго сетовать на то, что наше общество мало ценит труд учителя, но сейчас я о другом. Не получаем ли мы при этом зеркально отраженный и преломленный свой собственный посыл этим детям (а еще раньше – их родителям, с которыми они нас сравнивают)? Разве не то же самое мы постоянно мысленно транслируем им, а то и вслух произносим: «Да что ты из себя представляешь? Тройки еле-еле получаешь? Элементарного не знаешь? Да ты хоть одну книжку в жизни прочитал? В дворники идти собираешься? Ни на что не способен, а воображаешь из себя. Быдло!». Узнаете? А дальше уж пусть каждый сам для себя решает – на зеркало пенять или что-нибудь с выражением своего

собственного лица сделать...

Не обесценивайте ваших учеников и их жизнь за пределами урока. Не все сводится к хорошим оценкам. Когда дети чувствуют, что учитель видит и ценит в них людей, а не строчки в журнале, они и стараться больше готовы, преодолевать «сопротивление материала», даже если способности – не очень.

Приемные родители: не бороться, а сотрудничать

Замечательно, если приемные родители вашего ученика вам нравятся. Если вы видите в них разумных, любящих, ответственных людей, с которыми можно обсуждать и решать возникающие проблемы. Но что, если нет?

Если они кажутся вам взбалмошными, или недобрыми, или легкомысленными, или инфантильными... Есть, к сожалению, такой стереотип: приемные родители ребенка-сироты должны быть идеальными, этакими Родителями с большой буквы. Молодые и здоровые, но опытные и мудрые. Успешные и процветающие, но имеющие много свободного времени на ребенка. Добрые и ласковые, но умеющие ставить границы. Все понимающие, всегда знающие, что делать, бесконечно терпеливые и всегда готовые к сотрудничеству. А если они не такие (скажу по секрету – они **всегда** не такие, потому что таких людей просто не бывает), у нас наготове праведное возмущение: и зачем только они ребенка взяли (вариант: и как только им ребенка дали?).

Никого не удивляет, что родного ребенка отводит в школу и забирает старший брат – это нормально. Если такое же происходит с приемным, наверняка найдется кому сказать: «Они спихнули ребенка на старшего сына, сами им не занимаются». Когда мы видим чумазого родного ребенка, мы думаем: «Вот поросенок, как перемазался!». Когда мы видим такого же приемного, нас посещает мысль: «Бедняжка! За ним совсем не смотрят». Если на родительское собрание не явится обычная мама – думаем: «Наверное, с работы не смогла уйти или приболела». Если приемная: «Зачем было брать ребенка, раз нет времени даже на собрание прийти, узнать, как у него дела?». А если еще вспомнить, что родители в приемной и в патронатной семье зарплату за воспитание ребенка получают...

Не всегда это произносится вслух, но подразумевается, идет фоном – почти всегда. И это очень отражается на отношении к приемным родителям соседей, знакомых, учителей, врачей, сотрудников органов опеки и даже некоторых специалистов служб семейного устройства. За этим стоит и по-человечески понятное желание окружающих компенсировать ребенку перенесенную травму по-настоящему счастливым детством с замечательными родителями, и свойственный нашему обществу перфекционизм, то есть установка «если не идеально – лучше вообще никак». Есть, что греха таить, и неосознанное стремление спихнуть

ответственность с себя на приемных родителей – мол, назвался груздем, так давай. А я еще раз напишу в дневнике: «Примите меры!».

Дело осложняется тем, что приемные родители часто сами дают поводы для недовольства. Они переживают сильный стресс, особенно в период адаптации ребенка в семье, порой совсем не имеют времени, чтобы отдохнуть и прийти в себя, у них возникает множество мелких и крупных проблем и конфликтов в собственной семье и в ближайшем окружении. Вам кажется, что самая большая проблема – то, что Вася до сих пор не знает таблицы умножения. А его приемная мама сегодня утром услышала от своего родного сына (мужа, мамы): «Выбирай – или я, или твой Васенька!». А такое в период адаптации случается, семья непросто принимает нового члена, он входит в нее со стычками и конфликтами, даже если изначально все вроде были «за». Представляете, что сейчас творится на душе у этой женщины? А вы ей – про таблицу умножения... В лучшем случае она будет отвечать невпопад и вы придете к выводу, что она какая-то странная. В худшем... Сами понимаете, человек в таком состоянии крайне болезненно воспринимает любую критику в свой адрес или в адрес ребенка, и даже спокойно высказанное замечание может вызвать эмоциональный взрыв.

Кроме того, около половины приемных родителей – люди, прежде не имевшие детей. Им особенно трудно, тем более что подготовка приемных родителей пока не стала обязательной и повсеместной. Представьте себя на их месте: им достался во многом сформировавшийся уже человек, которого они не знали с рождения, не успели к нему привыкнуть, изучить его характер, научиться понимать его. С родным-то порой ума не приложишь, что делать, а тут – кот в мешке, чужая душа – потемки. Когда еще эта душа станет родной и понятной, а сейчас родители сами бывают озадачены его поведением, сами напуганы страшными предположениями из серии «это у него гены» или «может быть, он ненормальный». Такой интенсивный курс родительства требует огромного напряжения душевных сил, что, конечно, не может не отражаться на реакциях и поведении.

Случается и так, что детей берут люди, имеющие сложности в общении и именно поэтому не обретшие в свое время семью и родных деток. Они могут быть категоричны в суждениях, слишком требовательны или, наоборот, чрезмерно мягки, зависимы, нерешительны. Конечно, им трудно справляться с ребенком, трудно ввести его в рамки, наладить контакт.

В общем, причин, по которым приемные родители вашего ученика могут вам не понравиться, очень много. Важно помнить вот что. У нас нет идеальных родителей для всех десятков тысяч детей-сирот, которым нужна семья. И ребенку гораздо лучше иметь родителей, пусть не идеальных, но готовых ему помочь, чем вообще никаких. Даже если они пропустят все родительские собрания, не купят нужный учебник, забудут проверить уроки, не успеют подготовить парадную форму к празднику, они дают ребенку так много, что мы с вами даже представить себе не можем. Поэтому давайте просто постараемся поддержать их, наладить с ними контакт и сотрудничество. Общаясь с приемными родителями, учитывайте следующее.

- Старайтесь их выслушать. Порой им очень хочется поговорить с кем-то о ребенке, посоветоваться, рассказать о своих наблюдениях. Ведь вы – педагог, а значит, авторитет, способный усилить или снизить их тревогу. Любое ваше слово особо значимо.

- Всегда отмечайте успехи и достижения ребенка, говорите о них его родителям, желательно в его присутствии.

- Не «грузите» без крайней необходимости их претензиями и замечаниями. Если ребенка отругают дома, он не станет вести себя лучше в школе.

- Не перекладывайте на них всю ответственность за поведение ребенка. Если Рома ходит по классу во время урока, это ваша проблема, а не его мамы с папой. Если Ксюша не переобувается в сменную обувь, с этим должны что-то сделать вы или администрация школы, а вовсе не Ксюшины родители. Их задача – чтобы у девочки эта обувь была приличного вида и подходящего размера. Они могут поговорить с ней, объяснить, почему важно переобуваться. Но **добиться** этого можете только вы. Школа – ваша территория, и за поведение в ней детей отвечаете вы.

- Доверяйте им, прислушивайтесь к тому, что они говорят. Все-таки родители больше времени проводят с ребенком, лучше его знают. Если они просят поддержать ребенка, а вам кажется, что его надо приструнить (или наоборот), отнеситесь очень внимательно к их словам. Возможно, им виднее.

- Любой родитель хочет быть уверен, что его дитя в безопасности, когда рядом нет папы и мамы. Дайте приемным родителям понять, что вы не позволите обижать их ребенка, что вы контролируете проявления детской агрессии и не обижаете детей сами.

- Спрашивайте, как они дома справляются с тем или иным трудным поведением, делитесь своими педагогическими находками. Согласовывайте свои цели и действия, но не пытайтесь решить все проблемы разом. Например, можно поставить задачу до конца четверти помочь ребенку научиться записывать домашние задания и всегда иметь в портфеле все, что необходимо. Обсудите, как вы будете сначала помогать ему, а потом постепенно передавать контроль ребенку и поддерживать его самостоятельность.

Приемным родителям, конечно, не нравится, когда они слышат в свой адрес: «И зачем только вы его взяли на свою голову?». Не меньше их раздражает, когда к ним относятся как к героям, «спасителям бедной сиротки». Не надо их жалеть, умиляться, восторгаться, сокрушаться. Постарайтесь увидеть в них людей, принявших важное решение и

делающих очень большую работу. Разговаривайте как коллеги, партнеры по общему делу. Ведь, в сущности, это так и есть.

Специалисты службы семейного устройства – ваши помощники

К сожалению, далеко не всегда процесс устройства ребенка в семью сопровождают специальные профессиональные службы. Часто все происходит по принципу «как получится». Но если вы знаете, что форма устройства ребенка – патронатное воспитание, значит, такая служба существует, и в ней работают специалисты, которые очень хорошо знают ребенка.

Сотрудники таких служб имеют большой опыт общения с детьми, потерявшими родную семью, глубоко понимают мотивы их поведения, знают все подробности их судьбы, а главное – любят этих детей, видят их потенциал, их ресурс. Они могут оказать вам бесценную помощь, дать конкретные советы, подсказать правильные решения, договориться о параллельной работе с ребенком детского психолога, логопеда, репетитора. Лучше всего общаться с социальным педагогом, сопровождающим ребенка. Вы можете попросить приемных родителей дать его телефон или передать ему просьбу о встрече. Дайте им понять, что вы не будете жаловаться ни на них, ни на ребенка, а просто хотите найти больше возможностей для сотрудничества. И в самом деле, не жалуйтесь – приемные родители и так всегда нервничают, находясь «под колпаком» общественного и государственного надзора, не усугубляйте их тревогу.

С другой стороны, если у вас есть серьезные основания подозревать, что ребенка в семье обижают, о нем не заботятся (к сожалению, такое порой встречается), в первую очередь надо сообщить об этом именно в службу семейного устройства. Возможно, все не так плохо и жизнь семьи удастся наладить, и с этой задачей скорее справятся сотрудники помогающей службы, чем контролирующие инстанции вроде комиссии по делам несовершеннолетних.

Если у вас возникли напряженные отношения с родительским комитетом, с коллегами, с администрацией из-за приемного ребенка, тоже стоит обратиться за помощью к соцпедагогу. Он может выступить на родительском собрании, на педсовете, поговорить с завучем или особо недовольными родителями. В ряде случаев ему как человеку со стороны, при этом представляющему интересы ребенка, бывает комфортнее вести разговор, чем вам. Кроме того, социальных педагогов этому специально обучают.

Если семья, растящая ребенка, не получает постоянной помощи от служб по семейному устройству (например, ребенок усыновлен), постарайтесь выяснить – возможно, родители по своей инициативе обращались к психологу или к психоневрологу. Тогда вам имеет смысл пообщаться с этим специалистом по телефону, поделиться своими наблюдениями и получить совет.

Не забывать о себе

На самом деле все, что говорилось о замене «плохих» технологий «хорошими» и о необходимости позитива, в равной мере относится не только к ребенку, но и к учителю. Однако поиск новых способов действий требует больших душевных сил. Здесь педагога подстерегает опасность, название которой – профессиональное выгорание, или синдром выгорания. Это состояние, которое нередко наступает у профессионалов, чья работа связана с общением, особенно с оказанием помощи: у врачей, психологов, социальных работников, педагогов. День за днем человек проводит в постоянном контакте с людьми, которые нуждаются в нем, зависят от него, которые сами часто находятся в очень тяжелом эмоциональном или физическом состоянии. Приходится иметь дело с горем, болезнью, отчаянием, страхом перед жизнью, нуждой. Через какое-то время профессионал начинает осознавать, что его ресурс сочувствия, заботы, желания что-то изменить просто исчерпан. Он больше ничего не может и не хочет. Он «выгорел».

Синдром выгорания – это состояние эмоционального истощения, защитная реакция психики человека на длительный стресс. Невозможно целыми днями – и каждый день – находиться в состоянии активного сочувствия к чужим проблемам. Рано или поздно внутри загорается тревожный маячок, который сигнализирует: «С этого момента – или ты, или они». И вот уже профессионал ловит себя на чувстве усталости даже в начале рабочего дня, на утрате всякого интереса к прежде любимой работе, на раздражении в адрес тех, кому он призван помогать. Он легко простужается, тяжело выздоравливает. Он жалуется, что стал «плохо соображать», все путает, забывает сделать важные дела. Принимая решение, как поступить в каком-то случае, он все чаще выбирает не «как правильно», а «как проще». Он действует стандартно, не пробуя ничего нового, «имитируя» сочувствие и внимание. В результате у него появляется чувство вины, сознание собственной недобросовестности, что еще больше усиливает стресс. Если в этот период он ничего не предпринимает, чтобы помочь самому себе, синдром развивается дальше.

С какого-то момента усталость сменяется злостью, раздражением. Те, кому нужна помощь, «просто бесят», они «сами во всем виноваты», им «все равно ничем не поможешь» и т. п. Человек чувствует постоянное напряжение, приходя домой, срывается на близких. Любой рядовой

рабочий или бытовой конфликт надолго выбивает его из колеи, он не спит по ночам, часами «прокручивая» в голове, что было сказано и как можно было бы ответить. Он болезненно реагирует на любую неудачу, любое замечание, ему кажется, что его не ценят, его труд плохо оплачивается (иногда это на самом деле так), его просто используют. Часто в это время приходят серьезные болезни, случаются травмы, словно где-то внутри система безопасности принимает решение: лучше пусть полежит пару месяцев в гипсе, чем свихнется совсем. Такое состояние требует экстренных мер, причем иногда человек сам уже не в состоянии осознать, что с ним происходит, ему нужна помощь близких, коллег, руководителя, психолога. Нередко на этой стадии люди принимают решение об увольнении и вообще о смене профессии.

Наконец, следующая степень развития синдрома – эмоциональное отупение, цинизм, бесчеловечность. К сожалению, каждому приходилось сталкиваться с врачами, педагогами и другими специалистами на этой стадии, которых, по-хорошему, к людям, а тем более к детям и к больным, вообще нельзя подпускать. Они решили проблему выгорания, нарастив непробиваемую броню черствости, холодного равнодушия. Формально выполняя необходимые манипуляции, они каждым жестом и словом дают понять, что не стоит даже надеяться на человеческое участие с их стороны. Эта стадия часто сопровождается злоупотреблением алкоголем или наркотиками, разрушением отношений вне профессиональной сферы.

Дело не в том, что эти люди – «плохие». Возможно, они начинали свою профессиональную деятельность совсем с другим настроением. Возможно, они сохранили чуткость и душевность в общении с друзьями и близкими. Но профессионально они достигли крайней степени выгорания и, по сути, стали профнепригодны. Очень часто человек сам мучается от своего состояния, кажется себе «отвратительным», ничто в жизни его не радует. Хорошо, если он догадается обратиться за помощью к психологу или к мудрому, опытному коллеге – выкарабкаться самостоятельно из крайних стадий выгорания очень трудно.

Вот основные симптомы, характерные для состояния выгорания.

1. Физические: постоянное чувство усталости, изменение веса; нарушение сна, одышка; тошнота, головокружение, чрезмерная потливость, повышение артериального давления; раздраженная, чувствительная кожа, частый дискомфорт в животе, головные боли.

2. Эмоциональные: чувство гиперответственности, постоянный страх, что «ничего не получится», апатия, пессимизм, ощущение беспомощности и безнадежности; агрессивность, раздражительность по пустякам; тревога,

неспособность сосредоточиться; депрессия, чувство вины; истерики, чувство одиночества, уязвимость, подозрительность, негативное видение жизненных и профессиональных перспектив («будет только хуже»).

3. Поведенческие: частые перерывы в работе из-за приступов изнеможения, отсутствие интереса к еде или, наоборот, непрерывное чувство голода, мучительное ожидание конца рабочего дня, недели; снижение физической активности, стремление избегать лишних движений, усиленное употребление кофе, табака, алкоголя, лекарств; импульсивные поступки, неожиданные и непонятные самому человеку.

4. Интеллектуальные: отсутствие интереса к новым идеям и методам в работе; стереотипность мышления, шаблонность принимаемых решений, нежелание учиться и меняться, снижение критичности при выполнении указаний и директив или, наоборот, неадекватная критичность («все не так, все идиоты»); отсутствие творческого подхода к работе, творческие поиски других коллег могут вызывать агрессию; повышенное внимание к формальной стороне дела, оформлению документов и т. п.

5. Социальные: сужение круга общения (иногда все общение происходит только на работе), падение интереса к прежним хобби и развлечениям, ощущение изоляции, непонимания со стороны окружающих, приступы «аутизма», когда физически тяжело присутствие людей, хочется «сбежать на край света», «забиться в нору».

Если вы заметили у себя некоторые из этих признаков и вам кажется, что это состояние связано именно с работой, срочно принимайте меры. Синдром выгорания очень распространен, на той или иной его стадии хоть раз побывал каждый, кто проработал с людьми более одного-двух лет. Но если профессионал достаточно внимателен к своему самочувствию и заботится о себе, если у него есть «группа поддержки» из друзей, родных, коллег-единомышленников, если у него есть свои, накопленные за жизнь ноу-хау по борьбе со стрессом, он вовремя внесет коррективы в свою жизнь. Вот что можно предпринять.

- Главное – уметь переключаться, «выбрасывать все из головы». Если просто попадания в домашнюю обстановку недостаточно, чтобы переключиться, значит, нужно добавить в свою жизнь ярких впечатлений, чаще встречаться с друзьями, интересно проводить выходные.

- Очень важна физическая активность, ведь она помогает перерабатывать гормоны стресса. Не упускайте возможности прогуляться, в быстром темпе или не спеша – в зависимости от настроения.

- Желательно овладеть техниками релаксации. Простейший прием борьбы с усталостью выглядит так (это упражнение можно делать вместе с

ребятами). Сначала нужно изо всех сил изобразить усталость – позой, звуком, прямо почувствовать, как ужасно вы устали. Побывать в состоянии полного «упадка» секунд 40–50, а затем энергично вскочить на ноги и встряхнуться.

- Откажитесь от «жестких» стимуляторов, которые в конечном итоге только усиливают усталость, прежде всего от кофе и энерготоников. Лучше пить чай или горячий шоколад, желательно употреблять витамины группы В, если нет противопоказаний – принимать адаптогены, такие как женьшень, лимонник, элеутерококк.

- Для профилактики выгорания очень важно не допускать хронического переутомления. В любой деятельности бывают авралы, но если работа по вечерам и в выходные становится для вас нормой, истощение не заставит себя ждать. Самое главное – полноценный сон, все остальные дела можно отложить.

- Профессионалу, работающему с людьми, необходима возможность побыть одному, почитать или просто подумать, помечтать в одиночестве. Работа в школе – это, кроме всего, и стрессовые шумовые нагрузки. Поэтому не стоит отдыхать с включенным телевизором – ваши нервы нуждаются в тишине.

- Если ваша усталость вызвана проблемами со сложными детьми, очень важно находить время для общения с учениками, которые вам нравятся, которые радуют вас своими успехами, поднимают настроение. Это поможет избежать депрессивного видения своей работы как «безнадежных усилий среди сплошь безнадежных детей».

- Постарайтесь отделить главное от второстепенного и не тратить много сил и нервов на менее важные дела. Пусть лучше планы уроков будут написаны «средненько», но у вас останутся силы на то, чтобы улыбаться детям.

- Устраивайте себе «тайм-ауты», маленькие перерывы еще до того, как навалится невыносимая усталость. Всегда можно провести короткую самостоятельную работу и попросить ребят проверить друг друга. Им полезно, а вам – передышка.

- Иногда имеет смысл временно снизить нагрузку, получить дополнительный выходной, взять небольшой отпуск и провести его со своей семьей.

- Не стесняйтесь рассказать о своем состоянии коллегам и руководству, попросить по возможности перенести стрессовые мероприятия вроде открытых уроков на несколько недель, чтобы вы могли восстановиться. Если это невозможно, настройте себя на то, что сейчас вы не будете

волноваться из-за результатов проверки. Вам важно сохранить свое здоровье и психику, а также отношения с ребятами, а проблемы с методистами вы решите как-нибудь позже.

- Очень важно! Не забывайте хвалить не только своих учеников, но и себя, рассказывать коллегам или домашним о своих профессиональных успехах. Ведите дневник или блог в Интернете – в последнем случае вы сможете еще и получать поддержку от своих читателей.

Известно, что меньше подвержены риску выгорания профессионалы, для которых их работа важна на ценностном уровне. Есть известная притча: трех каменщиков спросили, что они делают. Первый ответил: «Кладу камни», второй – «Зарабатываю на жизнь для своей семьи», а третий – «Строю прекрасный храм». Так вот, меньше всего риска «выгореть» как раз у третьего. Осознание смысла своей деятельности, ее значимости придает сил и позволяет снова и снова, как Феникс, возрождаться из пепла выгорания. Как раз педагогу это сделать гораздо проще, чем каменщику.

И напоследок...

Рассматривая множество примеров и историй конкретных детей, мы уже говорили о том, как можно вести себя в том или ином случае, чтобы изменить поведение ребенка к лучшему. У вас наверняка появились свои, не менее интересные и действенные способы, и появятся еще. Не поможет одно, значит, сработает другое. Хочется напоследок «собрать в кучку» несколько основных принципов, помнить о которых важно в любой ситуации.

- Взрослые любят общаться с детьми с помощью косвенных речевых актов. То есть вместо того, чтобы сказать: «Перестань стучать ручкой по парте», мы говорим: «И долго еще ты будешь испытывать мое терпение?». Это кажется нам более остроумным или более вежливым. Однако ребенку, который не успел адаптироваться, или просто с обедненным в силу обстоятельств опытом общения, такие «тонкости» просто непонятны. Он чувствует, что мы им недовольны, но не сразу может сообразить, почему. Лучше сказать ясно: «Пожалуйста, перестань стучать, мне это мешает». Кроме того, именно косвенные речевые акты порой звучат с оттенком «наезда». Поэтому вместо фразы: «Сколько можно ждать, пока ты, наконец, обратишь на меня внимание?» всегда лучше сказать: «Посмотри на меня, я хочу, чтобы ты меня услышал».

- Предъявляйте претензии ребенку всегда конкретно и в соответствии с реальным положением дел. Обвинения вроде «Ты никогда не работаешь на уроке» или «У тебя вечно находятся причины ничего не делать» никого не побудят лучше стараться, поскольку они абсурдны и заведомо несправедливы. Невозможно представить себе ученика, который действительно **никогда** не работает на уроке. Говорите о том, что происходило на самом деле: «Сегодня на уроке ты болтал с Мишей и успел сделать только два задания из четырех».

- Очень важно, чтобы одобрение было не менее значимой частью вашего общения с детьми, чем замечания. Нам часто кажется, что все хорошее – это просто норма, так и должно быть, а все, что не так, непременно следует отметить. В результате, согласно подсчетам, на одну похвалу каждый ребенок слышит от 5 до 15 замечаний. Между тем если сегодня он **не** опоздал или **не** подрался (как обычно), за этим тоже стоит большой труд, немалое усилие самоконтроля. Заметьте и похвалите. Тоже конкретно и точно – чтобы ребенок имел представление, что именно вам

понравилось, и мог повторить это «на бис».

- Никто не согласится отказаться от пусть не самого лучшего, но более-менее действенного средства достижения целей, пока не получит в свое распоряжение другое. Поэтому важно всегда, осуждая один тип поведения, тут же предлагать другой. Иногда это можно сделать без слов – например, удержать руку драчуна или обнять плачущего в уголке ребенка. Тогда смысл полученных им инструкций будет такой: в первом случае – «сдержись, возьми себя в руки так, как я сейчас беру тебя», во втором – «если тебе плохо, обратись к другим людям за утешением, они поддержат тебя так, как сейчас это делаю я».

- Бывает, вам сразу не приходит в голову, какой «хороший» способ поведения предложить ребенку. Тогда скажите: «Лена, давай уже что-нибудь с тобой предпримем, чтобы избавиться от этих «двоек». Задержись после урока, подумаем, что можно сделать».

- Помните, что учеба – важное, но не единственное содержание жизни ребенка. Чтобы он мог выйти в жизнь, ему нужно не только освоить школьную программу, но и научиться общаться. Поэтому успех в отношениях со сверстниками для него не менее важен, чем успешная учеба. Обратите внимание, умеют ли дети в вашем классе сотрудничать, мирно разрешать конфликты, помогать друг другу. Убедитесь, что вы не поощряете ненароком ябедничество, нездоровую конкуренцию, высокомерие, агрессию, отвержение слабых и непохожих. К сожалению, в наших школах до сих пор практикуются такие методы «педагогического воздействия», как зачитывание в классе чьей-то неудачной работы, издевательские комментарии к ответу, саркастические прогнозы на будущее («будешь дворником»), публичное обсуждение недостатков учеников и сравнение их между собой. Польза от всего этого для учебного процесса весьма сомнительна, а вред для развития личности детей – несомненен.

- Жизнь не кончается сегодня. Если сегодня ребенок не знает, не хочет, не может, это вовсе не означает, что так будет всегда. Если сегодня ему необходима ваша помощь, ваше особое внимание, это не значит, что вам придется вечно его опекать. Страхи «не очень-то помогать, а то привыкнет» часто абсурдны. Если следовать этой логике, не нужно переводить трехлетнего ребенка за руку через дорогу – а то привыкнет и никогда не научится переходить сам. Дети растут и меняются, порой до неузнаваемости. «Неисправимый» шалопай может классе в десятом вдруг взяться за ум и начать грызть гранит науки, и таких примеров множество. Главное, чтобы к тому моменту, когда ребенок будет готов измениться к лучшему, отношения между вами не были безнадежно испорчены, а на ребенка не был повешен ярлык «безнадежного».

- Дети очень чутко воспринимают внутреннее эмоциональное состояние взрослого. Если вы их боитесь, они будут садиться на шею. Если вы их не любите, они будут обижаться и мстить. Если вы на них злитесь, они будут меряться с вами силами. Никогда не говорите, даже себе: «Он неуправляемый» или «Я не могу с ним справиться». Лучше: «Я пока не нашел способ, как помочь ему изменить поведение». почаще напоминайте себе, что хозяин в классе – это вы, взрослый и опытный человек, а они – дети, которые будут вести себя так, как вы их научите.

И напоследок... Несмотря на все, что тут написано, не переживайте

слишком сильно. Не все в деле воспитания зависит от нас. Мы можем только любить детей, стараться понять их и помогать им, а результат гарантировать не можем. Хорошо это или плохо? Как посмотреть. Порой мы вроде бы все делаем правильно, а ребенок вырастает и не может справиться со своей жизнью. Грустно, конечно, но у этой «медали» есть и обратная сторона. Ведь тогда получается, что мы можем очень многое делать неправильно, а ребенок все равно вырастет хорошим и счастливым. И помянет нас потом добрым словом в своей Нобелевской лекции. Ну, или хоть не в лекции, а так... Пусть даже и не помянет, а просто все у него будет хорошо...

Давайте верить, что именно так все и будет.

Приложения

Приложение 1. 15 мифов о детях из детского дома

Мифы и стереотипы о детдомовских детях прочно вошли в общественное сознание. Они пугают потенциальных приемных родителей, поддерживают негативное отношение в обществе и к приемным семьям, и к детям, оставшимся без родительского попечения. Им подвержены и обычные люди, и специалисты, и представители власти. Чтобы бороться с мифами, их надо знать. Давайте разберемся с ними вместе!

1. «Это не имеет ко мне отношения»

В советские времена проблема сиротства решалась методом «с глаз долой – из сердца (головой, совести) вон». Для детей, оставшихся без родителей, строились закрытые учреждения за высоким забором или вообще за городской чертой, со своей школой, своими врачами, своим досугом. На улицах городов дети появлялись очень редко, только строем, по дороге в зоопарк. Пресса о них писала мало, а выросшие детдомовцы о своем детстве лишней раз не упоминали. В результате проблема детей-сирот стала «виртуальной»: все слышали, что они где-то есть, но толком их никто не видел. Как-то там о них государство заботится, и ладно.

Между тем детей в российских сиротских учреждениях – около 200 тысяч. Еще более миллиона детей беспризорных и безнадзорных, то есть тех, чье попадание в учреждение – лишь вопрос времени. А ведь это почти один процент населения страны!

2. «Главное – сироту хорошо обеспечить»

Бывают времена, когда это действительно главное, потому что иначе ребенок не выживет. Но одних только материальных благ явно недостаточно. Даже в хорошо обеспеченном детском доме ребенок не получает чувства защищенности, которое дает семья. Более того, жизнь на «казенных харчах» оказывает ребенку «медвежью услугу». Он вырастает в убеждении, что белье само становится чистым, картошка всегда порезана и пожарена, а чай – уже с сахаром. Дети не только не участвуют в ежедневном труде по обеспечению быта, который является неотъемлемой частью жизни любой семьи, но даже и не могут наблюдать за ним. Сама система детского учреждения выстроена так, что растит потребителя (а

иначе организовать содержание под одной крышей сотни детей просто невозможно). В результате выход в самостоятельную жизнь становится для ребенка шоком. Он просто не умеет добывать даже элементарные блага самостоятельно.

К сожалению, позицию потребителя укрепляет и неумелая благотворительность, заваливание детей подарками и игрушками к праздникам. Это приучает детдомовских детей к мысли: «Раз мы такие несчастные, нам все должны». Юноша, вышедший в жизнь с подобным убеждением, – находка для криминальных структур. Детям нужны не столько вещи, сколько отношения – прочные и близкие. Только это дает им устойчивость в мире и силы жить.

3. «Воспитание в коллективе – то, что нужно детям»

Этот миф возник в результате весьма странного переосмысления советской педагогикой опыта А.С. Макаренко. Безусловно, когда население рассматривается как собственность государства, а люди – как «винтики» гигантского механизма, коллективное воспитание – очень привлекательная идея. Человек, не защищенный семьей, ее ценностями и поддержкой, – идеальный «винтик». Он безоглядно предан сообществу, заменившему ему семью, потому что больше у него никого нет. Пойти против коллектива означает полное одиночество, которое страшнее, чем смерть.

Вот только результаты советской системы коллективного воспитания были гораздо хуже, чем у Макаренко. Почему? Очень просто: самым младшим его воспитанникам было 12–13 лет, а большинству – 15–18.

То есть все детство до подросткового возраста они были обычными семейными детьми, которых любили, о которых заботились, и лишь трагические обстоятельства гражданской войны сделали их на несколько лет беспризорными. Детское учреждение помогло им не пропасть, не попасть под дурное влияние, выучиться. Семью оно не заменяло и не должно было – ведь семейный опыт у детей уже был. Социальные сироты – совсем другое дело. Это дети, пострадавшие от собственных родителей или вообще их никогда не видевшие. Часто это дети очень маленькие, которым до опыта отношений с коллективом сверстников необходим опыт отношений со значимыми взрослыми, а его казенный дом дать не может. После воспитания в учреждении они оказываются неспособны создавать семьи и растить детей – они просто не знают, как это делается.

Чего уж точно не было в опыте Макаренко – это потребительства. Его

воспитанники все блага, сверх самых необходимых, зарабатывали сами, сами принимали решения, планировали свою деятельность и отвечали за нее. Это то, что действительно было бы полезно и сегодняшним подросткам, особенно с трудным поведением. Но какие же чиновники такое разрешат – чтобы дети все сами решали и делали?

Коллективное воспитание не может помочь детям сиротам в главном: получить опыт нормальной семейной жизни. А в том, в чем могло бы помочь: получить опыт управления своей жизнью в сообществе – в реальности не используется. Много лишенных самостоятельности детей под одной крышей – это не коллективное воспитание, а казенный дом.

4. «Дети-сироты – это объекты»

Дети – это то, с чем надо что-то делать, что может быть передано, выбрано, взято, размещено. Объекты заботы, объекты купли-продажи. Миф этот, конечно, неявный, никто никогда вслух такого не скажет. Но проявления его широки и разнообразны. Это и выступления противников иностранного усыновления, озабоченных «разбазариванием генофонда», однозначно воспринимающих детей как собственность государства. Это и кампании «по борьбе с сиротством и беспризорностью», приуроченные к датам и сводящиеся к «заметанию мусора (фактически – детей) под ковер». Это и практика бездумного перемещения детей из учреждения в учреждение, неоправданных изъятий из семей. Это, к сожалению, целая система коррупции, прямой торговли детьми-сиротами. Это принятие решения о помещении ребенка в семью на основании одних лишь бумажек. Это, наконец, настрой некоторых потенциальных приемных родителей «выбрать что попримичней», проявить бдительность, чтобы не «подсунули некачественное».

И вот ребенка передают, выбирают, берут, размещают. Для него травматичный опыт потери семьи подкрепляется опытом щепки, кидаемой по воле волн. От щепки ничего не зависит, да и вообще ее отношением к происходящему никто не интересуется. Стоит ли удивляться, что потом дети не в состоянии строить свою жизнь, отвечать за себя?

Дети – не объекты, они живые люди со своей волей, своими ценностями, интересами. Да, они пока несамодостаточны, они нуждаются во взрослых. И у взрослых есть выбор: действовать и принимать решения в интересах ребенка, для чего надо вникнуть в ситуацию и осознать эти интересы, или делать так, как удобно (нехлопотно, выгодно, понятно,

привычно) самим взрослым. А детям нужны не «показатели успешности работы», а просто нормальное детство, свой дом и близкие люди.

5. «Желающих взять детей из детского дома очень мало»

В самом деле, детей в детдомах – около 200 тысяч, а усыновляют лишь 7 тысяч в год. Почему?

Чиновники любят говорить, что люди у нас «бездуховные» (в отличие от иностранных усыновителей, с которыми эти чиновники предпочитают иметь дело – по причинам, весьма далеким от духовности), и потому детей не берут. Еще одно объяснение – детей не берут из-за бедности и нехватки жилплощади. На самом деле это не так. Желающих взять ребенка (и что-то уже начавших делать) в нашей стране очень много. А тех, кто только задумывается об этом шаге, – во много раз больше. Ведь только бездетных пар в России несколько миллионов. Если хотя бы одна из десяти захочет взять ребенка, детдома опустеют. А ведь хотят пополнить семью и помочь ребенку далеко не только бездетные.

Почему же не берут? Потому что нет пока развитой системы активного и целенаправленного семейного устройства детей. Органы опеки или сотрудники банка данных работают только в режиме реагирования: отвечают на запросы семей. Никто приемных родителей специально не ищет, не готовит, не помогает им. Между тем опыт экспериментальных площадок в разных регионах страны показывает: при наличии профессиональной работы по семейному устройству практически все дети из учреждений могут быть успешно устроены в семьи. Нужно просто этим заниматься!

6. «Все детдомовцы больные и ненормальные»

К сожалению, такое приходится слышать даже от работников органов опеки. В самом деле, крайне редко в медицинской карте детдомовского ребенка записано «практически здоров», практически все дети имеют социально-педагогическую запущенность, нарушения развития речи, многие – задержку психического развития (ЗПР). Почти у всех детей наблюдаются невротические реакции, высокая тревожность, агрессивность, неконтактность, часто встречаются энурез, нейродермиты, гастриты и прочие психосоматические заболевания.

Причина такого состояния детей – вовсе не дурные гены, а опыт

эмоциональной депривации. Это опыт одиночества и никому ненужности в домах ребенка, опыт пренебрежения и жестокого обращения со стороны собственных родителей, опыт потери своей семьи, состояние полной неопределенности в жизни.

Когда ребенок семи лет непрерывно сосет палец или чуть что – садится на пол и начинает раскачиваться из стороны в сторону, не реагируя на уговоры, это выглядит пугающе. Но действительно страшно не это, а то, что за спиной у такого ребенка – тысячи одиноких ночей, когда никто не уговаривал, никто не укачивал и ему приходилось успокаиваться самому, как мог. Другой пример: ребенок-сирота не хочет учиться. Слушает и как будто не слышит, не понимает элементарных вещей. Гены? Патология? А что бывает с взрослыми благополучными людьми после стихийных бедствий, терактов, потери близких? Способны они после жизненных катастроф проявлять любознательность, быть внимательными и сосредоточенными? Между тем, у ребенка, изъятых из семьи, произошла во внутреннем мире катастрофа еще большая. Ведь у него нет жизненного опыта, нет других точек опоры (друзей, работы), весь его мир рухнул. А с него требуют знания таблицы умножения.

Получается, что это не ребенок ненормальный – это жизнь у него сложилась ненормально. И все его расстройства здоровья и поведения – это *нормальная реакция на ненормальные обстоятельства*. Отсюда следует очень важный вывод: наладится жизнь – и все у него наладится. Всякий ребенок хочет жить, расти и развиваться. Когда он увидит и поверит, что можно, что его любят, за него «болеют», он обязательно постарается наверстать упущенное. И опыт семейного устройства это подтверждает: через год-два жизни в любящей, заботливой семье ребенок буквально расцветает. Он быстро растет, узнает много нового, у него проходят даже застарелые хронические болезни.

7. «Главная опасность – гены»

Если раньше этот стереотип ограничивался простонародным «Яблоко от яблони недалеко падает», то сегодня все знают о существовании генов, которые задают некую программу, предопределяющую в человеке очень многое (хотя что именно, неспециалисты не знают). И возникает закономерный вопрос: какой смысл стараться, вкладывать в ребенка силы и душу, если гены не изменишь и ему «на роду написано» стать алкоголиком или проституткой, как его кровные родители? Поскольку повлиять на гены

невозможно, возникает сильнейшая тревога и одновременно удобный способ объяснить все связанные с ребенком трудности: «это не мы не справляемся, это у него гены такие».

Генетически обусловленные качества человека действительно есть, и не стоит питать иллюзий, что ребенка можно полностью «перекроить под себя». Это приведет к жестокому разочарованию и обиде на ребенка, который обманул ожидания, оказался «не тем». Есть особенности, которые действительно во многом определяются генами, например темперамент или математические способности. Важно, чтобы приемные родители были готовы признать и принять это. (Впрочем, эта задача актуальна и для обычных родителей – ведь в их ребенке соединяются гены многих родственников, и порой не совсем те, которые были бы приятны папе или маме.)

Но гены не влияют на такие качества человека, как честность, доброта, на его способность любить, быть счастливым. Здесь все зависит от любящей семьи и от выбора самого человека. Так, генетически может быть задан такой обмен веществ, который облегчает возникновение алкогольной зависимости. Но такая генетическая предрасположенность есть у многих жителей России. Однако большинство людей алкоголиками не становятся, хотя спиртное продается на каждом углу. Почему? Потому что у них есть интересы, работа, любимые, дети и беспробудно пить им просто незачем. Гены определяют лишь скорость возникновения зависимости, если человек начнет пить. А выбор, начать пить или нет, делает сам человек, и он во многом определяется тем, есть ли у человека в жизни поддержка, есть ли за спиной «крепкий тыл» – любящая семья.

Если приемная семья будет жить в страхе перед «генами», в любом проявлении ребенка высматривая зачатки «аморального образа жизни» («криминальные задатки», «безвольность и зависимость»), то возникнет ситуация самосбывающегося пророчества. Ребенок, в которого не верили, от которого ждали худшего, будет вынужден (если он послушен) подчиниться ожиданиям либо (если он упрям) утрировать в своем поведении черты, пугающие приемных родителей. Результат будет один и тот же.

8. «Детей из детдома берут только те, у кого своих нет»

То есть приемный ребенок понимается как последняя возможность для людей, которым «правильным» способом стать родителями не удалось. На

самом деле это совсем не так. В мировой практике большинство приемных родителей – люди, уже имеющие детей, в практике российских профессиональных служб по семейному устройству детей их примерно 50 %.

Этот миф заставляет воспринимать приемную семью как «ущербную», что подталкивает родителей к сокрытию «неправильного» происхождения своего ребенка, соблюдению тайны усыновления. В результате нарушаются отношения внутри семьи, наносится дополнительная травма супругу, с которым связана бездетность пары. Как только ребенок доставляет неприятности, этот супруг чувствует себя особенно виноватым («родной ребенок так бы не сделал»), что, конечно, не добавляет ему уверенности и способности справляться с трудным поведением ребенка. Таким образом, получается самоподтверждающийся прогноз: исходя из предпосылки, что приемный ребенок – это «суррогат», у которым по определению «все не то», сами приемные родители вольно или невольно ведут себя так, что проблемы ребенка усугубляются, и в результате действительно получается «не то».

Миф этот вреден еще и тем, что мешает семьям, имеющим детей, задуматься о принятии ребенка, ведь это «только для бездетных». Между тем именно они могли бы стать прекрасными приемными родителями, поскольку опыт позволит им меньше беспокоиться и получать больше радости от общения с ребенком.

В мире все больше крепнет убеждение, что *брать детей в семью – нормально*, в этом нет ничего особенного (ни постыдного, ни героического), это обычное человеческое дело. Именно в тех странах, где так считают, детских домов нет и в помине.

9. «Никто не должен знать!»

Речь идет о пресловутой тайне усыновления. Этот стереотип даже закреплен законодательно. За этой нормой закона стоит, по сути, уверенность, что, если гражданам строго не запретить, они буквально затравят сироту и его приемную семью (которая опять же видится как ущербная). А также убеждение, что не знать о своем реальном происхождении для ребенка – благо. Ни первое, ни второе не подтверждается мировым опытом. Не случайно такой законодательной нормы нет почти нигде. Для защиты интересов ребенка вполне достаточно соблюдения профессиональных этических норм, среди которых –

неразглашение информации всеми специалистами, имеющими отношение к судьбе ребенка.

Тайна усыновления приносит намного больше страданий детям и семьям, чем гипотетические ситуации «соседи скажут», «ребята задразнят». Потому что эта тайна – бомба замедленного действия внутри самой семьи. К неискренности и напряжению между самыми близкими людьми ребенок гораздо более восприимчив, чем к предполагаемой агрессии, пусть даже грубой, со стороны посторонних. При выяснении правды – а это происходит почти всегда – главной травмой для ребенка оказывается не то, что он не родной, а то, что ему столько лет лгали. Соккрытие от самого ребенка истины о его прошлом есть не что иное, как нарушение его прав, а вовсе не защита его интересов, и дети это прекрасно понимают.

10. «Никаких кровных родственников, лучший вариант – круглая сирота»

Как показывает опыт работы, дети, не имевшие вообще никакого опыта жизни в семье, пусть и не самой благополучной, – наиболее пострадавшие. Ребенку, у которого нет никого на свете, почти невозможно преодолеть всепоглощающее чувство тревоги, а это очень мешает его развитию. Опыт семейной жизни, наличие родственников, воспоминания о прошлом в родительском доме являются ресурсом для ребенка, его опорой и залогом более успешного развития. Самые «легкие» приемные дети – те, кто сохраняют близкие, хорошие отношения с кем-то из кровной семьи, к кому-то привязаны, знают, что у них есть кто-то родной.

Если речь идет о ребенке, который совсем маленьким потерял связь с кровными родителями, в подростковом возрасте для него может стать важным хотя бы попытаться эту связь восстановить. Если приемные родители не препятствуют его попыткам найти родителей или встретиться с родственниками (при условии безопасности для жизни и здоровья ребенка), поддерживают его в таком стремлении, это очень хорошо сказывается на их отношениях с ребенком и на его развитии. Он становится более спокойным, открытым, более реалистично и ответственно подходит к планированию собственного будущего (в том числе и за счет утраты иллюзий «А на самом деле моя мама – кинозвезда, просто я потерялся»).

11. «Лучше взять очень маленького, тогда будет как свой»

Стремление взять маленького ребенка может быть вполне оправданным: например, пара, никогда не имевшая детей, хочет насладиться всеми этапами родительства, «понянчиться». К тому же маленьких очень жалко, их хочется поскорее забрать из казенного дома.

Но в целом стереотип «только маленького» – один из самых вредных для семейного устройства. Детей старше 5-6 лет это предубеждение обрекает на жизнь в казенном учреждении. К семи годам ребенок, которого переводят из дошкольного детдома в интернат, уже вполне осознает, что у него шансов нет и за ним никогда не придут. Неужели его меньше жалко, чем младенца?

Между тем тысячи семей и детей, вышедших из младенческого возраста, могут найти друг друга и быть счастливыми. Кроме того, есть категории потенциальных приемных родителей (например, люди предпенсионного возраста или семьи с маленькими детьми), которым не стоит брать в семью младенца, но они бы замечательно справились с воспитанием младшего школьника или подростка.

Опыт показывает, что возраст ребенка (как и пол) – далеко не самая важная характеристика, определяющая успешность его устройства в семью. Трехлетний ребенок с опытом тяжелой эмоциональной депривации, с рождения живущий в казенном учреждении, может быть гораздо более проблемным, чем десятилетний, живший в семье, которая постепенно спивалась, но вместе с тем как-то любила и заботилась.

12. «Полюбить, как родного»

Полюбить приемного ребенка так же сильно и безусловно, как любят родных детей, – это замечательно, разве не за этим и берут его в семью? Проблемой этот миф становится тогда, когда за ним прячется осознанное или не очень желание приемных родителей «присвоить» ребенка, дать ему другую фамилию, имя, стереть из его памяти прошлое, прервать все связи, относящиеся к другой семье, словом, «забыть», что ребенок приемный. Ребенок без опыта, без других привязанностей, без воспоминаний кажется очень удобным для признания «совсем родным». «Присвоение» ребенка является, по опыту, одной из главных причин неудач и даже трагедий приемных семей. Убедив себя, что ребенок «совсем как родной», родители становятся менее терпимы ко всему, в чем ребенок не похож на них самих или на их ожидания. При этом они все равно помнят, что он не родной, а «как» родной, и ведут себя неуверенно, тревожно. Когда он становится

подростком, родители оказываются беспомощны перед его кризисом идентичности, боятся его отделения от семьи. Они отрицают право ребенка на знание своих корней, на интерес к своему происхождению, воспринимают такой интерес как предательство, неблагодарность, в результате отношения с подростком портятся окончательно. Те семьи, в которых ребенок открыто осознается как приемный (при этом любимый, близкий, дорогой), чувствуют себя гораздо спокойнее и все у них складывается лучше.

13. «Ребенок будет нам благодарен»

Приемные родители, которые на это надеются, бывают неприятно удивлены, никакой благодарности от ребенка не получая. Но ведь благодарность – очень сложное чувство, которое формируется почти к самому концу детства (а у многих и во взрослом возрасте бывает не сформировано). Маленький ребенок все происходящее с ним принимает как должное, он не может мыслить в сослагательном наклонении («что было бы, если...»). Кстати, именно обида на неблагодарность нередко заставляет родителей нарушить тайну усыновления: возмущенные поведением подросшего ребенка, они в запальчивости «предъявляют счет»... Даже если этого не происходит, текст, близкий к известному высказыванию кота Матроскина: «На помойке нашли, отмыли, накормили, а он нам фигамы строит», – родитель много раз произносит про себя. Чувствуя это, дети никакой благодарности не испытывают, а совсем наоборот. По-настоящему благодарны приемным родителям (уже во взрослом возрасте, конечно) бывают те дети, которым позволяли быть самими собой и от которых благодарности не ожидали, наоборот, родители считали, что дети принесли им много радости и новый опыт.

14. «Взять ребенка – значит усыновить»

А усыновить – трудно и страшно, и потому лучше вообще не пытаться. Ведь усыновить – значит полностью взять на себя ответственность за решение всех возможных проблем со здоровьем, развитием, учебой, содержанием ребенка. Не всякой семье это по силам.

Долгое время другие формы устройства практически не развивались, ситуация изменилась лишь в последнее десятилетие. Стала шире использоваться неродственная опека, активно развивается патронатное

воспитание. Последнее предполагает, что в заботах о ребенке семья не остается одинокой, она постоянно может рассчитывать на помощь со стороны службы по устройству детей. Уже на стадии принятия решения семья взаимодействует со специалистами, проходит подготовку, может обсудить свои сомнения и тревоги.

Нет и не может быть формы семейного устройства, которая была бы лучше или хуже остальных. Все они дают разные возможности ребенку и приемной семье, их нужно знать и выбирать форму устройства, исходя из интересов ребенка и семьи и с учетом всех обстоятельств.

15. «Главное – полюбить ребенка, и тогда все получится»

Полюбить ребенка, конечно, очень важно, но, увы, недостаточно. Как показывает опыт, одной любви недостаточно и в отношениях с родными детьми. Не случайно многие современные родители читают книги по воспитанию, советуются со специалистами. С ребенком же приемным, то есть не имеющим врожденной связи с родителями, незнакомым, часто непонятым, тем более нужны помощь, знания, подготовка. Пройдет немало времени, пока приемные родители начнут понимать его «с полуслова». А может быть, и не начнут, поскольку в жизни этого ребенка было такое, чего обычные люди и представить себе не могут: насилие, жестокость, полное одиночество. Ни педагогическое образование, ни даже опыт воспитания детей, но обычных, семейных, сплошь и рядом не помогут родителям понять, почему приемный ребенок ведет себя именно так. Есть вещи, которые знает только профессионал, и ситуации, в которых должен приходить на помощь специалист.

Поэтому нет смысла просто «раздавать» детей из детских домов, не предоставляя при этом помощь и поддержку приемной семье. Ведь если семья не справится и вернет ребенка, он будет в еще большем отчаянии, чем раньше, а все окружающие лишь утвердятся в мнении, что «эта затея никогда ничем хорошим не кончается». Достаточно сравнить цифры: 25 % приемных родителей, не имеющих подготовки и сопровождения службы семейного устройства, возвращают детей в сиротские учреждения, и только 8 % – при наличии такой системы. А ведь это не просто проценты, это судьбы детей и взрослых, их счастье или несчастье.

Семья, взявшая ребенка из детского дома, решает не только свои проблемы. Она помогает ребенку, помогает государству, помогает обществу. И вправе, в свою очередь, рассчитывать на помощь и поддержку.

* * *

Наверное, самый опасный миф в любом общественном деле звучит так: «Все равно ничего не поделаешь». Опыт многих семей доказывает, это не так. В большинстве стран нет детских домов, и в России их может не быть, потому что наши дети не меньше заслуживают любви и заботы, наши семьи не меньше способны любить и заботиться.

Приложение 2. Формы устройства детей в семью

На сегодняшний день в России используются разные формы семейного устройства детей, оставшихся без родителей, и разобраться, чем они отличаются друг от друга, неспециалисту бывает непросто. Здесь я кратко опишу их особенности, чуть подробнее постараюсь рассказать о мало пока известных формах профессионального родительства. Важно иметь в виду вот что: поскольку система семейного устройства еще толком не сложилась, форма, на которую берет ребенка конкретная семья, часто определяется вовсе не желанием родителей и даже, к сожалению, не интересами ребенка, а неким стечением обстоятельств. Например, в данном регионе сейчас «развивают» (читай – продвигают) именно эту форму, учреждение, где находится ребенок, работает по определенной модели и т. д.

Все это вполне естественно для стадии становления, которую сейчас проходит семейное устройство сирот, поэтому не стоит задаваться вопросами вроде «а почему его не усыновили» или «зачем они оформили приемную семью – денег хотят?». Чаще всего семья берет ребенка на ту форму, на которую оказывается – опять-таки в силу обстоятельств – проще взять данного конкретного ребенка в данном конкретном учреждении. Все остальные соображения учитываются во вторую очередь. Хотя, конечно, многие семьи предпочитают те формы устройства, которые предусматривают подготовку принимающей семьи, дальнейшую помощь родителям и ребенку со стороны специалистов и сохранение за ребенком льгот.

Усыновление

При усыновлении приемный ребенок с правовой точки зрения полностью приравнивается к родному. Усыновители могут дать ему новые имя и фамилию, сменить дату рождения в документах и имеют право сохранять в тайне, что ребенок приемный. При этом ребенок теряет все пособия и льготы, положенные ему как сироте^[10], а семья не получает никакой дополнительной поддержки от государства, все возникающие проблемы родители решают сами.

Процедура усыновления несколько более сложная, чем, например, взятия под опеку, поскольку законом предусмотрены определенные

ограничения по возрасту и уровню дохода семей, ребенок должен иметь статус, подходящий для усыновления, а решение о передаче ребенка на усыновление принимает только суд.

Опека и попечительство

Чаще всего опекунами становятся родственники ребенка или другие близкие люди (друзья семьи, соседи). Однако в последние годы бурно развивается неродственная опека: по мере того как тайна усыновления перестает быть значимой для принимающих семей, очень многие делают выбор между усыновлением и опекой в пользу последней, поскольку процедура оформления проще и помощи больше.

Становясь опекуном ребенка, человек берет на себя всю ответственность за него, его жизнь, здоровье, воспитание и обучение, защиту его прав и интересов. Опекун обязан проживать вместе с ребенком. За ребенком сохраняются сиротские выплаты и льготы, опекун получает пособие на ребенка, за ребенком сохраняется его жилплощадь или, при отсутствии таковой, право на получение квартиры после достижения совершеннолетия^[11].

Опекун может рассчитывать на помощь в организации обучения, отдыха и лечения ребенка, но отстаивать эти и все другие права ребенка, ходить по инстанциям, оформлять документы опекуну приходится самому. Процесс воспитания ребенка контролируется органами опеки и попечительства, которые имеют право посещать семью, интересоваться расходованием средств, полученных на ребенка. Важно, что ребенок, живущий под опекой, имеет возможность сохранять связи со своими кровными родственниками, если это не противоречит его безопасности.

Формы профессиональной семейной заботы: семейная воспитательная группа, патронатное воспитание

Все эти формы предусматривают, что человек не просто берет ребенка как члена своей семьи, а заключает договор о воспитании ребенка у себя дома, берет на себя определенные профессиональные обязательства. То есть, по сути, это надомная работа по воспитанию ребенка-сироты. Воспитатель получает не только пособие на ребенка, но и небольшую заработную плату, иногда льготы (по оплате жилья, проезду в транспорте и т. д.), ему идет трудовой стаж, производятся пенсионные начисления.

Теоретически он даже имеет право на выходные, отпуск и больничный, но на практике не очень понятно, как его реализовать – ребенок-то вот он, и им надо заниматься все время.

Поскольку, к сожалению, до сих пор нет внятного описания профессионального родительства в федеральном законодательстве, в разных регионах действуют свои законы, часто существенно различающиеся, – где-то активнее развивается одна форма, где-то другая. В некоторых регионах эти формы развиваются очень хорошо, в других им всячески препятствуют.

Все главные особенности профессиональной семейной заботы я постараюсь описать на примере патронатного воспитания.

Историческая справка

В нашей стране идея патроната имеет давнюю историю, впервые сирот стали устраивать в семьи при поддержке государства еще при Екатерине II. Благодаря патронату нашли семью и многие сироты после Великой Отечественной войны. Патронатное воспитание в современном виде возникло в странах Запада (там это называется «фостеровское воспитание») тогда, когда социальные службы столкнулись с проблемой массового социального сиротства. Социальные сироты, дети из неблагополучных семей, имеют свои особенности. Им не всегда могут помочь приемные семьи «традиционного» типа, то есть бездетные пары, желающие взять малыша-сироту, у которого погибли родители, и «полюбить, как родного». Чтобы растить ребенка, выросшего в пренебрежении, или брошенного, или перенесшего насилие, нужны специальные знания и постоянная помощь. Государство не должно снимать с себя ответственность за воспитание такого ребенка. И семья, взявшая его к себе, не просто удовлетворяет свои родительские потребности, но и делает социально значимое дело. Поэтому она вправе рассчитывать на поддержку общества.

В России восстанавливать традицию патронатного воспитания впервые начали в московском детском доме № 19. Именно там были созданы первые патронатные семьи, разработаны методики работы служб по семейному устройству, которыми сегодня пользуются во многих регионах России. Первые дети, устроенные на патронат в 19-м детском доме, уже давно выросли, многие из них сами стали мамами и папами и растят своих малышей. Всего в России уже более 5000 детей обрели семью благодаря системе патронатного воспитания.

При патронатном устройстве ответственность за ребенка разделяется между службами, уполномоченными государством, и семьей, в которой ребенок живет и воспитывается. Таким образом семья получает поддержку, службы – возможность контролировать ситуацию, а ребенок – семейное тепло и заботу.

- Патронатные воспитатели обязательно проходят специальную подготовку перед помещением ребенка в семью. Это тренинговые занятия, на которых они могут узнать больше об особенностях детей из детского дома, о возможных трудностях, а также разобраться в своих собственных мотивах, предположить, какие изменения произойдут в их семье с приходом ребенка.

- Семья проходит всестороннее обследование специалистами службы по устройству. При этом учитываются не только формальные показатели и наличие необходимых документов, но и реальная способность семьи растить ребенка, справляться с трудностями, помогать ему в адаптации к жизни.

- Патронатный воспитатель становится сотрудником службы по устройству детей и работает в тесном партнерстве со специалистами службы. Это, с одной стороны, означает помощь, с другой – ограничения в принятии некоторых решений. Например, выбор школы для ребенка и тем более формы образования патронатный воспитатель обязан согласовывать со службой.

- Патронатный воспитатель получает пособие на ребенка и небольшую зарплату. В реальности эти выплаты не покрывают расходов семьи на воспитание ребенка, но становятся подспорьем в семейном бюджете. Это тем более важно, что в подавляющем большинстве случаев патронатной маме приходится хотя бы на год-два оставить работу, ведь во время периода адаптации потребность ребенка в «наверстывании упущенного» так сильна, что он крайне болезненно переносит даже короткую разлуку. Воспитателю начисляется педагогический стаж, он имеет право на пенсионное обеспечение.

- После помещения ребенка семью сопровождают специалисты службы, она получает юридическую, медицинскую, педагогическую и психологическую помощь. Ребенок отдыхает в хороших лагерях, бесплатно проходит необходимые медицинские обследования, лечится в хороших клиниках, если нужно, с ним бесплатно занимаются репетиторы и логопеды, его наблюдают психологи. Особенно важна такая помощь в период кризисов, которые случаются в каждой семье. Специалисты службы помогают преодолеть трудности, разрешить конфликты. В результате

снижается вероятность того, что семья не справится и вернет ребенка в детский дом.

- За ребенком сохраняются все льготы, например на поступление в вуз или получение жилья.

- Ребенок сохраняет свои имя и фамилию. Это иногда создает трудности для патронатных воспитателей: когда они обращаются с ребенком в какое-то учреждение, порой приходится долго объяснять, кто они ему. Но психологи уверены, что сохранение своей фамилии как связи со своей кровной семьей очень важно для ребенка, позволяет ему легче разрешить вопросы идентичности. Иногда дети сами, получая паспорт, хотят взять себе фамилию своих патронатных воспитателей. По закону они имеют право это сделать.

- При желании и возможности ребенок может общаться со своими кровными родственниками, в том числе с родителями. При условии профессионального сопровождения контакты с кровными родственниками дают ребенку поддержку, чувство принадлежности, помогают справиться со стрессом и существенно снижают риск разрыва с приемной семьей в подростковом возрасте. Иногда братья и сестры живут в разных патронатных семьях, но ходят друг к другу в гости.

- Для некоторых детей патронатное воспитание обеспечивает возможность вернуться в родной дом, если кровные родители смогут выправить положение и избежать лишения родительских прав либо восстановить их. Это особенно хорошо удается, если параллельно с помощью ребенку оказывается помощь и его кровной семье. Часто ребенок, вернувшись к кровным родителям, продолжает поддерживать отношения со своей патронатной семьей, они на всю жизнь становятся родными, близкими людьми.

Очень важно, что на патронатное воспитание может быть устроен любой ребенок, любого возраста, с любым юридическим статусом. Благодаря предусмотренной при патронатном воспитании постоянной помощи семье на патронат легче устроить ребенка-инвалида или ребенка с сильным отставанием в развитии.

В судьбе патронатного ребенка принимают участие не только его непосредственные воспитатели, но и сотрудники той службы, которая устроила его в семью. Это социальные педагоги и психологи службы. Они много знают о ребенке, имеют большой опыт работы с детьми из детского дома и всегда готовы сделать все от них зависящее, чтобы облегчить адаптацию ребенка в семье и в школе. Эти специалисты также знают, какие кризисы переживает обычно ребенок в патронатной семье, и понимают, что

в таких случаях делать.

Приемная семья

Приемную семью^[12] невозможно с ясностью отнести ни к формам профессиональной замещающей заботы, ни к формам устройства ребенка в семью на правах члена семьи. С одной стороны, приемные родители заключают договор о воспитании ребенка и, кроме пособия, получают зарплату. С другой – далеко не везде от них требуют пройти специальную подготовку. Приемные родители полностью отвечают за ребенка, принимают все связанные с ним решения. В законе приемную семью называют «опекой по договору». Работа это или родительство? У меня нет ответа на этот вопрос. Судя по всему, в данный момент каждый трактует эту форму так, как ему удобно. Как профессионала меня беспокоит столь невнятное содержание этой формы и возможные в связи с этим конфликты между семьями и службами. Однако некоторое время назад развивать приемную семью стало модно, поэтому их очень немало. Еще раз напоминаю: не надо считать, что если форма устройства предусматривает оплату труда, значит, родители «гнались за деньгами». Возможно, это был единственный способ взять ребенка в этот момент, поскольку сверху было получено указание «активно развивать» именно эту форму.

* * *

Практика показывает, что традиционные модели семейного устройства сирот, такие как усыновление, обычно помогают найти семью только «удобным детям»: маленьким, без особых проблем со здоровьем и без родственных связей. Все остальные оказываются за бортом. Многолетний опыт развития форм профессиональной семейной заботы показывает, что при должной организации работы **любой** ребенок: подросток, инвалид, ребенок с трудностями обучения и поведения, ребенок, привязанный к своим кровным родителям, имеющий множество братьев и сестер, – может найти заботливую, любящую семью, которая поможет ему вырасти. А совместные усилия воспитателей, специалистов службы устройства, учителей, врачей и просто доброжелательных людей позволяют ему восстановиться после пережитых травм, вырасти здоровым, самостоятельным и счастливым человеком.

Приложение 3. Развивающие игры

Развивающих игр^[13] существует очень много, хороших и разных. Здесь приведены только несколько, для удобства они разделены на группы в зависимости от того, какого рода способности развивают в первую очередь. Разумеется, это деление довольно условно, ведь каждая игра задействует разные стороны мышления, развивает сразу множество способностей и умений, прежде всего – умение действовать по правилам, координировать свои действия с действиями других, работать на результат, при этом получая удовольствие от процесса.

Игры, улучшающие Общее развитие (запас слов, понятийный аппарат, кругозор, речь)

Такие игры дают эффект только при постоянном, длительном обращении к ним – между делом, в любую удобную минуту. К ним относятся и с детства всем знакомые «Города» или просто «Слова» – вариант для самых младших, когда нужно по очереди называть слова так, чтобы следующее начиналось на последнюю букву предыдущего.

Десяточка

Игрокам нужно по очереди называть десять слов, отобранных по какому-то признаку, например имена девочек, названия фруктов, названия рек и т. д. Можно играть командами, а можно и по одному, если группа детей маленькая.

Иногда может быть скучно слушать, как один из игроков долго вспоминает «еще одно словечко». Тогда имеет смысл разрешить ему подсказывать, но только без слов – жестами, звуками, мимикой. Получается очень интересно и весело, и снижается острота конкуренции, ребята начинают сотрудничать.

Словесный конструктор

Эта игра знакома, наверное, каждому. Выбирается одно длинное слово, например *словесность*. Задача играющих – за отведенное время (около

пяти минут) составить из букв этого слова как можно больше слов. Нужно оговорить заранее, можно ли использовать одну букву несколько раз, годятся ли только существительные в именительном падеже. Например, из нашего примера *словесность* получаются: *соль, нос, слово, сев, новость* и т. д.

Когда время истекает, списки сверяются так: играющие по очереди называют по одному слову, если у кого-то оно тоже есть, он говорит: «Есть», и все играющие это слово вычеркивают. Побеждает тот, у кого в конце проверки останется больше всех незачеркнутых слов. У более младших детей можно просто считать, кто больше слов придумал или у кого больше длинных слов (из пяти и более букв).

Вопросы по тексту

Выбирается небольшой по объему текст (из учебника, газеты, всем известное стихотворение и т. п.). Участникам предлагается по очереди задавать любые вопросы по этому тексту (отвечать на них не надо). Повторять уже звучавшие вопросы нельзя, снимаются и однотипные вопросы, то есть после варианта: *Какое первое слово в тексте?* уже нельзя спрашивать: *Какое второе слово в тексте?* Тот, кто не сумел задать очередной вопрос, выходит из игры. Побеждает задавший последний вопрос.

Игра развивает очень полезный навык «вычерпывания» информации, дает практику внимательного, вдумчивого восприятия текста. При этом текст, прошедший процедуру «выспрашивания», запоминается почти дословно и навсегда, а главное – дотошно выясняется его содержание. Это может быть очень кстати, особенно с ребятами, привыкшими к поверхностному усвоению материала и испытывающих трудности с точным и полным восприятием смысла прочитанного.

Рассказ по очереди

Для игры лучше всего сесть или встать в круг. Если ребят много или играют команды, можно построиться «солнышком», то есть команды в виде лучиков встают в кружок, а тот, кто уже внес свой вклад в игру, отбегает в конец «лучика», уступая место следующему. Первый играющий начинает рассказ, придумывая и произнося вслух фразу, например: *Однажды темным зимним вечером вся семья сидела за столом.* Второй продолжает

повествование, говоря свою фразу, и так далее. В зависимости от количества играющих, можно пройти один или несколько кругов, так, чтобы в итоге получился цельный рассказ. Долго раздумывать нельзя, для поддержания темпа можно каждый раз считать до трех: если игрок не начнет говорить, он выходит из игры. Младших ребят лучше предупредить, что рассказ приближается к концу, иначе они увлекутся и вряд ли смогут плавно его закончить.

Вариант для ребят постарше и взрослых: сочинять историю с конца. То есть первый говорит: *И на этом все разошлись*, второй: *Он объяснил им, как было дело, и заверил, что опасности больше нет* – и так далее, к началу рассказа.

С помощью этой игры можно быстро повысить настроение, снять напряжение, усталость. Она развивает речевую изобретательность, учит «не лезть за словом в карман», думать быстро. При этом высказывание каждого игрока связано с фразами остальных, и вклад каждого очень важен. Это развивает умение внимательно слушать, сотрудничать для достижения общего результата.

Не повторяться!

Играющие по очереди высказываются на одну и ту же тему, не повторяясь. Тема может быть любой: погода, описание предмета, человека, предложение что-либо сделать и многое другое. Нарушивший запрет на повторение или не сумевший высказаться выходит из игры. Побеждает тот, кто говорил последним. Хороший вариант – использовать эту игру для поздравления ребенка с днем рождения. Важно радостно приветствовать любой, даже странноватый или немного корявый вариант, иначе найдутся дети, которые впадут в «ступор», и игра не получится.

Это похоже на...

Одна команда загадывает слово, другой нужно угадать его по сравнениям. Для этого члены загадывающей команды по очереди говорят, на что похоже «это». Например, загадано *яблоко*. Могут быть такие сравнения: *Это похоже по форме на арбуз, Это похоже по размеру на кулак, Это похоже по цвету на закат* и т. п.

Можно играть и вдвоем, например, ребенку с родителем.

Игры, Развивающие внимание и память

Дефицит внимания и плохая память – основные проблемы, создающие трудности в учебе. Главное – чтобы ребенок не просто пассивно страдал из-за этого, а научился решать учебные задачи с теми вниманием и памятью, которые у него есть, – ведь других не будет! То, что дано, надо развивать, изучать, находить способы и приемы работы, которые подходят именно этому ученику.

Кто увидит больше

Эту игру, как и следующую, можно рекомендовать родителям. В нее лучше играть вдвоем-втроем, а не большой группой. Правила очень простые: по дороге (пешком или на транспорте) играющие соревнуются, кто заметит больше оговоренных объектов: красных машин, собак, кондиционеров на окнах, прохожих в очках, букв «С» в вывесках и т. д. Тот, кто заметил, говорит: «Вижу!» и показывает искомый объект.

Шерлок Холмс

Игра носит постоянный характер. Время от времени нужно неожиданно спрашивать друг у друга: «А ты заметил, сколько ступенек на лестнице перед магазином?», «А ты заметил, что написано (нарисовано) на рекламном щите, который мы проехали?», «А ты заметил, какого цвета было пальто у соседки, с которой мы поздоровались у лифта?» и т. д.

Снежный ком

Играют по очереди, лучше всего сесть в круг. Первый играющий произносит простое нераспространенное предложение, например: *Мальчик идет*. Каждый следующий должен прибавить к предложению одно слово, правильно повторив все предложение целиком: *Мальчик идет в кино*, *Мальчик быстро идет в кино* и т. д. Прибавлять можно в любом месте, служебные слова не считаются. Игрок, который при повторении пропустил слово или переставил слова местами, выходит из игры. Побеждает тот, кто останется последним.

Поначалу ребята все силы тратят на то, чтобы правильно запомнить

предложение и правильно вставить слово. После некоторой тренировки они без запинки воспроизводят фразы из двадцати и более слов, причем учатся слова правильно синтаксически связывать. В ходе игры развиваются память, внимание, способность сосредоточиться и очень трудно дающееся детям умение слушать друг друга. Естественно, развивается речевая изобретательность, осваиваются сложные конструкции, неожиданные связи между словами.

Игры, развивающие аналитические способности и познавательную активность

Важно, чтобы ребята понимали два основных требования к аналитическому мышлению: оно должно быть, с одной стороны, свободным, не «зашоренным», с другой – корректным, дисциплинированным. Мысль о том, что дисциплина мышления и его свобода не противоречат друг другу, а наоборот, неразрывно связаны, наверняка будет для ребят совершенно неожиданной. Их школьная практика, к сожалению, чаще говорит о другом: все правильное скучно, все интересное неправильно. Естественно, в ситуации игры они легко пренебрегают корректностью своих построений. Полезно, если они на собственном игровом опыте убедятся, что по-настоящему хорошо получается только то, что и правильно, и интересно.

Угадай число

Один загадывает число, например от 1 до 100. Другой называет произвольное число в этом интервале и получает ответ: больше это число задуманного или меньше. И так, пока не угадает. Чем меньше понадобилось вопросов, тем лучше. Можно играть в паре, а можно со всем классом сразу, надо только заранее оговорить принцип, по которому будет выбираться следующий, кто задаст вопрос, иначе самые сообразительные в азарте будут выкрикивать с места, а остальные – просто отсиживаться. Лучше придумать хитроумный способ – например, определять следующего «ходом коня», или «через два по списку», или «тот, кому я брошу мячик», тогда все вынуждены будут находиться в тонусе.

Если дети сами не открывают оптимальный алгоритм решения – каждый раз делить интервал пополам, можно подсказать его на примере задачи про лифт: «Представьте себе, что вы идете в гости. Дом

пятнадцатизэтажный. На каком этаже квартира – неизвестно. Сколько квартир на каждом этаже – тоже неизвестно и может меняться. Как быстрее всего найти нужную квартиру?» Обычно кто-то догадывается, что нужно поехать на 8-й этаж, и так отсечь половину этажей, если искомый номер выше – на 12, тем самым отсечь еще половину, если опять выше – на 14-й, то есть каждый раз делить интервал пополам. Так нужный этаж будет определен максимально за три «лишних» выхода из лифта (если не повезет случайно наткнуться на нужный номер). Легко убедиться, что любая другая стратегия требует больше «лишних» выходов.

Угадай слово

Один загадывает слово и говорит, на какую букву оно начинается. Остальные пытаются его угадать, задавая ему вопросы, на которые отвечать можно только «да» или «нет».

Лучше начинать с простых для отгадывания слов, например названий предметов или животных. Важно, чтобы дети нашли технологию поиска по родовым понятиям и признакам. То есть начали задавать вопросы типа «Это живое?», «Это больше человека?», «Это хищное?», «Это сделано людьми?», «Это есть сейчас в классе?» и т. д.

По мере овладения игрой можно предлагать для отгадывания более абстрактные понятия, например «каникулы», «правда» или «климат». Забавно, что на моей памяти самым трудным для отгадывания оказалось слово «двойка». Отгадывающая команда пришла в полное отчаяние, подытожив полученные к тому времени ответы: оказалось, что «это» есть практически у всех детей, но не бывает у взрослых, что «это» один человек делает другому, но при этом оба не рады, и что для получения «этого» не нужно ничего специально делать, а наоборот, нужно чего-то не делать, да еще «это» можно увидеть и услышать, но нельзя почувствовать. Поди догадайся!

Лучше играть с небольшой группой детей или разбить класс на группы по пять – шесть человек (один загадывает, другие отгадывают). Тогда вопросы можно задавать по очереди или вразнобой. Если играть с большой группой детей, нужно задать какой-нибудь алгоритм определения того, кто будет задавать следующий вопрос (например, как в предыдущей игре). Можно разрешить вне очереди поднимать руку тем, кто полагает, что уже отгадал задуманное слово.

Смысловые пропорции

Решаем смысловую пропорцию, например такую: *добро / зло = свет / ?* (ответ: *тьма*).

Суть задания в том, чтобы понять, каковы отношения между членами пропорции, и найти недостающий. Пропорции могут быть построены на самых разных соотношениях: на сходстве или противоположности, на связи по типу «часть-целое», «причина-следствие», «форма-содержание» и т. д. Вот пример грамматической пропорции: *сделать / делать = говорить / ?* (ответ: *сказать*).

Сначала дети только решают предложенные задания, потом начинают их сами придумывать. Важно каждый раз выяснять, почему предлагается именно такое решение, каков ход рассуждений. Иногда возможны два красивых решения, тогда оба нужно считать правильными. Пример: *пожар / пожарник = ? / дворник* (ответ *двор*, если пропорция словообразовательная, и *мусор* – если смысловая). Пропорции можно составлять по каждой новой теме, они отлично выявляют нечеткости и проблемы в понимании.

Игра может проходить по-разному. Для детей неподготовленных, играющих впервые, или просто для самых младших подходит вариант, когда задания дает учитель, цель ребят – только правильно ответить. Тот, кто раньше всех нашел верный ответ, получает балл, в конце игры баллы суммируются и определяются победители. Можно играть и по командам, тогда балл получает команда, которая первой нашла верное решение. Не нужно ставить условие, чтобы команда пришла к единому решению, для этого типа игр чем больше равноправных версий, тем лучше.

Второй вариант предусматривает, что ребята не только решают, но и сами составляют пропорции. Можно попросить их подготовиться к игре дома, можно усложнить задачу: в начале каждого тура играющим дается, например, пять минут на составление трех пропорций. Игра может быть командной, тогда команды по очереди предлагают пропорции, а все остальные ищут ответ. Балл получает и та команда, которая составила правильное задание, и та, которая первой правильно ответила. Можно провести и личное первенство: участники задают вопросы по кругу, а отвечает тот, кто первым поднял руку. Плюс личного первенства в том, что в нем участвуют на равных все – никто не может отсидеться за спиной команды.

Ниже приводится несколько пропорций разной степени сложности,

которые могут быть использованы на первых порах. Все они были составлены учениками 3-10 классов. (Член пропорции, который нужно угадать, дается в скобках. В необходимых случаях дается пояснение пропорции.)

- *черное \ белое = (огонь) \ вода*
- *тигр \ кошка = (волк) \ собака*
- *лампа \ свет = (радио) \ звук*
- *дети \ игра = (взрослые) \ работа*
- *казак \ казак = аран \ (пара) – слово наоборот*
- *музыка \ ноты = речь \ (буквы)*
- *пол \ потолок = стена \ (стена)*
- *лицо \ портрет = природа \ (пейзаж)*
- *волк \ шерсть = ворона \ (перья)*
- *пожарник \ (вода) = дворник \ метла*
- *тигр \ 4 = паук \ (8) – количество ног*
- *провода \ электричество = (сосуды) \ кровь*
- *машина \ мотор = человек \ (сердце)*
- *дом \ крыша = человек \ (шапка)*
- *верблюд \ горб = пеликан \ (клюв) – яркий отличительный признак*
- *вода \ огонь = (огонь) \ дерево – то, что уничтожает*
- *автомобиль \ шины = конь \ (подковы)*
- *кран \ вода = холодильник \ (холод)*
- *капля \ море = слово \ (текст)*
- *пустыня \ кактусы = море \ (водоросли)*
- *листья \ зима = лето \ (снег) – то, чего не бывает*
- *музыка \ плеер = море \ (раковина)*
- *мороз \ красный нос = солнце \ (веснушки, загар)*

Продолжить ряд [\[14\]](#)

Игрокам предлагается некоторый ряд, который должен включать не менее трех элементов и не более шести-семи. Задача – продолжить предложенный ряд, для чего надо догадаться, какая закономерность лежит в основе его построения. Ответом должен быть не только вариант продолжения ряда, но и объяснение, почему он продолжен именно так. Особенно интересно получается, когда у ряда есть сразу несколько оснований (как во многих примерах ниже). С маленькими детьми или в самом начале освоения игры лучше выбирать ряды с одним основанием.

Здесь приведено несколько заданий. Ответы с кратким пояснением приводятся в скобках:

- *О, Д, Т...*? (*Ч*, даны первые буквы числительных по порядку: *один, два, три... четыре*);
- *апельсин, банан, виноград...*? (*груша* или другой фрукт на букву *Г* – следующую букву алфавита);
- *паук, таракан, мышь...*? (*птица* или *человек*, это ряд животных в порядке уменьшения количества ног);
- *медведи, сестры, поросята...*? (например, *мушкетеры* – слово, образующее название художественного произведения вместе с числительным *три*);
- *каракатица, камбала, кальмар...*? (*краб*, слово должно называть морское животное и содержать в себе одну гласную *а*, поскольку их число каждый раз уменьшается).

Четвертый лишний^[15]

Задача игры – проанализировать предложенный ряд из четырех элементов и назвать лишний, то есть не имеющий качества, которое есть у всех остальных. Ответ в этой игре также нужно давать вместе с объяснением, почему именно это слово лишнее.

Здесь приведено несколько заданий, которые будут полезны на первых этапах знакомства с игрой (ответы в скобках сопровождаются кратким пояснением):

- *печка, свечка, утка, овечка* (*утка*, остальные слова рифмуются);
- *лебедь, воробей, ворона, попугай* (*ворона*, остальные слова мужского рода);
- *рыба, рак, угорь, скорпион* (*угорь*, остальные слова дали название созвездиям Зодиака);
- *уши, головы, ноги, плечи* (*головы*, остальные слова называют парные части тела);
- *крум, брук, друг, шмак* (*друг*, остальные не слова);
- *ворота, чернила, задания, ножницы* (*задания*, остальные слова не имеют единственного числа);
- *полнолуние, Луна, месяц, Земля* (*полнолуние*, остальные слова обозначают планеты);
- *пароход, парной, парик, парник* (*парик*, в остальных словах корень *пар*).

Задания для младших школьников, особенно для ребят, которым трудно учиться, могут быть гораздо проще.

Что общего?

Играющие делятся на команды, команды расходятся по углам помещения. Их задача – найти как можно больше разных ответов на вопрос «Что у всех нас, членов команды, общего?». После короткого обдумывания команды по очереди начинают предлагать свои ответы, при этом запрещено повторять уже звучавшие и давать однотипные варианты (скажем, после ответа *Мы все одеты* вариант *Мы все обуты* уже не засчитывается). Команда, которая в течение минуты не смогла дать ответ, когда подошла ее очередь, выбывает из игры. Побеждает команда, ответившая последней.

Чем старше дети, тем быстрее они переходят от ответов *Мы все учимся в школе* или *У нас у всех есть джинсы* к версиям более интересным: *Мы все родились*, *Мы все ходим на двух ногах* или, например, *У нас у всех есть совесть*. Игра проходит в быстром темпе, очень азартно и весело.

Понятно, что сыграть в эту игру получится только один-два раза, потом становится неинтересно, варианты начинают переходить из тура в тур (впрочем, для детей с трудностями в обучении это может быть плюсом, а не минусом, они учатся на повторях). Тем более важно использовать игру максимально. Она прекрасно подходит для ситуации знакомства, когда нужно быстро перезнакомить группу детей (например, новый класс) или просто изменить сонное, вялое настроение детей.

Классификация

Игра очень важна для развития способности к анализу, к установлению связей «часть – целое», «предмет – признак», «род – вид», которые часто «западают» не только у детей с задержкой, но и у самых обычных школьников.

Перед тем как познакомить ребят с игрой, можно побеседовать о том, что часто нам бывает нужно разделить множество людей или предметов на группы по какому-то признаку. Это и называется «классификацией». Если классификация сделана правильно, она полезна, например, мы делим живые существа на растения, животных и людей. Но если классификация сделана нелогично, может получиться что-то вроде известной «классификации животных китайскими придворными мудрецами» Борхеса:

«животные подразделяются на: а) принадлежащих Императору, б) бальзамированных, в) прирученных, г) молочных поросят, д) сирен, е) сказочных, ж) бродячих собак, з) включенных в настоящую классификацию, и) буйствующих, как в безумии, к) неисчислимых, л) нарисованных очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти, м) и прочих, и) только что разбивших кувшин, о) издалика кажущихся мухами». Важно обсудить с детьми, почему эта «классификация» вызывает смех, и попробовать вместе с ними вывести правила «хорошей классификации».

Пусть каждый предлагает все, какие приходят в голову, способы расклассифицировать, например, ребят в классе: на *мальчиков и девочек, блондинов, шатенов и брюнетов, отличников, хорошистов и троечников, сидящих у окна и сидящих у стены, любящих математику и любящих литературу* и т. п. Чем больше вариантов, тем лучше. Каждый предложенный способ классификации обсуждается и оценивается. В процессе обсуждения вырабатываются правила: сравнивать и противопоставлять нужно по одному и тому же признаку (нельзя: *девочки и отличники*); не должно остаться ни одного элемента классифицируемого множества, которые нельзя отнести ни к одной группе (нельзя делить только на *блондинов и брюнетов*, если в классе есть хоть один *рыжий*); группы, получившиеся в результате классификации, не должны поглощать одна другую (нельзя: *мальчики и футболисты*).

Классифицировать можно самые разные множества: буквы алфавита, части речи, страны и города, иностранные слова, химические вещества, книги на полке, предметы в школьном расписании, телепередачи, месяцы и дни недели, и многое, многое другое. Важно, чтобы множество было всем известно и четко ограничено.

Играть можно и по командам, и всем классом сразу, и индивидуально. Конечно, во всех случаях лучше это делать письменно, чтобы не запутаться и чтобы потом можно было проанализировать предложенные варианты.

СНОСКИ

Подробнее о мифах см. в Приложении.

Не случайно отказ матери от новорожденного иногда называют «скрытым инфантицидом» (детоубийством).

В этой ситуации неоценимо значение профессиональных патронатных семей, которые могут взять малыша к себе до выяснения всех обстоятельств, а потом уже передать его постоянным приемным родителям. Очень больно бывает слышать пренебрежительные отзывы об этих людях, которые, мол, «берут детей на передержку». Они спасают детей от казенного дома, от последствий депривации, каждый раз принося в жертву собственные чувства и желания, чтобы помочь большему числу детей.

Сейчас во многих «продвинутых» детских домах действуют программы социализации. Для ребят оборудуют кухни, их учат готовить, ходить в магазин за продуктами, привлекают к оформлению комнат. Это очень хорошо и важно, но сплошь и рядом эти программы не содержат главного компонента – ответственности. Такой, как в жизни: поленился сходить в магазин – сиди голодный, не мыл пол неделю – противно ноги с кровати опускать. Этого детское учреждение допустить не может, а значит, получается «социализация понарошку», она учит каким-то отдельным навыкам, но жизни по-прежнему не учит.

В науке это называется «диспропорции развития», то есть неравномерное развитие ребенка – как физическое, так и психологическое. Обычно «замирание» развития происходит в моменты наивысшего стресса, в том возрасте, когда случилась психотравма. Поэтому, например, ребенок (или даже взрослый), потерявший родителей в пять лет, спустя годы попадая в ситуацию стресса, может вести себя как пятилетний.

Здесь шла речь только о психологических аспектах проблемы. Понятно, что есть еще и чисто физиологические. Мать могла во время беременности принимать алкоголь и наркотики, предпринимать попытки прервать беременность, ребенок мог годами плохо питаться, не получать медицинской помощи. Все это не проходит бесследно.

Известный педагог Рудольф Дрейкурс считал, что мотивов трудного поведения детей бывает только четыре: желание привлечь внимание, борьба за власть, месть за прошлые обиды и стремление избегать неудачи. Можно спорить с ним насчет того, встречается ли еще что-то, но эти четыре вида, безусловно, самые частые. Думаю, вы сами легко найдете их все в наших историях из третьей главы. См. более подробно главу «Ищем пружину» в книге: Л. Петрановская «Как ты себя ведешь. 10 шагов по изменению трудного поведения», М., 2010.

Мы любим приписывать детям столь изощренные способности, но это просто свойственная всем людям в той или иной мере паранойя (вынесение вовне и приписывание другим собственных негативных чувств), вроде уверенности в том, что хихикающие два человека непременно смеются над нами. В реальности это мы сами подозреваем в себе неудачника, достойного осмеяния, но, не признаваясь себе в этом, выносим негатив вовне и приписываем окружающим. Подозревают детей в постоянном манипулировании обычно как раз те взрослые, которые чувствуют себя с ними неуверенно, не понимают их, боятся быть обманутыми и от собственного бессилия нередко прибегают к манипуляции.

Рекомендую замечательные книги на эту тему американского педагога Джона Холта «Причины детских неудач» и «Залог детских успехов».

В некоторых регионах РФ семьи усыновителей получают пособие на ребенка вплоть до его совершеннолетия.

К сожалению, это право последовательно реализуется далеко не во всех регионах РФ.

Только в этом разделе я использую словосочетание «приемная семья» в узком смысле, как «конкретная форма семейного устройства». Эта проблема с наименованием возникла из-за непродуманной работы над текстом закона, создавшим очень неудобную омонимию: «приемная семья» как любая семья, воспитывающая неродного ребенка (значение словосочетания, принятое издавна в русском литературном языке) и «приемная семья» как одна из форм профессиональной семейной заботы (значение, возникшее совсем недавно после внесения этого понятия в законодательство). Все специалисты по семейному устройству с этим мучаются. Приходится выдумывать маловразумительные именованья вроде «замещающая семья» или вот так, как я, каждый раз объяснять, что имеешь в виду. Может, когда-нибудь уважаемые юристы нам наконец помогут?

Приложение составлено на основе книги: Л. Петрановская «Игры на уроках русского языка», М., 2000.

Для этой игры справедливы те же методические соображения, что и к игре «Смысловые пропорции».

Для этой игры справедливы те же методические соображения, что и к игре «Смысловые пропорции».